

ИНДИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Составитель: Кирилл Королев

МИДГАРД

2004

Содержание

<i>Предисловие</i>	7
<i>Часть первая. Не в предании, но в яви</i>	
Глава 1. «О Небо и Земля, помогайте нам вместе с богами»: индийская мифологическая традиция	13
Глава 2. «Из волнения океана появилось вращенье года»: индийский миф творения	35
<i>Часть вторая. Райская пестрота</i>	
Глава 3. «Я знаю, могучие, каковы ваши обычаи»: индийский пантеон	83
Глава 4. «Грозные силой, образуя отважную рать»: союзники и противники богов	165
<i>Часть третья. Врата к бессмертию</i>	
Глава 5. «Дарую награду великому сыну»: индийский героический эпос	219

<i>Глава 6. «Зажженный, дай нам богатство на счастье»:</i>	
<i>ритуал в индийской культуре</i>	<i>273</i>
<i>Глава 7. «В ком истина, тот брахман»:</i>	
<i>новые боги индийской традиции</i>	<i>323</i>

Приложение

<i>Краткая хронология</i>	<i>345</i>
<i>Глоссарий</i>	<i>349</i>
<i>Библиография</i>	<i>443</i>

Предисловие

«Царство же таково: в одну сторону нужно идти десять месяцев, а до другой дойти невозможно, потому что там небо с землею встречаются. И живут в одной области немые люди, а в другой — люди рогатые, а в иной земле — трехногие люди, а другие люди — девять сажен, это великаны, а иные люди с четырьмя руками, а иные — с шестью, и есть земля, где у людей половина тела песья, а половина человечья, а у других людей очи и рот в груди. В иной же земле у людей сверху большие рты, а другие люди имеют скотьи ноги. Если люди — наполовину птица, наполовину человек, а у других людей головы собачьи; рождаются в царстве звери: слоны, дромадеры, крокодилы и двугорбые верблюды... Есть земля, а в ней люди, у которых очи во лбу...»

Этот отрывок из древнерусского «Сказания об Индийском царстве» как нельзя лучше иллюстрирует представление об Индии, сложившееся у европейских народов и в известной мере продолжающее бытовать даже по сей день. Индия — чудесная, баснословная страна многих диковин, сказочная земля невиданных редкостей и непревзойденной мудрости. Это представление разделяли и персы, и финикийцы, и греки; последние знали об Индии из записок мореплавателя Скилака, спустившегося по Инду до океана, и со слов Ктесия, придворного лекаря персидского царя Артаксеркса II. Как писал в своей «Истории» Геродот, опираясь в основном на персидские и малоазийские источники: «В Индии есть много разных племен, говорящих на разных языках. Некоторые из них кочевники, другие же — нет. Одни обитают в болотистой дельте реки [Инда] и питаются сырой

ПРЕДИСЛОВИЕ

рыбой, которую они ловят со своих бамбуковых лодок (целая лодка делается из одного колена этого бамбука). Эти индийские племена носят одежды из тростникового [лыка]. Тростник они срезают в реке, затем разделяют на полосы, сплетают наподобие циновки и носят в виде панциря. Обычаи их, по рассказам, вот какие. Когда кто-нибудь — мужчина или женщина — занедужит, то, если это мужчина, его убивают ближайшие друзья — мужчины же. Ведь, по их словам, недуг, снедающий больного, загубит для них его мясо. А тот уверяет, что вовсе не страдает от недуга. Они же, не внимая его словам, умерщвляют его и затем поедают труп. Если же недуг поражает женщину, то ближайшие родственницы больной поступают с ней так же, как мужчины. Что же касается старцев, то их торжественно закальвают [и приносят] в жертву [божеству] и также съедают. Впрочем, до преклонного возраста доживает у них немного людей, так как всякого убивают уже раньше, если он страдает каким-нибудь недугом.

Есть индийские племена, которые держатся иных обычаев, а именно вот каких. Они не убивают ни одного живого существа, не трудятся на нивах, нет у них жилищ, а питаются они травой. В их стране дико растет одно растение, стручки которого величиной с просяное зерно. Эти зерна они собирают вместе с шелухой, варят и употребляют в пищу. Если кого-нибудь из них поражает недуг, то он уходит в пустыню и там ложится. Никто уже не заботится ни об умирающем, ни о страждущем.

У всех названных индийских племен половое общение совершается открыто, как у скота. Цвет кожи у всех их одинаковый, именно такой, как у эфиопов. Так же и семя, которым они оплодотворяют женщин, не белое, как у остальных народов, а черное, под цвет их кожи.

В их земле есть песчаная пустыня, и в песках ее водятся муравьи величиной почти с собаку, но меньше лисицы. Несколько таких муравьев, пойманных на охоте, есть у персидского царя. Муравьи эти роют себе норы под землей и выбрасывают оттуда наружу песок, так же как это делают и муравьи в

Элладе, с которыми они очень схожи видом. Вырытый же ими песок — золотиносный, и за ним-то индийцы и отправляются в пустыню. Для этого каждый запрягает в ярмо трех верблюдов, по бокам — верблюдов-самцов, которые бегут рядом, как пристяжные, а в середине — самку-верблюдицу. На нее они и садятся, выбирая преимущественно спокойную, которая только что ожеребилась. Их верблюды быстротой не уступают коням, а помимо того, могут нести гораздо более тяжелые выюки. В такой верблюжьей упряжке индийцы отправляются за золотом с тем расчетом, чтобы попасть в самый сильный зной и похитить золото. Ведь муравьи от зноя прячутся под землей. Солнце в стране этих народов самое знойное утром, а не как в других местах в полдень. Лишь около полудня, когда у нас расходуется рынок, солнце стоит там уже высоко на небо. Когда индийцы приедут на место с мешками, то наполняют их [золотым песком] и затем как можно скорее возвращаются домой. Муравьи же тотчас, по словам персов, по запаху почуяв их, бросаются в погоню. Ведь ни одно животное не может сравниться с этими муравьями быстротой [бега], так что если бы индийцы не успели опередить их (пока муравьи соберутся), то никто бы из них не уцелел. Так вот, верблюдов-самцов (те ведь бегут медленнее самок и скорее устают) они отвязывают в пути и оставляют муравьям (сначала одного, потом другого). Самки же, вспоминая оставленных дома жеребят, бегут без усталости.

И в Индии не только четвероногие животные и птицы гораздо большей величины, чем в других странах, кроме коней, но там есть и несметное количество золота, добываемого из земли, частью приносимого реками или похищаемого описанным мною способом. А плоды дикорастущих деревьев дают здесь шерсть, по красоте и прочности выше овечьей шерсти. Одежды индийцев изготовляются из этой древесной шерсти»¹.

¹ Любопытно, что Геродот писал свою «Историю», изобилующую этими чудесными подробностями, приблизительно в то

ПРЕДИСЛОВИЕ

Походы Александра Македонского и одного из его преемников Селевка Никатора познакомили европейские народы не только с «индийскими диковинками», но и с богатейшей культурой Индии: по преданию, во время Индийского похода Александр встретился с «гимнософистами» (брахманами), преподавшими ему урок высшей мудрости, а один из брахманов, Калан, вызвался отправиться вместе с царем к Средиземному морю. Именно возвратившиеся домой воины Александра принесли в Европу первые сведения об индийских обычаях — и об индийской мифологии.

Следует сразу же оговориться, что словосочетание «индийская мифология» является в строгом смысле некорректным и употребляется исключительно ради удобства изложения. В современной науке принят термин «древнеиндийская мифология», подчеркивающий особенности верований индийцев эпохи вед и пуран и противопоставляющий их нынешним синкретическим индуистско-буддийско-мусульманским верованиям. Как пишет В.Н. Топоров, древнеиндийская мифология объединяет в себе ведийскую и индуистскую мифологии, «отягощенные» элементами мифологии дравидов, джайнов и других племен, населявших Индийский субконтинент¹. Именно этой ведическо-индуистской мифологии и посвящена наша книга.

же время, когда в Индии уже складывалась столь сложное религиозно-философское учение, как буддизм.

¹ Ср.: «Соотношение этих основных мифологических систем достаточно сложно. Оно определяется сочетанием культурно-исторических, этнолингвистических, мировоззренческих, пространственно-временных факторов. Несмотря на довольно обширный общий фонд мифологических персонажей и мифов в составных частях индийской мифологии, между ними существуют глубокие различия и для них характерна самостоятельность, самодостаточность. Специфический выбор элементов из общего фонда предопределил актуализацию одних и забвение других мифологических сюжетов и даже персонажей, образование между ними новых связей».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НЕ В ПРЕДАНИИ, НО В ЯВИ

Глава 1

«О НЕБО И ЗЕМЛЯ, ПОМОГАЙТЕ НАМ ВМЕСТЕ С БОГАМИ»: индийская мифологическая традиция

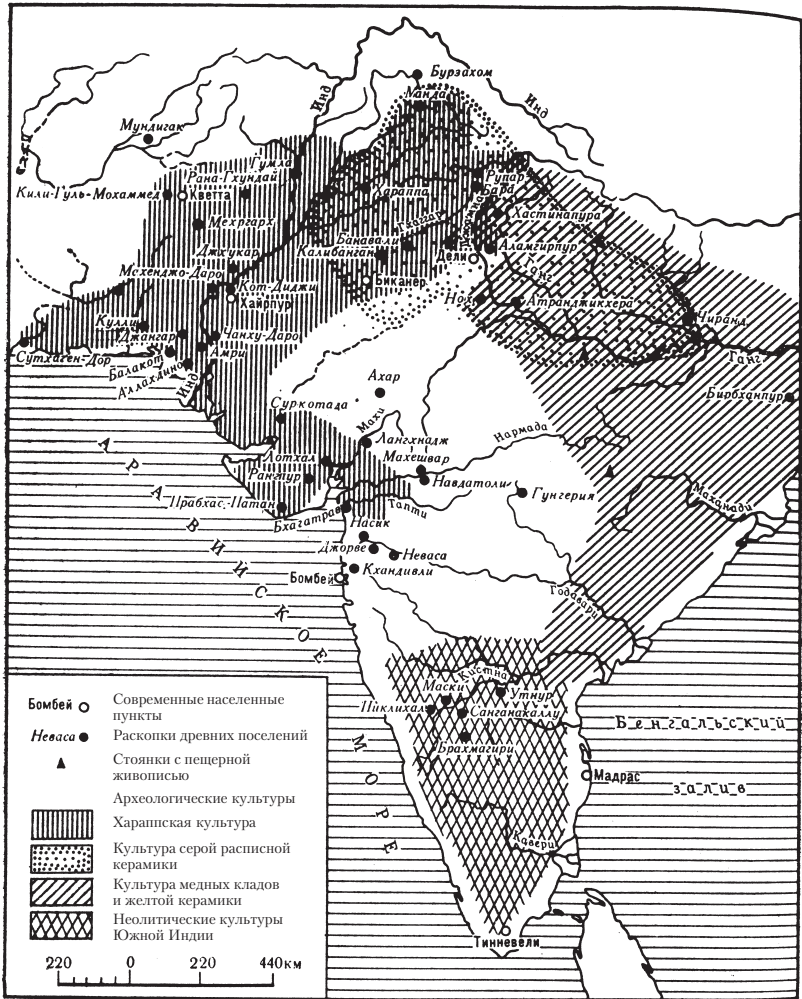
Культура Мохенджо-Даро и Хараппы. — Протоиндийская письменность. — Мифология протоиндийцев. — Арии. — Индоиранская общность. — «Ригведа» и «Авеста». — «Ведийская ночь». — Арийское общество. — Арийская мифология. — Ведическая традиция. — Буддизм. — Джайны и их мифология. — Индуизм. — Мифология дравидов. — Веды как источник сведений о мифологии. — Структура и содержание вед. — Брахманы и упанишады. — Традиция шрути и традиция смрити. — Буддийский канон. — «Воспоминания об Индии».

Едва ли не до начала XX столетия считалось, что населявшие Индию племена ариев были исконными обитателями этих земель. Однако археологические раскопки на северо-западе Индии открыли культуру, которая получила название «протоиндийской», или цивилизации долины Инда. При раскопках были обнаружены древние города Мохенджо-Даро, Хараппа (откуда еще одно название этой культуры — хараппская) и др., «возраст» которых составляет 4–5 тыс. лет. Археологические исследования позволили установить, что во

второй половине III — первой половине II тысячелетия до н. э. в долине Инда существовала высокоразвитая городская цивилизация, охватывавшая территорию от гор Симла на севере до Аравийского моря на юге. Города хараппской культуры были укрепленными, с правильной планировкой, со стенами и зданиями из обожженного кирпича, с храмами, общественными постройками, банями, кварталами ремесленников и сетью ирригационных каналов.

Как писал выдающийся отечественный индолог Г.М. Бонгард-Левин, хараппская цивилизация вела постоянную торговлю с Месопотамией (Шумер, Аккад); при раскопках древних месопотамских городов обнаруживаются, в частности, «типичные протоиндийские печати» с характерной техникой изображений.

Высокий уровень развития хараппской культуры подтверждается и существованием письменности. По замечанию немецкого исследователя И. Фридриха, «эта весьма загадочная письменность известна по каменным и медным печатям из современного Пакистана, по единичным находкам в различных районах долины Инда и по систематическим раскопкам, богатым такого рода памятниками, у современных населенных пунктов Харappa (в Пенджабе) и Мохенджо-Даро (вблизи долины Инда). Так как несколько таких «протоиндийских» печатей обнаружено и в датировемых слоях месопотамского культурного круга, то оказалось возможным датировать находки раскопок приблизительно серединой III тысячелетия до н. э. или несколько более поздним временем». К сожалению, протоиндийскую письменность до сих пор не удалось расшифровать — вследствие малочисленности и краткости надписей, разнообразия знаков письма и, самое главное, вследствие полного незнания языка

Карта Древней Индии.

этой письменности. Сегодня большинство исследователей признает наличие в этом языке дравидийских элементов и считает, что «язык доарийского населения долины Инда принадлежал к группе дравидийских (протодравидийских) языков». Как замечал Г.М. Бонгард-Левин, «можно привести еще аргументы в пользу данного мнения — например, связи между дравидийскими языками и языками Передней Азии, в частности эламским. Показательно, что дравидо-язычное население и гораздо позднее, почти до наших

дней, обитало к западу от границ харапской цивилизации. Можно говорить о существовании протодравидийской языковой общности к северо-западу от долины Инда. Распад этой общности лингвисты относят к IV тысячелетию до н. э., когда началось движение дравидо-язычных племен к югу и юго-востоку».

Поскольку протоиндийская письменность пока не поддается расшифровке, о верованиях протоиндийцев можно судить почти исключительно по памятникам материальной культуры (и, в отдельных случаях, по изображениям на печатях). Находки множества терракотовых женских статуэток несомненно указывают на су-

Богиня-мать.
Статуэтка из Мохенджо-Даро
(II тыс. до н. э.).

ществование культа богини-матери, а изображения животных на печатях, возможно, свидетельствуют о тотемическом поклонении быкам, слонам, буйволам и тиграм. На некоторых печатях встречается изображение трехликого божества, окруженного животными и сидящего в позе, которую позднее придавали Шиве. Английский исследователь Дж. Маршалл идентифицировал это божество с Шивой-Пашупати — покровителем скота. «Этот культ, вероятно, доказывает известную преемственность верований хараппцев и индуизма». Экспедиция Маршалла обнаружила и печати с изображениями женской ипостаси «прото-Шивы» — предположительно, прообраза богини Шакти. Позднее был сделан вывод, что изображения на хараппских печатях представляют собой своего рода «конспекты мифов» и что протоиндийские космографические и мифологические представления в измененном виде вошли в религиозные системы Индии — индуизм, буддизм и джайнизм.

Приблизительно около 1700–1500 гг. до н. э. города протоиндийской цивилизации были разрушены. По мнению ряда исследователей, эта трагедия была вызвана вторжением на территорию Индии арийских племен через перевалы Гиндукуша. Арии сражались на боевых колесницах, которых не знали протоиндийцы, и потому сравнительно легко и быстро подавили сопротивление и утвердились в северо-западной Индии, оттеснив коренное население к югу. Впрочем, много сторонников имеет и та точка зрения, что города хараппской культуры погибли в связи с природными катаклизмами; при этом ссылаются на древнегреческого географа Страбона, который писал в своей «Географии»: «...видел страну с более чем тысячью городов вместе с селениями, покинутую жителями, потому что Инд, оставив свое прежнее русло и повернув в

другое, гораздо более глубокое, стремительно течет, низвергаясь подобно катаракту»¹.

Ожесточенные научные споры о причинах гибели городов протоиндийской цивилизации не утихают по сей день, регулярно выдвигаются все новые и новые гипотезы, но на этих страницах нет необходимости анализировать их сколько-нибудь подробно. Нам вполне достаточно знать, что протоиндийская цивилизация погибла — и на смену ей пришла цивилизация ариев.

Как уже упоминалось, арии стали проникать в северо-западную Индию приблизительно с середины II тысячелетия до н. э. Согласно так называемой теории арийского завоевания, Индия подверглась единовременному массовому вторжению народов белой расы, которые принесли с собой высокоразвитую культуру, идеи государственности и религии и частично истребили, а частично покорили автохтонные племена. По выражению Г.М. Бонгард-Левина, эта теория многие десятилетия использовалась в качестве «некоего волшебного ключа, открывающего любые тайны истории Древней Индии. Как произошло рабство? В страну проникли арии и поработили местные племена. Как возникли касты? Арии возвели социальные перегородки, чтобы предотвратить смешение с аборигенами. Где истоки индийской культуры? Они в арийском духе, ставшем единственной основой прогресса страны на протяжении всей ее последующей истории».

¹ Эти слова Страбона нашли подтверждение в результатах исследований гидрологической экспедиции Р. Рейкса, которая сделала вывод, что в связи с тектоническими толчками уровень воды в Инде существенно повысился, и это привело к затоплению городов.

Раскопки протоиндийских городов в долине Инда убедительно опровергли многие положения этой теории, оставив «зерно истины» — сам факт проникновения на территорию Индии с запада кочевых племен, придерживавшихся иной, нежели «аборигены», культурной традиции.

Слово «арья» (arya) служило самоназванием протоиндоариев, предков индийцев и иранцев, исторические судьбы которых в течение определенного периода времени складывались параллельно. (Кстати сказать, именно от этого слова происходит современное название Персии — «Иран».) Считается, что предки индийцев и иранцев составляли единую историко-культурную и языковую общность — индоиранскую. Сходство прослеживается в обрядности, в социальной организации, в мифологических сюжетах и в религиозных гимнах; некоторые фрагменты «Ригведы» имеют прямые аналогии в текстах священной книги зороастризма — «Авесты». Что касается языковой общности, те же «Ригведа» и «Авеста» дают весьма показательные примеры: Вритра — Веретрагна, Яма — Йима, Трита Аптя — Траэтона, Сомы — Хаомы и даже Митра — Митра, Ваю — Вайю и Апам Напат — Апам Напат.

По замечанию Т.Я. Елизаренковой, то, «что индоиранская общность существовала, не вызывает никаких сомнений. Разногласия касаются ее локальной и географической соотнесенности, а также ее характера». В настоящее время в индологии приняты две точки зрения: согласно первой, индоиранцы первоначально обитали в юго-восточной Европе, откуда переселились в Среднюю Азию, а в дальнейшем, разделившись на два потока, перебрались в Иран и Индию; согласно второй гипотезе, индоиранцы пришли из южнорусских степей на Кавказ, а оттуда двинулись в Индию и Иран. Известна также

«полярная теория», возникшая в XIX столетии и просуществовавшая до 1920-х гг. Приверженцы этой теории полагали, что все встречающиеся в индийских и иранских мифах астрономические представления суть обрывочно сохранные мифологией и фольклором, переосмысленные и на поздней стадии зафиксированные письменно свидетельства о древнейших местах обитания ариев — на Крайнем Севере, за Полярным кругом; даже высказывались предположения о том, что прародина ариев находилась в Арктике, где до ледникового периода будто бы располагался материк с теплым климатом.

В XIX в. считалось доказанным, что перед миграцией в Индию и Иран между протоиндоариями произошел раскол, в результате которого общность разделилась на два племенных союза¹. Первый союз из Средней Азии двинулся в Персию, а второй — через Афганистан в Индию. Сегодня выдвинута гипотеза о том, что прародина индоевропейцев совпадала с восточной Анатолией и северной Месопотамией; в первой половине III тысячелетия до н. э. индоиранские племена появились на севере Ирана, а затем через Афганистан проникли в северо-западную Индию².

¹ Отражение этого раскола видели в свойственном санскриту и древнеперсидскому языку противоположной трактовке групп божественных персонажей. Ведийские *deva* — боги, *asura* — божественные демоны; в «Авесте» же *daeva* — демоны, тогда как *ahura* — божества. Сегодня наиболее распространенная теория гласит, что у индоиранцев было два класса противопоставленных друг другу богов.

² На территории Передней Азии отмечены языковые следы пребывания ариев, получившие условное название «митаннийского арийского языка». В табличках из архивов Эль-Амарны и Бозазкея довольно часто встречаются слова арийского происхождения. По мнению английского исследователя Т. Барроу,

В науке период с падения Харашпы до возникновения буддийского учения (VI в. до н. э.) называется «ведийской ночью»: эта тысяча лет миновала, не оставив по себе документальных свидетельств и исторических вех. Единственный источник, на основании которого можно составить хотя бы приблизительное представление о раннем обществе ариев, — это «Ригведа», собрание священных гимнов, которое арии принесли в Индию вместе с железным оружием (хараппская культура была бронзовой), коневодством и боевыми колесницами.

Географически мир ариев ограничивался северо-западной частью полуострова Индостан (территория современной северо-западной Индии и центрального и северного Пакистана). Сами арии называли эту область Саптасиндхава — «Семиречье», под реками разумелись Инд, Кабул и пять рек Пенджаба (позднее Кабул «уступил место» священной реке Сарасвати). Постепенно продвигаясь на юго-восток, арии узнали еще две реки — Ямуну (совр. Джамна) и Гангу (совр. Ганг); обе эти реки упоминаются в «Ригведе» всего лишь несколько раз, тогда как остальные — достаточно часто. По мнению Т.Я. Елизаренковой, Ямуна и Ганга «явно составляли далекую восточную периферию ригведийских ариев, так сказать, их восточный форпост». Северную границу области ариев создавали горы Химаванта — Гималаи.

Арийское общество отнюдь не было единым и состояло из множества патриархальных полукочевых племен. Во главе каждого племени стоял раджа — царь, исполнявший также обязанности верховного жреца; власть царя божественной не считалась. Ни городов в современном значении этого сло-

лингвистически этот «протоиндоарийский» язык относится к стадии развития языка до миграции в Индию и после отделения от иранцев.

ва, ни постоянных селений у ариев не было: племена перебирались с места на место, останавливаясь для отдыха и задерживаясь в подходящих местах на срок до полугода, чтобы посеять и снять урожай.

Что касается социальной структуры, общества ариев, оно состояло из трех групп — брахманов, кшатриев и вайшьев; зависимые — шудры — к ариям не причислялись. Системы каст в ту пору еще не существовало; группы назывались варнами, в основе первоначального разделения, как полагают многие ученые, лежал цвет кожи. Кстати сказать, вполне возможно, что по тому же признаку «Ригведа» причисляет людей со смуглой кожей к дасью — врагам-«чернокожим»¹. Все четыре группы упоминаются в «Ригведе» лишь единожды — в одном из гимнов X, последней мандалы. В этом гимне повествуется о том, как из тела первовеликана Пуруши был создан мир: «Его рот стал брахманом, его руки сделались раджанья (кшатрием), его бедра стали вайшья, из ног родился шудра».

Боги, которых привели за собой арии, разительно отличались от богов протоиндийцев Хараппы. Для последних характерно почитание богини-матери и поклонение тотемиче-

¹ Ср. замечание Т.Я. Елизаренковой: «Противники ариев даса/дасью, по-видимому, отличались более высокой материальной культурой, чем их завоеватели, которым они уступали, однако, в военном отношении — у них не было запряженных конями боевых колесниц, что и предрешило их историческую судьбу. В “Ригведе” неоднократно говорится о несметных богатствах даса/дасью и об их крепостях, а также о том, что они не поклонялись арийским богам и не совершали жертвоприношений. Резкая противопоставленность ариев даса/дасью характерна для начального периода миграции ариев в Индию, отраженного в древних частях “Ригведы”. Далее начался процесс постепенного смешения ариев с автохтонным населением».

ским животным; арии же поклонялись мужским божествам, прежде всего громовержцу Индре, воинственному Рудре и богу закона Варуне; признаков тотемического поклонения в «Ригведе» уже не встречается, если не считать «символизации» коровы (главного домашнего животного, источника материального богатства) и коня (основы военного могущества). Матриархат протоиндийской цивилизации сменился арийским патриархатом, и эта «смена вектора» отчетливо прослеживается в «Ригведе».

Расцвет ведийской культуры и ведийской мифологии пришелся на рубеж I тысячелетия до н. э. Затем же авторитет вед (и авторитет жрецов-брахманов как олицетворений ведической мудрости) стал все чаще подвергаться сомнению — вследствие «естественного старения» идеологической парадигмы; в мифологии это нашло отражение в концепции двупараюги — мировой эпохи, в которую люди уже настолько предались порокам, что оказались не в состоянии запомнить веду целиком и потому разделили ее на четыре «составляющие» — «Ригведу», «Самаведу», «Яджурведу» и «Атхарваведу». В социальной практике упадок авторитета вед проявился уже в упанишадах, где оспаривались традиционные ведические установления. Одна за другой стали возникать религиозные секты и школы, бродячие проповедники-шраманы отрицали авторитет вед и критиковали покоящиеся на нем ритуально-социальные нормы. Из сочинений этого периода известны шесть главных шраманов — «шесть учителей», учение каждого из которых оказало значительное влияние на духовную жизнь Индии.

В середине I тысячелетия до н. э. (приблизительно VI в.) на северной окраине долины Ганга родилось религиозно-философское учение, которому суждено было спустя века пре-

вратиться в одну из мировых религий. Речь, конечно же, о буддизме. Буддийская доктрина, отвергая веды, во многом опиралась на традицию упанишад; как замечал Г.М. Бонгард-Левин: «...буддизм во многом был оригинальным и самостоятельным религиозным течением, однако справедливо говорить об общем духовном климате эпохи, определившем круг проблем и понятий, которыми пользовались самые различные течения. Буддизм явился закономерным следствием процесса эволюции общеиндийской духовной культуры».

Сформулированные Буддой «четыре благородные истины» и фактическое отрицание богов (отвержение бога-творца, «низведение» богов до уровня обожествленных героев и пр.¹) резко контрастировали с теми установлениями, которые излагались в ведах. Сравнительная простота буддийской обрядности, отрицание крайних форм аскетизма, проповедуемый принцип духовного равенства людей — все это привлекало к учению все новых и новых приверженцев. Буддизм приняли правители царства Магадха и других государств, а ко времени образования империи Маурьев (IV в. до н. э.) это учение уже представляло собой серьезную силу. При царе Ашоке были «канонизированы» основы буддийского вероучения.

Своего рода идеологическим союзником буддизма был джайнизм, также отрицавший святость вед и отвергавший бога-творца. Наиболее ранние свидетельства о джайнизме содержатся в надписях Ашоки: в этих надписях джайны во главе с основателем учения Вардхаманой называются *нигантихами* (буквально «несвязанные»). Джайнизм предложил собственную космографию и собственное учение о богах, равно как и особое, отличное и от ведийского, и от буддийского учение о духовном спасении.

¹ Подробнее см. главу 6.

Несмотря на силу внешнего «напора» и на собственную внутреннюю слабость, ведическая традиция уцелела. По замечанию В.Г. Эрмана, «оттесненная в предшествующую эпоху с господствующими позициями реформаторскими движениями буддизма и джайнизма, брахманистская религия возродилась в новых исторических условиях в форме индуизма, вбирая в себя и ассимилируя многие народные верования и культы, ранее остававшиеся за пределами ортодоксальной ритуально-мифологической системы».

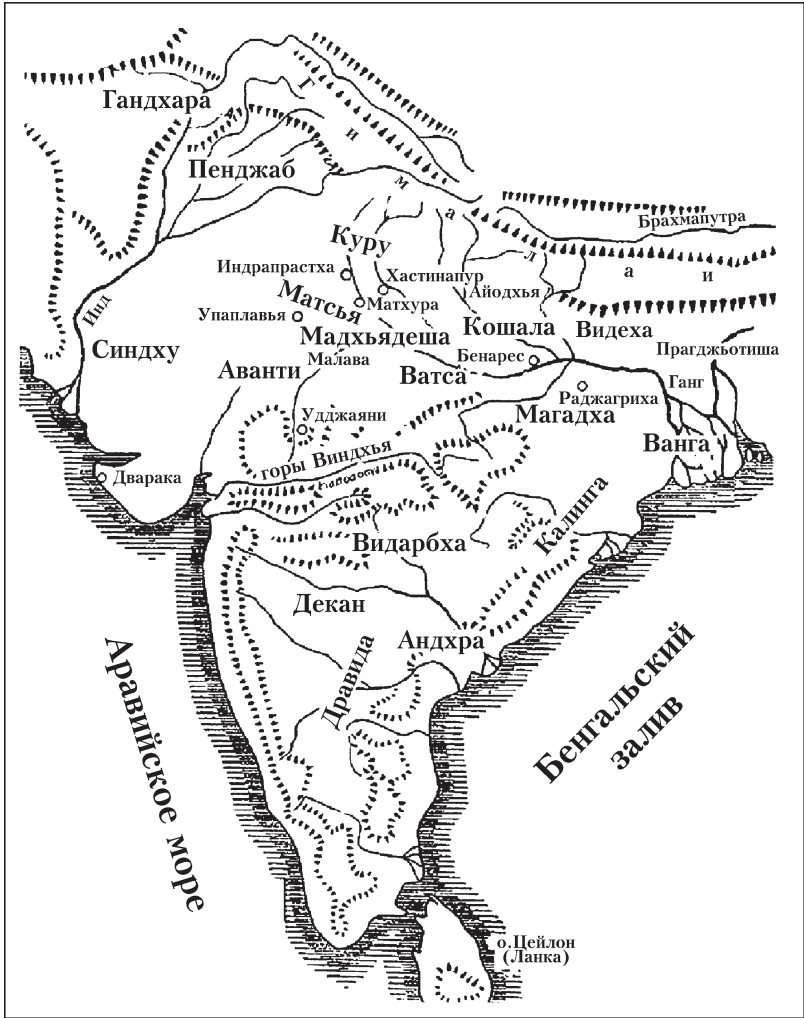
Великие эпические поэмы «Махабхарата» и «Рамаяна» принадлежат уже не столько ведическому, сколько индуистскому канону, закреплённому в пуранах и в классической санскритской литературе. Древние ведийские боги, стоявшие во главе арийского пантеона, отступают в этих текстах на второй план, а их место занимают «новые» божества — Праджапати, Брахма, Вишну и Шива. С двумя последними богами связаны два мифологических цикла — так называемые вишнуйский и шиваистский; в каждом из циклов главную роль в создании мира и управлении им играет «одноименный» бог. Вишну посвящены шесть из 18 главных пуран, в остальных это божество (или его аватары) также является одним из главных действующих лиц. Вместе с Шивой и Брахмой Вишну образует Тримурти — триаду богов, в которой он — высшее начало, Абсолют, суть бытия и хранитель мироздания. Что касается Шивы, этот бог как бы «поменялся» статусом с ведийским Рудрой: в ведах Рудра носил эпитет Шива — «благой», в пуранах же имя Рудры стало эпитетом Шивы; «Махабхарата» называет Шиву верховным богом и творцом мира.

К концу I тысячелетия до н. э. индуизм, вопреки распространению джайнизма и особенно буддизма, прочно утвердился в Северной Индии. В дальнейшем индуизм охватил всю территорию полуострова Индостан и вышел за ее пределы,

утратив при этом свои мифологические черты и превратившись в религиозно-философскую систему, каковая существует и поныне. Современный индуизм не представляет собой целостного явления; скорее это несколько религиозных течений (вишнуизм, шиваизм, сикхизм¹), опирающихся на единый источник.

На юге Индии продолжительное время бытовала (и отчасти продолжает бытовать и сегодня) дравидская мифологическая традиция. Как писал А.М. Дубянский, «собственно о дравидской мифологии можно говорить в связи с дравидским, точнее, протодравидским этносом в эпоху, предшествовавшую становлению индуизма, и в настоящее время — в связи с архаическими мифологическими представлениями, сохранившимися на уровне сельской жизни и у сравнительно отсталых, не имеющих письменности племен. Именно они сохраняют еще самобытные космогонические и этиологические мифы, в которых главную роль играет богиня-созидательница, богиня-мать». В известной мере дравидская мифология может считаться прямой наследницей мифологии протоиндийской. Она оказала значительное влияние на индуистскую

¹ Сикхизм, по выражению М. Элиаде, есть «реформа индуизма в той его части, которая относится к политеизму, строгому делению на касты и соблюдению аскезы как основы религиозной жизни. Политеизму сикхи противопоставляют бескомпромиссный монотеизм, заимствованный из ислама. Из индуизма сикхи унаследовали учение о майе, реинкарнации и нирване как прекращении тягостного цикла перевоплощений. Брахма, Вишну и Шива составляют божественную триаду, порожденную майей. Чтобы достичь спасения, необходимо иметь гуру, повторять мысленно Божественное Имя, петь гимны и общаться со святыми людьми. Аскетизм и умерщвление плоти противоречат духу сикхизма, а поскольку перед Богом все равны, то нет необходимости в кастах».

Карта городов арийской культуры.

мифологическую традицию, которая вобрала в себя многие дравидские сюжеты и в то же время сама подверглась существенному влиянию индуизма. Характерная черта дравидской мифологии — отсутствие пантеона и «проработанных» образов богов. В центре этой мифологии — жизненная сила, проявляющаяся в плодородии природы и через многочисленных духов.

Из дравидской традиции в индуизм пришли богиня войны и смерти Коттравей (как ипостась Дурги) и бог войны Муруган (как сын Шивы). Один из дравидских мифов гласит, что ведический мудрец Агаттияр принес на юг Индии тамильский язык, который узнал от Шивы (или от Муругана). Агаттияр считается и создателем первого тамильского грамматического трактата. В этом мифе видят отражение «встраивания» дравидийской традиции в индуизм.

Как говорилось выше, основным источником сведений о культуре и мифологии арийских племен периода «ведической ночи» является «Ригведа». Однако «Ригведой» древняя индийская литературная традиция далеко не исчерпывалась.

«Ригведа» принадлежит к священным текстам, которые называются *ведами* (*veda* — священное знание). Всего вед четыре: «Ригведа» («веда гимнов»), «Самаведа» («веда песнопений»), «Яджурведа» («веда жертвенных формул») и «Атхарваведа» («веда заклинаний»). «Ригведа» — древнейшая из них; она начала складываться еще до переселения ариев в Индию, а окончательный вид приобрела, когда арии прочно утвердились на завоеванных территориях.

Каждая веда представляет собой собрание текстов — *самхиту*; самхита «Ригведы» насчитывает 1028 гимнов в десяти разделах — мандалах, самхита «Самаведы» — 1549 гимнов,

самхита «Яджурведы» — около 2000 гимнов¹ и самхита «Атхарваеды» — 371 заклинание.

«Ригведа» — древнейшая среди вед; по словам французского исследователя Л. Рену, она не предполагает ни одного санскритского памятника, тогда как все они предполагают ее. Первоначально вед было три — «Ригведа», «Самаведа» и «Яджурведа»; четвертая — «Атхарваеда» — канонизирована позднее. Гимны «Ригведы» посвящены отдельным божествам, преимущественно Агни, Индре, Всем-Богам (Вишведева), богине Ушас и божественным близнецам Ашвинам. Мандала IX отличается от остальных тем, что посвящена одному божеству — Соме, а мандала X (единодушно признаваемая наиболее поздней частью «Ригведы») представляет собой своего рода переход от «конкретики» ранних гимнов к метафизике упанишад.

Что касается «Самаведы», она является фактически прямым повторением «Ригведы» (стихи мандал VIII и IX) с приложением музыкальной нотации; тексты стихов записаны в «напевной» форме — так, как эти стихи должны петься. «Яджурведа» состоит из жертвенных формул-*яджусов*, понять которые возможно только на основе конкретных ритуалов. Деление этой веды на Черную и Белую опирается на наличие/отсутствие комментариев к яджусам: Черная «Яджурведа» состоит из яджусов, стихотворных молитв (мантр) и комментариев, тогда как Белая (иначе Чистая) — только из яджусов и мантр. Как неоднократно отмечалось, если в «Ригведе» боги являются объектом почитания, а жертвоприношение только средством, с помощью которого это почитание осу-

¹ «Яджурведу» традиционно подразделяют на Черную (редакции школ Катхака, Капиштхала-катха, Майтраяни и Тайттирия) и Белую (редакция школы Ваджасанейи).

ществляется, то в «Яджурведе» в центре внимания находится само жертвоприношение, причем господствует взгляд, что правильно совершенное жертвоприношение дает жрецу власть над богами. По сравнению с «Ригведой», в «Яджурведе» произошли заметные мифологические «сдвиги»: прежние боги уступили приоритет творцу Праджапати, Рудра приобрел черты и имена, характерные для Шивы, Вишну также выдвинулся на передний план. Во многих яджусах упоминается о борьбе богов-дева с демонами-асурами; кроме того, нередко встречаются упоминания и культы змей, дравидском по происхождению и неизвестном «Ригведе». Как писала Т.Я. Елизаренкова, «вся мифология, играющая в этом памятнике подчиненную роль, сосредоточена вокруг борьбы дева и асуров, протекающей с переменным успехом и служащей для мотивировки различных особенностей ритуала».

«Атхарваведу» многие ортодоксальные индуисты (приверженцы трех вед) до сих пор отказываются признавать канонической. Первоначально этот текст назывался «Атхарвангираса», то есть «книга Атхарвана и Ангираса». Атхарван и Ангирас — мудрецы-риши, олицетворяющие, соответственно, белую и черную магию. В основе «Атхарваведы» лежат народные заговоры и заклинания, литературно обработанные редакторами-брахманами. Мифология в этой веле подчинена магии: мифы чаще всего выступают как «обрамление» магических действий. Нужно также отметить, что верховный бог «Ригведы» Индра в «Атхарваведе» уступает свое место богу огня и домашнего очага Агни.

К ведам примыкают *брахманы* («толкования Брахмана») — прозаические тексты различного объема, содержащие ритуальные, мифологические и другие пояснения к самхитам. Брахманы «Ригведы» — «Айтарея» и «Каушитаки», брах-

маны «Самаведы» — «Панчавинша» и «Джайминия», брахмана Черной «Яджурведы» — «Тайттирия», брахмана Белой «Яджурведы» — «Шатапатха», брахмана «Атхарваеды» — «Гопатха». По замечанию А.Я. Сыркина, время составления брахман совпадает с последним периодом оформления самхит — около X–VII вв. до н. э.

В состав брахман входят *араньяки* (буквально «лесные») — тексты для тех, кто удалился в леса, дабы посвятить свою жизнь благочестивым размышлениям. Известны также упанишады — поучения, передаваемые от учителя к ученику. Древнейшие упанишады входят в состав брахман, более поздние существуют как самостоятельные тексты. Вместе они составляют как бы заключительную часть вед, поэтому нередко называются *ведантой* («цель вед»).

Все эти разновидности текстов — веды, брахманы, упанишады — принадлежат к разряду *шрути*, то есть «услышанных» поэтами от богов. Всю совокупность шрути можно представить в виде таблицы (см. табл.).

Другой раздел ведической литературы — *смрити*, то есть «запоминаемое»; это ритуальные, законодательные и научные трактаты (*сутры*), возникшие на основе брахман и комментирующие веды. Совокупность сутр образует *ведангу* («часть вед»). Впрочем, некоторые исследователи помещают сутры между шрути и смрити как вспомогательные тексты; сюда относятся фонетики, метрики, грамматика, этимологии, ритуальные поучения и астрономические трактаты. К смрити же причисляют эпические сочинения («Махабхарата», «Рамаяна»), *пураны* («древние») и *итихасы* («бывшие») — повествования о прошлом, а также *дхармашастры* — своды законов.

По замечанию Т.Я. Елизаренковой, «вся древняя литература в Индии была устной, независимо от того, рассматривалась ли она как непреходящее божественное откровение —

Древнеиндийские самхиты

	«Ригведа»	«Самаведа»	«Яджурведа»		«Атхарваведа»
Самхита	(гимны)	(песнопения)	(жертвенные формулы)		(заклинания)
			Черная (Катхака, Капиштхала Майтраяни, Тайттирия)	Белая (Ваджасанейи самхита)	
Брахманы	«Айтарея», «Каушитаки»	«Панчавинша», «Джайминия»	«Катха», «Тайттирия»	«Шатапатха» (2 редакции)	«Гопатха»
Араньяки	«Айтарея», «Каушитаки»	«Араньякасамхита», «Джайминия упанишад»	«Катха», «Тайттирия»	«Шатапатха»	
Упанишады	«Айтарея», «Каушитаки»	«Чхандогья», «Кена» («Талавакара»)	«Катха», «Майтри», «Тайттирия», «Шветашвара», «Маханараяна»		«Мундака», «Мандукья», «Прашна»

шрути или как ограниченное человеческое знание — смрити, пользовавшееся авторитетом, только если оно не противоречит шрути».

С возникновением буддизма к каноническим текстам веданты, веданги и смрити добавилась «Трипитака» (или «Типитака»; буквально «Три корзины») — священные тексты буддистов на языке пали. В первой части «Виная-питака» собраны поучения о том, как подобает себя вести; в «Сутта-питаке» изложены основы буддийского вероучения, а в «Абхидхамма-питаке» разрешаются религиозно-философские вопросы. По преданию, составление «Трех корзин» началось сразу же после смерти Будды. Известно, что основные части «Винаи» и «Сутты» существовали уже в правление царя Ашоки (III в. до н. э.). Кроме палийской «Трипитаки», сохранились тексты на других языках — китайском, пракрите магадхи, буддийском санскрите. Некоторые исследователи полагают, что именно санскритские канонические тексты отразили очень раннюю и вполне надежную традицию, несколько не уступающую по своей ценности преданиям палийской школы, а в ряде случаев и превосходящую ее.

Джайнский канон, традиционно разделяемый на каноны Дигамбары («одетые сторонами света») и Шветамбары («одетые в белое»), включает в себя множество текстов. Так, свод Шветамбары состоит из нескольких десятков трактатов — сутр.

Для человека европейской (шире — евроатлантической) культуры Индия неизменно притягательна. «Магнетическую силу» Индии замечательно описал в своих путевых дневниках Н.К. Рерих:

ИНДИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ

«Какие магниты заложены в Индии? Самые лучшие образы рассыпаны в неосознаваемом богатстве. Индия знает всепроникающее качество магнита.

Индия, мы будем вспоминать тебя с тем же радостным трепетом, как первый цветок на весеннем лугу.

Из брахманов твоих мы выберем самого лучшего, который понял мудрость вед. Изберем раджу, который стремился к нахождению путей истины. Усмотрим вайшыю и шудру, которые вознесли свое ремесло и труд для восхождения мира.

Котел кипящий — горнило Индии. Кинжал верований над белою козочкой. Призрак пламени костра над вдовицей.

Сложны складки одеяния твоего, Индия. Грозны покрывала твои, раздутые вихрем. И смертоносно палящи неумолимые скалы твои, Индия.

Но мы знаем благовония твои. Но мы будем вспоминать тебя с тем же трепетом, как лучший первый цветок на весеннем лугу».

Глава 2

«ИЗ ВОЛНЕНИЯ ОКЕАНА ПОЯВИЛОСЬ ВРАЩЕНИЕ ГОДА»: индийский миф творения

Культура вне времени. — Круг вечного возвращения. — Мифология «Ригведы». — Индра как бог-творец. — Победа над демоном Вритрой. — Три шага Вишну. — Сома, Тваштар и другие. — Пуруша. — Жертвоприношение первосущества в различных мифологических традициях. — Праджapati и сотворение мира. — Скамбха. — Владыки порождений. — Божественная царица Вач. — АУМ. — Миф о творении в упанишадах. — Ашвамедха. — Миф об Атмане. — Брахма как бог-творец. — Потомки Брахмы. — Циклическое время. — Сутки Брахмы. — Юги. — Манавантары и Ману. — Шива и миротворение. — Космический танец Шивы. — Лингам и йони. — Миф о пахтанье океана. — Мировая гора Меру. — Мифологема мировой горы. — Мировое древо в мифологической традиции. — Ашваттха. — Вертикальная проекция мироздания. — Трилока. — Горизонтальная проекция мироздания. — Джамбудвипа. — Мандала как абсолютная модель мироздания. — Геометрическое жертвоприношение.

Традиционная индийская культура не знает хронологии. Носителям этой культуры чуждо европейское представление

о линейном, необратимом, однородном и однонаправленном времени, отчетливо проявляющееся, скажем, в античной традиции. Как писала М.Ф. Альбедиль, «в Индии не было и не могло быть своего Геродота, Сыма Цяня или какого-либо иного “отца истории”, как и вообще долго не было своей историографии»¹. В индийской культуре господствует цикличность всего сущего, тот самый «круг вечного возвращения», о котором много и подробно писал М. Элиаде. История для традиционной культуры — не более чем неоднократное регулярное воспроизведение изначальных событий: миротворения, первого жертвоприношения, первой брачной церемонии и т. д.

В индийской мифологии эта «вневременность» проявляется, в частности, в том, что в ней отсутствует единый миф о миротворении. Уже в ведах присутствуют несколько равноправных версий космогонического мифа; брахманы, упанишады и пураны добавляют к ним свои собственные версии, не менее равноправные. При тщательном изучении и сопоставлении этих версий у них обнаруживается общая черта — представление о предначальном хаосе, из которого в результате действий различных божественных «агентов» возник упорядоченный мир. Однако каждый текст, будь то веда, упанишад или брахмана, дает особое описание процесса миротворения, расставляет в этом описании особые акценты.

Одновременное бытование множества версий мифа о миротворении существенно затрудняет его изложение. Поэто-

¹ До мусульманского завоевания (XIII в.) Индия не знала ни хроник, ни летописей; первые исторические сочинения об Индии, если не считать античных периплов Неарха и Арриана, принадлежали перу именно мусульман — в том числе Аль-Бируни, знаменитому ученому-энциклопедисту и автору книги «Индия», где упоминается, в частности, находящийся в Кашмире письменный текст «Ригведы» — это первое упоминание о *письменной* версии вед.

му здесь не обойтись без хронологии — точнее, без «временной иерархии» канона шрути, описанного в предыдущей главе. По этой «временной иерархии» первыми оказываются версии космогонического мифа, встречающиеся в ведах, далее — версии брахман, упанишад и пуран и наконец версии мифа, «канонизированные» вишнуитами и шиваитами.

В «Ригведе» крайне редко встречаются мифы, изложенные целиком. Чаще всего мы сталкиваемся с фрагментами мифов и даже с отдельными разрозненными мифологическими мотивами, вследствие чего мифы приходится восстанавливать, реконструировать. Как отмечала Т.Я. Елизаренкова, «в “Ригведе” мифы, строго говоря, не излагаются. Привычного для современного читателя дискурсивно-логического развития действия при построении сюжета там нет. Мифы скорее называются. Определенные фразы-штампы являются своего рода словесными знаками мифа. Поскольку и мудрецы-риши, и их аудитория знали эти мифы, большего и не было нужно: ведь миф упоминался для того, чтобы восхвалить бога и, соответственно, получить от него желаемое». К реконструируемым ведийским мифам относятся: миф об убийстве Индрой демонического змея Вритры; о похищении орлом с неба чудесного напитка сомы, о бегстве бога Агни; не желавшего быть жрецом; о трех смертных братьях-ремесленниках Рибху, получивших бессмертие; о мудреце Агастье, примирившем Индру и богов Марутов, и некоторые другие. Среди последних — космогонические мифы с участием Индры и Вишну.

Правда, по мнению известного исследователя ведийской мифологии Ф.Б.Я. Кейпера, прежде мифа о миротворении был миф о «становлении бытия». Согласно этому мифу, в пространстве существовали изначальные космические воды, которые несли в себе зародыш жизни. Со дна этих вод поднялся ком земли, который постепенно разросся и превратил-

ся в гору, плававшую по поверхности вод. Кейпер называл этот сюжет «стадией недифференцированного единства».

Затем в мире родился (каким образом — неизвестно) бог Индра, «ось мироздания», разделивший небо и землю, породивший солнце. Один из гимнов «Ригведы», обращенных к Индре, гласит:

... ты Солнце зачал Зарю и Небо
и подобных нет соперников Индре¹.

Более о космогонической деятельности Индры в ведах впрямую не упоминается — зато во всех гимнах «Ригведы», посвященных этому божеству, излагается миф о его «вторичном» миротворческом деянии — убийстве демона Вритры и освобождении мировых вод и небесных коров. Один из гимнов гласит:

Индры героические деяния сейчас я хочу провозгласить:
Те первые, что совершил громовержец.
Он убил змея, он просверлил (русла) вод,
Он рассек недра гор.

Он убил змея, покоившегося на горе.
Тваштар ему выточил шумную дубину.
Как мычащие коровы, устремившись (к телятам),
Прямо к морю сбегают воды.

Разъяренный, как бык, он выбрал себе сому,
Он напился (сомы), выжатого в трех сосудах.

¹ Здесь и далее стихотворные переложения «Ригведы» и «Атхарваеды» принадлежат В.Г. Тихомирову.

Индра верхом на слоне Айравате (XI в.).

Щедрый схватил метательный снаряд — ваджру.
Он убил его, перворожденного из змеев.

Когда ты, Индра, убил перворожденного из змеев
И перехитрил хитрости хитрецов,
И породил солнце, небо, утреннюю зарю,
С тех пор ты уже в самом деле не находил противника¹.

Как отмечали исследователи, миф об убийстве Вритры, сковавшего течение рек, — это описание действий демиурга, победившего силу хаоса и создавшего организованный космос. По словам Т.Я. Елизаренковой, «этот миф имеет еще и то принципиальное значение, что каждый ключевой момент в жизни общества ариев рассматривался как повторение этого изначального процесса, воспроизведение его в ритуале. Таким образом, миф служил священным прототипом того, как этот мир и жизнь в нем возобновляются снова и снова в бесконечных повторяемых циклах».

Что касается Вишну, в ведах этот бог занимает сравнительно скромное (по сравнению с тем же Индрой или Агни) место, хотя и входит в число основных божеств арийского пантеона. В целиком посвященном ему гимне из мандалы I «Ригведы» Вишну прославляется как бог-творец, своими тремя шагами измеривший (создавший) все земные сферы:

Вот прославляется Вишну за героическую силу,
Страшный, как зверь, бродящий (неизвестно) где,
живущий в горах,
В трех шагах которого
Обитают все существа.

¹ Здесь и далее переводы из «Ригведы» принадлежат Т.Я. Елизаренковой.

Вишну в аватаре Матсья. Гравюра на дереве (XVIII в.).

ИНДИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Пусть к Вишну идет (этот) гимн-молитва,
К поселившемуся в горах, далеко шагающему быку,
Который это обширное, протянувшееся общее жилище
Измерил один тремя шагами.

(Он тот,) три следа которого, полные меда,
Неиссякающие, опьяняются по своему обычаю,
Кто триедино землю и небо
Один поддерживал — все существа...

Третье ведийское божество, которому приписывается сотворение и упорядочение мира, — это Сома. «Ригведа» называет его господином неба, царем мира и богом над всеми богами. Сома породил небо (вместе с тем он — дитя неба) и землю, он находится над всеми мирами, заставляет сиять солнце, повелевает законом, приносит богатство и счастье; иногда не Индру, а Сому именуют «убийцей Вритры». В отдельных гимнах творцами мира называются плотник и кузнец Вишвакарман, «творец всего», и мастер Тваштар.

В поздней X мандале «Ригведы», космогонической по своему содержанию, приводится еще один миф о творении, который с полным основанием можно назвать философским:

Было не было и Не-было тоже
не было неба ни пространства ниже
и что же сновалось и кем хранимо
и где бучалы и какие воды.

Не было смерти и бессмертья тоже
не было различий ни дня ни ночи
не дыша дышало своим законом
нечто единое ничто иное.

Тьма сокрыта тьмою была вначале
неразличимая была пучина
нечто в ничто сокровенное было
это единое теплом зачато.

Вначале этого желанье было
из первейших первое семя мысли
откуда бывшее в не-бывшем стало
ясно мудрым вопрошающим в сердце.

Светлый повод поперек натянувши
низ ли мудрые разлучили с верхом
оплодотворенье и растяженье
внизу стремленье наслажденье сверху.

«Этот знаменитый космогонический гимн, — писала Т.Я. Елизаренкова, — автор которого ставит вопрос о происхождении бытия из небытия, считая этот мистический процесс непознаваемым.

В гимне описываются последовательные стадии возникновения мира. Вначале не существовало дихотомии: Было — Не-было, смерть — бессмертие; существовало нечто единое, бытие в небытии, порожденное космическим теплом (*manas*); жизнь зародилась как семя мысли; нечто единое делится на два начала, выступающие как участники оплодотворения; начало мироздания непознаваемо, и появление богов вторично; если и существует всехранитель мироздания, то неизвестно, посвящен ли он в тайну бытия».

Наконец, последний из мифов творения, встречающихся в «Ригведе» (он повторяется и в «Атхарваведе») — это миф о принесении в жертву первосущества и создании мира из его тела. В ведической традиции такое первосущество — великан

Пуруша.
Индийская миниатюра.

Пуруша. Его расчленили на составные части, а из последних возникли основные элементы социальной и космической организации: глаз Пуруши стал солнцем, дыхание — ветром, пуп — воздушным пространством, голова — небом, ноги — землей, уши — сторонами света; кроме того, изо рта Пуруши произошли брахманы, то есть жрецы, из рук — кшатрии, или воины, из бедер — вайшьи, или земледельцы, а из ног — шудры, иначе «неприкасаемые», низшая индийская каста.

В ведийском гимне Пуруше говорится, что из тела первочеловека,

Из этой жертвы, полностью принесенной,
Было собрано крапчатое жертвенное масло.
Он сделал из него животных, обитающих в воздухе,
В лесу и (тех), что в деревне.

Из этой жертвы, полностью принесенной,
Гимны и напевы родились,
Стихотворные размеры родились из нее,
Ритуальная формула из нее родилась.

Из нее кони родились
И все те (животные), у которых два ряда зубов;
Быки родились из нее,
Из нее родились козы и овцы.

Далее гимн гласит:

Дух его луной обернулся
солнце оком его сияет
губы стали Агни да Индрой
обратилось ветром дыханье.

Воздух пуп его земля ноги
из главы же небо явилось
ухо стало странами света
так богами был мир устроен.

Семь поленьев в срубе костровом
трижды семь в костре для сожженья
боги ради жертводаянья
привязали Пурушу-жертву.

Жертвой в жертву жертве боги воздали
так впервые было жертводаянье
возвратилась эта сила на небо...

Этот сюжет имеет несомненную индоевропейскую основу, что подтверждается его присутствием и в иранской, и в скандинавской, и в славянской мифологиях и в мифологических системах других индоевропейских народов. Согласно иранской «Авесте», первочеловек Йима был распилен пополам, и из его тела был сотворен мир. В скандинавской мифологии мир создается из тела первосущества Имира: из подмышек Имира, а также от трения его ног родились инеистые великаны:

Из мяса Имира
сделаны земли,

из косточек — горы,
небо из черепа
льдистого йотуна,
из крови — море¹.

Из крови убитого Имира, согласно «Младшей Эдде», возник мировой океан, а из мозга инейстого великана боги сотворили облака.

Греческая теогония не упоминает о принесении первосущества в жертву, однако в орфическом гимне Зевсу находим «наложение» образа бога богов на образ первосущества-жертвы:

Зевс — владыка и царь, Зевс — всех прародитель единый.
Стала единая власть и бог-мироправец великий,
Царское тело одно, и в нем все это кружится:
Огонь и вода, земля и эфир и Ночь со Денницей,
Метис-первородитель и Эрос многоусладный —
Все это в теле великом покоится ныне Зевеса.
В образе зримы его голова и лик велелепный
Неба, блестящего ярко, окрест же — волосы золотые
Звезд в мерцающем свете, дивной красоты, воспарили.
Бычьи с обеих сторон воздел он рога золотые —
Запад вкупе с Востоком, богов небесных дороги.
Очи — Солнце с Луной, противогрядущею Солнцу.
Царский же ум неложный его — в нетленном эфире,
Коим слышит он все и коим все замечает...
Тела же образ таков: осиянно оно, безгранично,
Неуязвимо, бездрожно, с могучими членами, мощно.
Сделались плечи и грудь, и спина широкая бога

¹ «Речи Вафтруднира». Перевод В.Г. Тихомирова.

Воздухом ширококрылым, из плеч же крылья прозябли,
Коими всюду летает. Священным сделались чревом
Гея, всеобщая мать, и гор крутые вершины.
В пахе прибой громыхает морской, тяжелогремящий,
Ноги — корни земли, глубоко залегшие в недрах...¹

В славянской (точнее — северорусской) «Голубиной книге» также повествуется о жертвоприношении первосущества, повлекшем за собой сотворение мира (правда, под влиянием христианства опущен момент расчленения тела первосущества и привнесены христианские мотивы):

У нас белый вольный свет зачался от суда Божия;
Солнце красное от лица Божьего
Самого Христа Царя небесного;
Млад светел месяц от грудей его;
Звезды частые от риз Божьих;
Ночи темные от дум Господних;
Зори утрени от очей Господних;
Ветры буйные от Свята Духа;
У нас ум-разум самого Христа,
Самого Христа Царя небесного;
Наши помыслы от облак небесных;
Кости крепки от камня;
Телеса наши от сырой земли;
Кровь-руда наша от черна моря...

Русский религиозный философ Г.П. Федотов в связи с этим фрагментом «Голубиной книги» замечал: «Стих не дер-

¹ Фрагменты ранних греческих философов. Перевод А.М. Лебедева.

зает говорить о теле, о костях Божиих и отказывается ставить вопросы о происхождении земли, моря и гор (камней). Ответы на эти вопросы легко угадываются; они становятся ясны по аналогии с происхождением тела Адамова. Но певец умалчивает о них, думается, по требованию религиозного целомудрия, подавляя в себе естественный интерес к космологии матери-земли».

«Промежуточное» положение между ведами и брахманами занимает миф о творении мира богом Праджапати. В «Ригведе» этот бог упоминается четырежды как творец всего сущего. В гимне «Неизвестному богу», где имя Праджапати появляется лишь в самом конце, говорится, что он возник как золотой зародыш, стал единственным господином мироздания, поддержал небо и землю, укрепил на небосводе солнце и дал жизнь и силу. В «Яджурведе», «Атхарваведе» и особенно в брахманах Праджапати зовется отцом богов, единственным, кто существовал вначале, творцом и устройтелем жертвоприношений. Известен сюжет, согласно которому все сущее произошло из слез Праджапати. Переходя из бытия в небытие, Праджапати оплакивал свою участь: «Для чего я был рожден, если я был рожден тем, что не дает мне опоры?» Слезы Праджапати, упавшие в изначальные воды, стали землей; слезы, которые бог смахнул в сторону, стали воздухом, а слезы, которые он смахнул вверх, — небом. В более поздней литературе (упанишады, сутры) Праджапати «превратился» в безличный мировой принцип, а в сутрах, вдобавок, произошло отождествление этого божества с Брахмой.

«Атхарваведа» связывает с Праджапати (и с Пурушей) представление о Скамбхе — абстрактном божестве, вселенской опоре, раме, в которую заключено мироздание. Гимн гласит:

В его которой части жар вселенский?
В его которой же закон вселенский?
И где же в нем обет и в чем же вера?
В которой части утвердилась правда?

В его которой части земь утвердилась?
В его которой части поднебесье?
В его которой части свод небесный?
В его которой же он выше неба?

В котором же упрочил Праджапати
все миры которым был опорой
поведай же каков он этот Скамбха?

В коем же земля и поднебесье
в коем же небо уместилось
где Агни и где луна и солнце
и где ветер пребывает вечно...

В коем Пуруша в коем смерти
и бессмертия средоточье
в коем море и Пуруша в коем
кровеносных вен средоточье...

У кого четыре страны света
словно вены набухшие кровью
в коем жертва вперед подвиглась...

Золотой зародыш почитают
наивысшим люди несказанным.
Это Скамбха излил вначале
это золото в лоно мира.

Чету земли и неба держит Скамбха.
И поднебесия просторы держит Скамбха.
И света шесть сторон широких держит Скамбха.
Он мироздание все пронизывает Скамбха.

Он же тьму оттеснил собою.
Он же зло от себя отринул.
Три светила в нем пребывают
все пресущие в Праджапати.

В позднейшей литературе (пураны, «Законы Ману») Праджапати становится эпитетом Брахмы и «воплощается» в десяти существах — владыках порождений. Эти десять праджапати, действовавших по воле Брахмы, создали богов и божественные обитатели, добрых духов и грозных великанов, огромных змей и птиц с могучими крыльями. Прежде же всего они сотворили семерых Ману — наставников мира — и семерых великих мудрецов-риши. Имена десяти праджапати — Маричи, отец солнечного бога Сурьи и основатель Солнечной династии царей; Арти, прародитель Лунной династии царей; Ангирас; Пуластья, отец бога богатства Куберы и ракшаса Раваны; Пулаха; Крату; Прачетас (Дакша), отец богини Сати и противник Шивы; Васиштха, собеседник бога Агни; Бхригу, собеседник бога Варуны; Нарада, сын богини Сарасвати и друг Кришны.

Необходимо также упомянуть и о богине Вач, соратнице Праджапати и супруге Индры (по брахманам). Вач — богиня речи и персонификация Священного Знания. Она обитает на небе и на земле, охватывает все миры, несет в себе Варуну, Индру, Агни, Ашвинов, Сому и Тваштара; Вач — божественная царица богов. Брахманы называют Вач матерью вед (по мифу, бог Вишну в результате трех своих шагов об-

рел миры, веды и Вач), содержащей в себе все миры. По «Шатапатха-брахмане» Праджапати создал воды в образе речи-Вач.

Для индийской культуры характерно преклонение перед словом, речью (вспомним, что все тексты, несмотря на свои грандиозные размеры, передавались изустно). Строки Н. Гумилева: «Солнце останавливали словом, словом разрушали города» — без преувеличения могут считаться квинтэссенцией отношения индийцев к языку. Слово — творческая сила, созидательная энергия; отсюда, собственно, и представление о Вач как о космогоническом и космологическом принципе. Вач способна принимать разные формы, поскольку является пищей всех и все ею живут; элементы речи тождественны элементам космоса — согласные уподобляются ночам, гласные — дням и т. д. «Материальное воплощение» Вач — божественный слог АУМ (ОМ), который индийский мистик Свами Вивекананда называл «самым священным из всех священных слов»; он также говорил, что «вся Вселенная сотворена из вечного АУМ».

С «формальной» точки зрения АУМ представляет собой биджа-мантру (короткая мантра из одного слога), состоящую из трех звуков, каждый из которых, в свою очередь, символизирует конкретную функцию по отношению ко Вселенной. А — предвечная энергия; У — энергия творения; М — природная энергия, энергия воды. Совокупно эти три звука выражают суть Вселенной. (Эти три звука, вдобавок, отождествляются с верховной триадой индуистского пантеона: А — с Брахмой, У — с Вишну и М — с Шивой.)

В упанишадах появляется миф о творении, который современные исследователи иногда называют «натурфилософской спекуляцией, сохраняющей исконную мифологическую

основу». Подробнее всего этот миф изложен в «Брихадараньяка-упанишаде».

Вначале не было ничего, и это Ничто было окутано голодом. Творец-смерть (ибо голод — это смерть) пожелал воплотиться и сотворил разум, а когда пошевелился и стал славословить себя, от его славословий родилась вода. Пена вод затвердела и стала землей, а из блеска творца, изнурившего себя, возник огонь. Затем творец разделился на три части: треть — солнце, треть — ветер, треть — небо. «Он же — и дыхание, разделенное на три части. Восток — его голова, та и другая стороны — передние конечности, запад — хвост, та и другая стороны — бедра, юг и север — бока; воздух — брюхо, эта [земля] — грудь»¹. Далее творец пожелал, чтобы от него родилось второе тело, и сочетался с речью. «То, что было семенем, стало годом». Речью и своим телом он сотворил заклинания и жертвоприношения, людей и скот. А затем пожелал принести себя в жертву и ради этого воплотился в коня; «по истечении года он принес его в жертву самому себе, а других животных отдал богам».

В этом тексте мы вновь встречаем мотив «вторичного миротворения». Но если Индра творил мир через победу над демоном Вритрой и освобождение мировых вод, то здесь вторичное творение осуществляется через жертвоприношение — *ашвамедху* (буквально «жертвоприношение коня»). Описание ашвамедхи можно найти в «шатапатха-брахмане». Значение этой церемонии в ритуальной практике было столь велико, что совершившего 100 ашвамедх брахмана считали способным низвергнуть Индру и стать царем Вселенной. По своему «мифологическому статусу» ашвамедха сопоставима с жертвоприношением Пуруши; знаменательно, что в следующем пос-

¹ Здесь и далее цитаты из упанишад в переводе А.Я. Сыркина.

ле описания сотворения мира разделе «Брихадараньяки» раскрывается связь жертвоприношения с миротворением.

В той же упанишаде говорится и о том, что вначале все было Атманом (то есть «нерушимой всеединой целостностью»). Оглядевшись и не увидев никого, кроме себя, он произнес: «Я есмь». Он испугался своего одиночества, но потом подумал: «Ведь нет ничего, кроме меня — чего же я боюсь?». И боязнь прошла, потому что страх возникает, только когда рядом есть второй. Потом он устал от одиночества и захотел создать второго — «и стал таким, как мужчина и женщина, соединенные в объятиях». Затем Атман разделился надвое и сочетался со своей женской половиной; от этого союза родились первые люди. Поочередно превращаясь в быка, жеребца, осла, барана, козла и других животных, вплоть до муравья, Атман со своей женской половиной (также превращавшейся) породил всех животных. Еще он сотворил огонь и сому и «смертный, он сотворил бессмертных (богов)», а также касты. «И поистине, этот Атман — мир всех существ. Когда он совершает подношение и жертву — он мир богов; когда произносит веды — мир риши; когда делает приношение предкам, когда желает потомства — мир предков; когда укрывает людей, когда дает им пищу — мир людей; когда доставляет животным траву и воду — мир животных; когда в его домах поддерживают существование звери, птицы и все, вплоть до муравьев, то он — их мир».

Известен и миф творения, как бы комбинирующий в себе деяния Праджапати и свершения Атмана. В этом мифе, изложенном в пуранах и в «Махабхарате», место Праджапати и Атмана занимает Брахма.

Вначале не было ничего, кроме беспредельных вод, которые породили огонь. Силой космического жара (тапас) в этих

водах родилось Золотое Яйцо (Хираньягарбха, золотой зародыш «Ригведы»). Через столько времени, сколько длится год, из Золотого Яйца возник Брахма, силой мысли разделивший Яйцо надвое; из верхней половины скорлупы было создано небо, из нижней — земля, пространство между ними заполнил воздух. После этого Брахма создал пять первоэлементов мироздания — огонь, воду, землю, воздух и эфир (*акаша*), утвердил землю среди вод, создал страны света, положил начало времени, сотворил богов, жертвоприношения, веды, звезды, горы, моря, реки, людей, речь, чувства (страсть, гнев, радость, покаяние) и вновь разделился на две половины — мужскую и женскую; наконец, он создал растения, животных, птиц, насекомых и демонов.

«Махабхарата» приписывает Брахме восьмерых сыновей, рожденных силой духа; это те же самые праджапати, о которых рассказывалось выше: Маричи, Атри, Ангирас, Пулаха, Пуластья, Крату, Дакша и Бхригу. Сыновья Брахмы стали родоначальниками богов и людей. (По другому варианту мифа, Брахма породил людей, сочетавшись с собственной дочерью Вач, или Сарасвати.) От внука Брахмы Кашьяпы (сына Маричи) ведут свой род демоны-дайтьи. Дочь Дакши породила великанов-данавов. Третья дочь Дакши Адити стала матерью великих богов-адитьев, среди которых Варуна, Индра, Сурья, Митра и Вишну.

В отличие от других мифологических традиций, творение Брахмы не является постоянным. Оно регулярно обновляется, как регулярно обновляется и сам Брахма. В конце жизни «текущего» Брахмы вселенная гибнет в пламени мирового пожара (махапралая), чтобы освободить место новому творению в новом мировом цикле; и это творение будет осуществлять новый Брахма, снова родившийся из Золотого Яйца. «Все наше грандиозное, необъятное и непостижимое

Брахма. Бронза (XV в.).

мироздание со всем сущим в нем — лишь ничтожно малое звено; космогонические же циклы бесконечны, как бесконечен сам мир» (Альбедиль).

Год, который Брахма проводит в Золотом Яйце, — это год божественного времени, протяженность которого равна 360 человеческим годам; при этом один божественный месяц равен 30 годам человеческой жизни, а одни божественные сутки — человеческому году.

«Космической» же единицей времени является кальпа — сутки Брахмы, которая соответствует 4 320 000 000 астрономическим годам. Эти сутки разделяются на «утро», «день» и «ночь»; творение мира происходит утром, ночью же все три мира — небо, земля и преисподняя (Акаша, Бхуми и Патала) погружаются в хаос, а наутро каждый обретает форму, определяемую его кармой. Жизнь Брахмы продолжается 100 лет — по его собственному божественному исчислению; по истечении сотого года жизни божества три мира, а вместе с ними боги, риши, асуры, люди, прочие живые существа и сама материя распадаются в Махапалае. Наступает столетний хаос, завершением которого служит рождение нового Брахмы.

Кальпа представляет собой тысячу божественных юг (Махаюг); одна божественная юга равняется 12 тысячам человеческих. Каждая Махаюга состоит из четырех юг и охватывает собой период существования одного мира, подвластного учителю Ману. Четыре составные части Махаюги называются терминами для игры в кости: Критаюга (четвертая), Третаюга (третья), Двапараюга (вторая) и Калиюга (первая). Каждая последующая юга на четверть короче предыдущей, ускорение течения времени свидетельствует об ухудшении состояния мира, ведущем к гибели.

Считается, что на протяжении Критаюги дхарма (добродетель) опирается на четыре «ноги» — правдивость, доброту,

Брахма. Камень (XI в.).

преданность и милосердие. Люди Критаюги (называемой также Сатьяюгой — «благим веком») наделены всевозможными достоинствами, не ведают горя и не знают болезней. В «Махабхарате» устами царя обезьян Ханумана говорится, что в Критаюгу все преданы одному божеству и «использовали одну мантру, один принцип и один обряд», а также имели одну-единственную — общую — веду. Продолжительность Критаюги — 1 728 000 лет.

В Третаюгу дхарма утрачивает одну из «ног» — доброту. Среди людей появляется безнравственность и злонамерен-

ность, при этом брахманы, просвещенные учением вед, еще в состоянии влиять на моральный климат в обществе. В этот период гораздо большее значение придается ритуалу жертвоприношений, а не их содержанию. Продолжительность Третаюги — 1 296 000 лет.

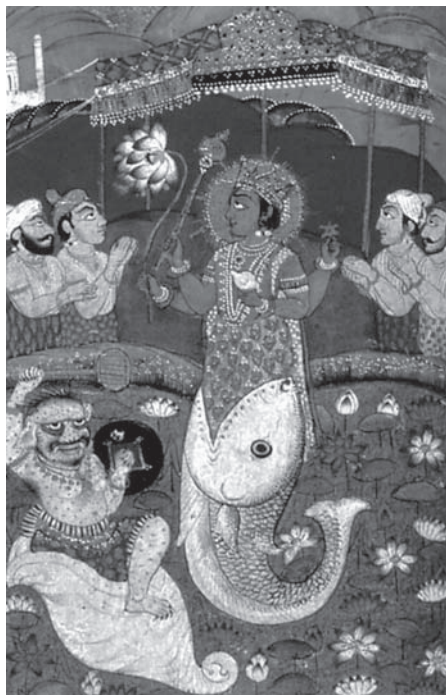
Наступление Двапараюги сопровождается утратой еще одной опоры дхармы — правдивости. В мире начинают преобладать зло и порок, единую веду делят на четыре части, поскольку уже никто не в состоянии запомнить ее целиком. Среди людей начинают свирепствовать болезни. Тем не менее многие кшатрии и вайшьи, не говоря о брахманах, еще привержены дхарме. Продолжительность Двапараюги — 864 000 лет.

Калиюга — «эпоха вырождения». Добродетель находится в полном упадке, срок жизни людей стремительно сокращается, всюду войны, торжество порока и разврата, веды оказываются в небрежении, почти в забвении. В «Бхагавад-гите» говорится, что в это время большинство среди людей составляют шудры, всегда падкие на соблазн, злобные, сварливые и несчастные. Они поклоняются лжи, безделью, лени, скуке, злобе, страху и нищете, превозносят низкое и принижают высокое. Они прожорливы и ненасытны. Состояние мира в Калиюгу становится настолько дурным, что люди начинают молить о скорейшем приходе разрушителя-Калки (аватара Вишну). Продолжительность Калиюги — 432 000 лет¹.

Кроме юг, кальпа делится на манавантары (от имени учителя Ману). В кальпе насчитывается 14 манавантар, каждой из которых правит свой Ману; манавантара охватывает 71 Махаюгу и длится 306 720 000 человеческих лет. Пураны и эпос упоминают семь бывших и семь будущих Ману. Для этих

¹ Считается, что сейчас идет шестое тысячелетие Калиюги, которая началась в 3102 г. до н. э. и является первым днем 51-го года жизни «текущего» Брахмы.

учителей гибель вместе с миром не является неизбежной. В «Шатапатха-брахмане» и «Махабхарате» приводится миф о спасении нынешнего — седьмого Ману¹, или Ману Вайвасвата, — от гибели в прошлой Махапралае. Когда Ману рыбачил, ему в руки попала рыба, умолявшая отпустить ее и в награду обещавшая спасти Ману от грядущей гибели. По совету рыбы Ману построил и снарядил корабль; когда начался всемирный потоп, он привязал корабль канатами к рогам рыбы (а это был не кто иной, как Брахма). Рыба привела его к некоей горе на севере. Когда воды потопа схлынули, Ману принес богам жертву; из этой жертвы поднялась девушка Ила, ставшая женой Ману. От них и ведет свое начало нынешний человеческий род.

Вишну в аватаре рыбы и Ману.
Иллюстрация к тексту-подношению
(XVII в.).

В индуизме Брахма продолжает считаться богом-творцом (в Тримурти именно он «отвечает» за творение мира, тогда как Вишну хранит мир, а Шива его разрушает), однако он уже

¹ Традиция называет его автором «Законов Ману».

действует не самостоятельно, а по велению Вишну или Шивы. Широко известна индийская миниатюра с изображением Вишну, который возлежит на мировом змее Шеше; из пупа Вишну вырастает лотос, на котором восседает демиург Брахма. Вишну наделен майей — жизненной энергией изначальных вод, из которых возник мир; считается, что мироздание — иллюзия, порожденная майей. Когда Вишну засыпает, майя бездействует — и мироздание растворяется в небытии.

Что касается Шивы, этот бог — одновременно разрушитель и созидатель, поэтому его называют Махадева («великий бог»), Махешвара («великое существо») и Бхава («существо»). Шива организует мир посредством своего оргиастического танца *тандава*; в пуранах говорится, что мировой змей Шеша покинул Вишну и много лет совершал аскетические подвиги, чтобы оказаться допущенным к лицезрению танца Шивы. Символ Шивы — лингам (фаллос), символ его супруги Парвати — йони (женские гениталии); известны также и йонилинги — стилизованные скульптурные изображения женских гениталий, над которыми возвышается мужской половой член. Йонилинга — символ единения мужского и женского, олицетворение божественного союза, породившего все живое. В «Махабхарате» мудрец Упаманью говорит, что знак творения — не лотос (эмблема Брахмы), не диск (Вишнучакра, эмблема Вишну) и не ваджра (атрибут Индры), но лингам и йони, а потому Шива — верховное божество и творец мира. Многочисленные лингамы в честь Шивы можно и по сей день увидеть во многих районах Индии; самый высокий из лингамов, в храме Матангешвара, достигает двух с половиной метров.

Согласно легенде, пять пророков, явившихся из пяти шивалинг — пяти лингамов Шивы, расположенных в различных

Тримурти. Камень (X в.).

местностях Индии, — открыли «жаждавшим услышать» основы Лингайята, тантрического учения.

Помимо собственно миротворения, важнейшим деянием индийских богов считается пахтанье молочного океана, в результате которого боги добыли амриту — божественный на-

питок бессмертия. Веды этого мифа не знают (в ведийской традиции напитком богов была сома), зато эпическая поэма «Махабхарата» и пураны признают его вехой в непрерывной вражде богов и асуров¹. Миф гласит, что боги и асуры совместно решили вспахать океан, дабы получить амриту.

Пусть богами и сонмами асуров будет
взбито все, что хранит сосуд Океана,
И появится амрита — дивный напиток —
при взбиванье великого Океана!

Заодно и немало целебных растений,
да и ценностей много получено будет, —
Взбейте-вспахтайте весь Океан, о боги,
и тогда вы амриту обретете!²

Вырвав из земли гору Мандара, боги и асуры водрузили ее на черепахе, которая поддерживала землю. Затем Мандару обвили веревкой — змеем Васуки (ипостась Шеши) и, используя гору в качестве мутовки, много лет подряд взбивали океан.

А у змея, чье длинное тело то боги,
то соперники их взад-вперед тянули,
Ветер с дымом и пламенем то и дело
вырывался из раскаленной пасти.

То громады горячего дыма клубились,
превращаясь в тучи, полные молний,
Жгучий дождь на демонов проливая,
изнуренных тяжким трудом и зноем.

¹ Подробнее об этой вражде см. главу 4.

² Здесь и далее цитаты из «Махабхараты» в стихотворном переложении С.Л. Северцева.

А меж тем с вершины горы громадной
ниспадали душисто-цветочные ливни,
Вешней свежестью сонмы богов ободряя,
лепестками прохладными их осыпая.

Раздавался все громче великий грохот,
будто яростный рев чудовищной тучи, —
Там, где пахтая глубь Океана, вращали
гору Мандару боги и асуры-дайтьи.

Время шло — в бушующем Океане
начала вода в молоко превращаться,
А затем, благороднейших соков набравшись,
молоко уже стало сбиваться в масло.

Наконец из океана стали появляться «многие ценности» — бог луны Сома, богини Шри и Сура, белый конь Уччайхшравас (ездовое животное Индры), волшебный камень Каустубха (атрибут Вишну); последним из океана возник бог врачевания Дханвантари, державший в руках сосуд с амритой. Завидев этого бога, асуры вознамерились было завладеть амритой, но Нараяна (Вишну) воспользовался майей и принял облик прекрасной богини Мохини.

Тут прибегнул Нараяна к мощной майе:

Пахтанье мирового океана.
Индийская миниатюра.

...образ женский приняв, образ дивнопрекрасной
Помрачительницы рассудка — Мохини, —
перед толпами данавов он появился.

И бесценную амриту — влагу бессмертья —
в помрачении сознания, добровольно
Этой женщине отдали данавы-дайтьи,
потерявшие из-за нее рассудок!

Как бы в противоположность амрите, из океана возник еще
сосуд с чудовищным ядом калакута, способным уничтожить
вселенную.

По замечанию П.А. Гринцера, «миф о пахтанье океана по
типу принадлежит к космогоническим мифам, в которых акт
творения совершается посредством разделения первичных
вод и последующей поляризации участников творения
(здесь — богов и асуров) и его результатов (противопостав-
ление амрита — калакута)».

Гора Мандара, использованная богами и асурами для пах-
танья молочного океана, — очевидный «синоним» мировой
горы Меру. Сходство между этими горами отчетливо просле-
живается в описании, которое дает «Махабхарата».

Вот к великой, громадами тучеподобных
непрístupных вершин украшенной сверху,
Славной Мандаре — лучшей из гор, покрытой
сетью мощных лиан, поспешили боги, —

К ней, звенящей от пенья птиц всевозможных,
всевозможными хищниками кишашей,
Посещаемой сонмами киннаров, апсар,
обитаемой многими божествами.

Пахтанье мирового океана. Миниатюра школы кангра (XVIII в.).

В высоту на одиннадцать тысяч йоджан
над землей поднималась ее громада,
В глубину на столько же тысяч йоджан
уходила в землю ее твердыня.

Есть на свете гора огнезарная — Меру,
чаша пламенной силы, ей нету равных,
Отражает она сверкание солнца
остриями вершин своих златосиянных.

Дивнозлатоукрашенную, святую,
посещают ее лишь боги, гандхарвы,
И достигнуть высот ее люди не могут
без великих заслуг в исполненье дхармы.

ИНДИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ

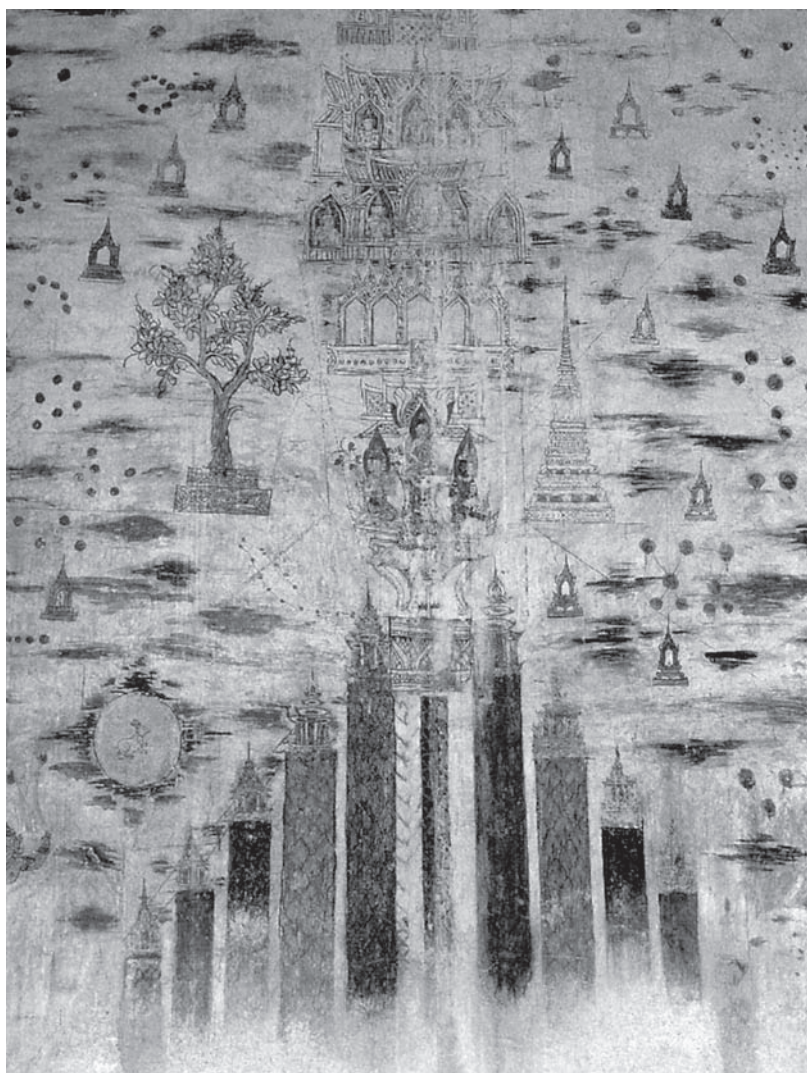
Населенная множеством хищников грозных,
озаренная блеском цветов чудесных,
Нерушимо стоит, небосвода касаясь
головою своей, та гора-твердыня.

Для людей даже в мыслях недостижима,
бурных рек полна и деревьев мощных
И несметного множества птиц чудесных
оглашаема восхитительным пеньем.

Согласно одному из мифов, Шива использовал Мандару как ось для своей колесницы и как дугу для лука. Что же касается Меру, она считается центром Земли и Вселенной; ее вершина поднимается над землей на 84 000 лиг. Вокруг Меру вращаются солнце, луна, планеты и звезды; с небес на эту гору стекает небесная река Ганга, лишь затем попадающая в мир людей. На вершине Меру находится город Брахмы, простирающийся на 14 000 лиг. Поблизости от этого города расположены города Индры и других богов.

Основание Меру покоится на клубуке мирового змея Шеши, возлежащего на спине гигантской черепахи, которая плывет по изначальным водам. В другом варианте мифа, Меру (и Землю в целом) поддерживают четыре слона.

Меру — классическая, если позволительно так выразиться, ипостась мифологемы мировой горы. Последняя представляет собой образ мира, модель Вселенной, вариант мирового дерева (в мифах эти два символа иногда совмещаются — мировое древо растет на вершине горы). Мировая гора находится в центре мира, вокруг нее, как вокруг мировой оси, строится мироздание; от ее вершины дорога ведет к небесам, а нижняя часть горы указывает на вход в подземный мир. Вершина горы отдана во владение богам, посредине обитают люди, а у

Гора Меру, небеса богов и мировое древо. Таиландская миниатюра.

подножия горы или под ней — злые духи. М. Элиаде писал, что «вершина мировой горы является не только наивысшей точкой земли, но также ее пупом, точкой, где творение имеет свое начало».

Мифологическое пространство структурируется, как правило, в двух направлениях — по вертикали и по горизонтали. Вертикальную проекцию представляет мировая ось — либо гора, как Меру или японская Фудзи, либо мировое древо. Последнее есть центр и опора мира, модель мироздания, его вертикальная проекция: крона мирового дерева достигает небес, корни уходят в преисподнюю, ствол соответствует срединному миру, то есть миру людей. Характерным «образчиком» мирового дерева может служить скандинавский Иггдрасиль, который связывает между собой девять миров; на его вершине сидит мудрый орел, корни дерева гложут змеи и дракон Нидхегг. Три корня Иггдрасиля уходят в подземный мир; под ними расположены источники, и среди них тот, у которого живут норны. В «Младшей Эдде» сказано, что Иггдрасиль «больше и прекраснее всех деревьев. Сучья его простерты над миром и поднимаются выше неба. Три корня поддерживают дерево, и далеко расходятся эти корни. Один корень — у асов, другой — у инеистых великанов, там, где прежде была Мировая Бездна. Третий же тянется к Нифльхейму...» А «Старшая Эдда» описывает Иггдрасиль так:

Тремя корнями
тот ясень-дерево
на три страны пророс:
Хель — под первым,
Хримтурсам — второй,
под третьим род человеков.

Мировая гора Меру. Непальская янтра. Бронза.

Белка по имени
мышь Вострозубка
снует по Иггдрасиль-древу,
сверху она
слово орла
вниз темному Нидхеггу носит.

Две пары оленей
вершину древа
гложут, вытянув выи:
Туротрор, Умерший,
Мешкий и Чуткий.

И змей немало
под Иггдрасиль-древом —
больше, чем думают дурни иные:
Пустожил и Подземельник —
волкодлачьи чада,
тоже Серый и Скрытень,
Снотворец и Витень;
мне же ведомо: ветви
Древа им вечно грызть.

Иггдрасиль-яшень
терпит страсти,
коих не знают люди:
олень объедает,
ствол подгнивает,
Нидхегг терзает снизу¹.

Описание Иггдрасиля представляет собой одновременно вертикальную (крона-небо-Асгард, ствол-Мидгард, корни-Нифльхейм) и горизонтальную (три корня: Асгард—Мидгард—Утгард) проекции мироздания, причем в последней моделируются числовые отношения (три корня, четыре оленя, шесть змей).

Шумерское дерево Хулуппу аналогично воспроизводит вертикальную модель мира: на его ветвях сидит небесная птица Анзуд, в корнях прячется змей преисподней, а в стволе обитает дева Лилит. Схожее представление обнаруживается и в славянской традиции, которая также объединяет вертикальную и горизонтальную проекции; ср. загадку: «Когда свет зародился, тот дуб повалился, и теперь лежит» (дорога). Апо-

¹ Перевод В.Г. Тихомирова.

крифическая легенда о сотворении мира гласит: земля лежит на воде, вода — на камне, камень — на четырех китах, киты — на огненной реке, река — на вселенском огне, а огонь — «на дубе железном, посаженном прежде всего другого, и все корни его опираются на Божью силу»; многочисленные заговоры упоминают остров Буян, где на камне Алатырь стоит «булатный дуб» или священный кипарис. Мировое дерево — дорога в потусторонний мир: змеи на зиму уползают по нему в Вырей, на Троицу по деревьям спускаются на землю русалки — девушки, умершие неестественной смертью. Другая загадка соотносит мировое дерево с временами года и календарем: «Стоит дуб, на дубу двенадцать сучьев, на каждом сучке по четыре гнезда...»

Та же славянская традиция знает образ перевернутого (инвертированного) мирового дерева: «На море на Окияне, на острове на Кургане стоит белая береза, вниз ветвями, вверх корнями». Индийская «Атхарваведа» говорит о перевернутом дереве: «С неба корень тянется вниз, с земли он тянется вверх». Образ перевернутого мирового дерева часто встречается в так называемой шаманской мифологии, где он означает дерево нижнего мира (последний — верхний мир «наоборот»), отсюда и переворачивание дерева корнями вверх).

Любопытный вариант мирового дерева встречается в «Слове о полку Игореве», где сказано, что певец Боян воспевает старину, «скача соловьем по мысленну древу». Как показал А.А. Потебня, это мысленное дерево — эквивалент мирового; творчество Бояна есть перемещение по земле, небу и мировому древу, соединяющему небо и землю:

О Боян, соловей старого времени!
Вот бы ты походы воспел,
скача, соловей, по мысленному древу,

летая умом по подоблачью,
свивая славу обеих половин сего времени,
рыща по тропе Трояна
через поля на горы...

По замечанию В.Н. Топорова, в изображениях мирового древа вертикальная проекция моделирует космос, а горизонтальная — ритуал, «основная цель которого — обеспечение благополучия, плодородия, потомства, богатства». Наиболее известным ритуалом, связанным с мировым деревом, является жертвоприношение (инициация) скандинавского бога Одина, который девять дней, пронзенный копьем, повисел на ясене Иггдрасиль, дабы обрести мудрость; на девятый день он утолил жажду священным медом из рук инеистого великана Бельторна и получил от последнего руны. То же жертвоприношение на мировом древе встречается в кельтской традиции (кровавые жертвы друидов), сюда же следует отнести и распятие Христа.

Мировое дерево разделяет освоенное и неосвоенное, хаотическое и космическое пространства, вводит в космос некую меру, исчисление. Образ мирового древа тесно связан с символикой сакральных чисел (три, четыре, семь, девять, двенадцать) — три сферы мироздания, три времени жизни (прошлое—настоящее—будущее), четыре времени года, четыре стихии, четыре стороны света, семь (сумма трех и четырех) миров и т. д.

Как ось мироздания мировое дерево часто встречается в обрядах, отголосок которых сохранился в современном обычае устанавливать рождественскую (новогоднюю) елку и класть под нее подарки для детей. В аналогичном качестве и значении мировое дерево (в своих различных «манифестациях») использовалось в свадебных обрядах («венчались вокруг

раKITОВОГО куста» и т. п.), при строительстве дома (обрядовое деревце ставилось в центре планируемой постройки), в рождественских обрядах (бадняк и пр.).

Вариант мирового дерева — так называемое майское дерево, или «майский шест», — символ оси, вокруг которой вращается вселенная. Римляне позаимствовали обрядность майского дерева в Малой Азии, где издавна существовал обычай совершать ритуалы и танцевать у священной сосны Аттиса. От римских хиларий, праздника весны, ведет свое начало обряд майского дерева, связанный с празднованием наступления весны у европейских народов. Майское дерево представляет собой ствол, или шест, без листьев (мужское начало), на верхушке которого укреплен диск (женское начало); соединенные вместе, ствол и диск суть эмблема плодородия. Майское дерево украшают семью разноцветными лентами, то есть семью цветами радуги; первоначально это были ленты на священной сосне Аттиса — эмблемы плодоносящей силы.

Образ мирового дерева прочно вошел в культуру человечества; в средневековье этот образ использовался как способ иллюстрации целого, состоящего из многих иерархически упорядоченных элементов — отсюда многочисленные генеалогические деревья, «философское дерево» алхимиков, «древо жизненного пути», равно как и вошедшие позднее в научный обиход «леса логических деревьев» (Л. Витгенштейн).

К. Юнг видел в мировом дереве схему человеческого мышления: истоки бессознательного (корни) — реализации сознательного (ствол) — транссознательная цель (крона).

Мировое дерево индийской мифологии — фиговое дерево Ашваттха, которое укреплено корнями в небесах и нисходит к земле кроной, а в его ветвях раскинулись всевозможные плоскости бытия. «Ригведа» говорит об этом дереве иносказательно:

Два орла, два связанных друг с другом товарища,
Обхватили одно и то же дерево.
Один из них ест сладкую винную ягоду,
Другой наблюдает, не вкушая.

На дереве том, где вкушающие мед орлы
Селятся, размножаются все,
На вершине его, говорят, — ягода сладкая,
До нее не доберется тот, кто не знает отца.

Эти два орла толкуются как звезды, а винная ягода — как ночное светило. По другому толкованию, дерево — это древо познания, а два орла обозначают два вида знания: интуитивное и прагматическое.

В упанишадах Ашваттха часто описывается как перевернутое (инвертированное) мировое древо; ср. в «Катха-упанишаде»: «Наверху ее корень, внизу — ветви, это вечная смоковница». «Махабхарата» рассказывает, что из ветвей Ашваттхи первый царь Лунной династии Пуруварас добыл трением три вида огня — для домашних обрядов, для жертвоприношений и для возлияний.

Е.П. Блаватская видела в Ашваттхе отросток Корня всего сущего, который несет с небес энергию жизни.

Гора Меру и дерево Ашваттха соединяют между собой три мира — небеса, землю и преисподнюю; вместе эти три мира называются *трилока*. Существует и более «детальное» разделение миров — например, семичленное: *бхурлока* (земля), *бхуварлока* (обитель мудрецов, пространство между землей и солнцем), *сварлока* (обитель Индры, пространство между солнцем и Полярной звездой), *махарлока* (обитель Бхригу и других святых), *джаналока* (обитель сыновей Брахмы), *тапарлока* (обитель богини Вирадх) и *брахмалока* (сатьялока,

обитель Брахмы). Считается, что первые три мира распадаются в конце каждого дня Брахмы, а остальные погибают с окончанием столетнего срока жизни божества.

Между верхним и средними мирами, то есть между небом и землей, находится воздушное пространство — *антарикша*, в котором обитают полубоги. Сама антарикшая делится на две части — небесную и подземную, последняя служит ночным прибежищем солнцу. Иногда антарикшу называют *самудрой*, то есть океаном, ибо в ней плещутся изначальные воды. В антарикше находятся и девять планет индийской астрономии: Рави (Солнце), Чандра (Луна), Мангала (Марс), Будха (Меркурий), Брихаспати (Юпитер), Шукра (Венера), Шани (Сатурн), Раху (голова созвездия Дракона) и Кету (хвост Дракона). В индийских астрологических трактатах благоприятными планетами признаются Чандра, Брихаспати и Шукра (самая благоприятная), неблагоприятными —

Пахтанье мирового океана. Фреска (ок. 1700 г.).

Рави, Мангала, Раху, Кету и Шани (самая «дурная» из планет); Будха определяется как «нейтральная» планета, не сулящая ни добра, ни зла.

Ниже земли расположен подземный мир — *патала*, где обитают демоны (данавы, дайты, наги и пр.), а ниже паталы находятся преисподние — *нарака*. Пураны дают классификацию многочисленных сфер преисподней. Так, в «Бхагава-та-пуране» упоминаются 28 преисподних, в том числе: *тамисра*, где казнятся грабители и прелюбодеи; *андхатамисра*, место мучений себялюбцев; *раурава*, где карают тех, кто причинял боль живым существам; *кумбхипака*, где жестоких кипятят в масле; *каласутра*, где казнят убийц брахманов; *ашипатравана*, место мучений еретиков; *сукармука*, место казни царей, притеснявших своих подданных; *андхакуна*, место воздаяния за убийство комаров, клопов и других кровососущих насекомых; *кримбходжана*, где мучают алчных и скаредных; *ваджракантака*, где карают нарушение кастового принципа при вступлении в брак; *авичимат*, где несут наказание лжесвидетели, и т. д. «Законы Ману» перечисляют 21 адскую сферу.

Что касается горизонтальной проекции индийского мифологического мироздания, она строится, опять-таки, вокруг горы Меру. Миф гласит, что эту гору окружают континенты — *двипа*, омываемые каждый своим морем. Число этих континентов варьируется от 4 до 18. Во всех версиях мифов упоминается главный из этих континентов — Джамбудвипа, крайняя южная часть которого, Бхаратаварша, традиционно отождествляется с Индией. Свое название континент получил от чудесного дерева Джамбу, плоды которого размерами со слона: созревая, они падают на гору, из их сока образуется река Джамбу, воды которой даруют здоровье и радость всем, кто пьет из нее.

К Джамбудвипе примыкает остров Ланка, одноименную столицу которого построил из золота божественный строитель Вишвакарман. Брахма подарил этот город богу богатства Кубере, но затем остров и город захватил демон Равана. Герой Рама (воплощение Вишну) убил Равану и вернул Ланку во власть богов. Согласно «Бхагавата-пуране», первоначально Ланка была одной из вершин мировой горы Меру, но ее сорвало ветром и унесло в море.

В мифах и эпосе довольно часто встречается и название «Арьяварта» — буквально «страна благородных [ариев]». По замечанию В.Н. Топорова, Арьяварта — страна, где обычно разворачиваются мифологические сюжеты, имеющие подлинное географическое приурочение. «Реальная Арьяварта — это первоначальная территория расселения ведийских ариев в Индии. Она занимала Великую Северо-Индийскую равнину от западного моря до восточного и от Гималаев на севере до гор Виндхья и Сатпура на юге, за которыми находилась чуждая ариям страна неарийских племен (современный Декан)».

Кульминация традиционного индийского представления о мироздании, абсолютная его модель — это мандала, символическая диаграмма мира. Мандала есть комбинация геометрических элементов, символически представляющая образ мироздания. Считается, что зрительное восприятие мандалы может привести к откровению, осознанию сакральных истин. Чаще всего она имеет форму круга, круга в квадрате или квадрата в круге, причем квадрат иногда делится на четыре треугольника. Мандала обладает семантикой круга, колеса, лотоса, розы.

Как графический образ (графема) мандала представляет собой движение к некоему внепространственному и вневременному центру, который никогда не визуализируется, но

всегда подразумевается. Этот незримый центр представляет собой вариант омфалоса (пупа земли). Линии мандалы и фокус, в которой они собираются, графически выражают препятствия на пути к центру.

Мандала есть модель мироздания, аналогичная мировому дереву, горе, храму. Что касается сопоставления с последним, известны многочисленные храмы, выстроенные в форме мандалы — круглые, квадратные, восьмиугольные.

Классическая мандала основана на сочетании чисел 1 (центр), 3 (треугольник), 4 (квадрат) и 7 (круг). Существуют также искаженные мандалы, основанные на числах 2, 6, 8.

В буддийской мандале квадрат, вписанный в круг, ориентирован по сторонам света и вместе с центром сопоставлен с пятью элементами человеческого естества. Как правило, в квадрат вписывается восьмилепестковый лотос, а в центре лотоса изображается божество или его атрибут. Внешний круг мандалы олицетворяет «стену огня» — метафизическое знание, уничтожающее неведение. Следующий круг — «бриллиантовый»: просветление, обретение истинного знания. Третий круг — «лепестки лотоса»: духовное возрождение. Последний круг — центр.

К.Г. Юнг, основываясь на анализе сновидений, в которых присутствовала в той или иной форме мандала, соотносил с мандалой все геометрические фигуры, материальные или условные, которые заключены в круг или в квадрат: будь то циферблат часов, движение человека по кругу, лабиринт, зодиакальный круг, циклическое время и пр. С лабиринтом, кстати сказать, мандала связана не только формой, но и «назначением»: оба эти символа являются инициальными.

Вариант мандалы — тантрическая *янтра*, представляющая собой сложную композицию геометрических фигур (точка, треугольник, квадрат, стилизованный лотос) и пред-

Тибетская мандала (XVIII в.).

назначенная для медитации. Точка в янтре означает центр; треугольник олицетворяет три мира; круг, который встречается редко, символизирует целостность и полноту. Главная из янтр — Шри-янтра, выражение сексуальной энергии мироздания, символ непрерывного творения. В центре Шри-янтры находится точка *бинду*, вокруг которой расположены девять пересекающихся треугольников: пять обращены вершинами вниз (йони), четыре направлены вершинами вверх (лингам). «Мужские» треугольники дробятся на 43 малых треугольника — 14 синих («приносящие удачу»), 10 красных («достигающие цели»), 10 синих («защищающие от беды») и

ИНДИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ

8 красных («исцеляющие от болезней»). Треугольники вписаны в три окружности, внутри которых также находятся два круга лепестков лотоса — 14 голубых и 8 красных («исполнение желаний»). Вся композиция заключена в квадрат с четырьмя «воротами» — символ материального мира; область между углами квадрата и окружностями называется «царством иллюзий».

В мандале обретают завершенность пространство и время. Мир достигает абсолютного порядка. При этом мандала, повторяя К.Г. Юнга, представляет собой формирование, трансформацию, вечное воссоздание Вечного Ума. Она — геометрическое жертвоприношение, обращенное к божествам. Какие имена носят эти божества, каковы их важнейшие деяния, как эволюционировал индийский пантеон на протяжении тысячелетий — обо всем этом пойдет речь в следующей главе.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

РАЙСКАЯ ПЕСТРОТА

Глава 3

«Я ЗНАЮ, МОГУЧИЕ, КАКОВЫ ВАШИ ОБЫЧАИ»: ИНДИЙСКИЙ ПАНТЕОН

Многообразие богов. — Вишведева. — Синкретический пантеон. — Классификации индийских божеств. — Адити. — Вселенский закон рита. — Индра. — Поединок Индры с Вритрой. — Индраджит. — Локапалы. — Агни и Сома. — Владыки жертвоприношений. — Сома-растение и сома-напиток. — Варуна. — Митра и Варуна. — «Классификаторы модели мира». — Брихаспати. — Рудра. — Жертвоприношение Дакши. — Солярные божества. — Савитар, Пушан, Сурья. — Ашвины. — Ушас. — «Божественная синонимия». — Богини индийского пантеона. — Сарасвати. — Лакшми. — Вираджд. — Божественная абстракция: Атман и Брахман. — Брахма. — Миф о появлении смерти. — Тримурти. — Вишну. — Маркандея и Вишну. — Аватары Вишну. — Нарасинха. — Вамана. — Парашурама. — Кришна. — Будда. — Калки. — Разрушитель Шива. — Шакти. — Парвати. — Дурга. — Кали. — Харихара. — Яма. — Кубера. — Сыновья Шивы: Карттিকেя и Ганеша. — Хануман.

В свое время И.В. Гете, познакомившись с первыми европейскими исследованиями индийской мифологии, остался глубоко разочарован богами Индии: божества индийцев,

писал он, «числом в несколько тысяч, притом не подчиненные друг другу, но одинаково абсолютно всемогущие... еще больше запутывают жизнь с ее случайностями, поощряют бессмысленные страсти и благоволят безумным порывам, словно высшей степени святости и блаженства». Количество богов в индийской мифологии и в самом деле грандиозно, причем число божеств в этой мифологической традиции с течением столетий неуклонно возрастало: если веды знают всего 33 бога, то брахманы упоминают о 333 богах, пураны же — о 3306 или 3339; эпос называет 33 главных бога, остальных же божеств характеризует как неисчислимы сонмы. Г. Гессе называл многочисленность и многообразие индийских божеств «райской пестротой»: «Индийская религия соединяет в себе райскую пестроту самых невероятных противоположностей, самых несовместимых формулировок, самых противоречивых догм, ритуалов, мифов и культов, которые только можно вообразить; нежнейшее наряду с самым грубым, духовнейшее наряду с самым чувственным и плотским, добрейшее наряду с самым жестоким и диким».

Многие гимны «Ригведы» обращены ко «Все-м-Бо-гам» (Вишведева). Обычно Вишведева упоминают при совершении жертвоприношений, причем каждое божество призывается при исполнении конкретной части ритуала, но в ряде случаев Вишведева выступают как единое целое, своего рода «множественный бог»:

Да придут к нам со всех сторон прекрасные силы духа,
Что нельзя обмануть, нельзя обойти, что бьют ключом, —
Чтобы боги всегда помогали нам возрастать,
(Чтоб были) защитниками изо дня в день!

Прекрасная милость богов — для идущих прямо:
Дар богов да обратится к нам!
Дружбы богов мы добились,
Боги да продлят наш срок — чтобы мы жили!

Прекрасное да услышим мы ушами, о боги!
Прекрасное да увидим мы глазами, о достойные жертв!
Восхвалив вас, с крепкими членами и телами
Мы хотим достигнуть срока жизни, что положен (нам) богами!

Да, впереди сто осеней, о боги,
В которые вы заключили старость (наших) тел,
В которые сыновья станут отцами.
Не повредите наш век посреди пути!

По замечанию В.Н. Топорова, Вишведева «настолько тесно слиты между собой, что трудно выделить часть, относящуюся к данному божеству. В ритуале Вишведева также трактуются как единство (в частности, им посвящается третья выжимка сомы)». Ригведийские гимны причисляли к Вишведева Индру, Агни, Митру, Варуну и других адитьев (см. ниже), иногда Сому, богиню зари Ушас и «гневною» Рудру; в пуранах «состав» Вишведева постоянно меняется.

«Индийский пантеон, — пишет М.Ф. Альбедиль, — производит впечатление некоего вида духовной палеонтологии, где громоздятся, иногда причудливо перемешиваясь, ведийский, брахманистский, индуистский, джайнский, буддийский и другие слои, при это самый мощный пласт составляют божества индуизма. Индуистские боги опрокидывают наши прочно сложившиеся иудео-христианские стереотипы о том, как должен выглядеть бог, чего от него можно ждать и как

человек должен строить свои отношения с ним; их облик скорее отсылает к архаическому мифопоэтическому субстрату. Но и с известными и привычными греческими богами индийские не имеют ничего общего. Те, даже если они схвачены художником в движении, как правило, закончены по своему внутреннему облику и в этом смысле неподвижны, статуарны. Они — сложившиеся красивые мужчины и женщины, с двумя руками и двумя ногами, то есть имеют вполне человеческий вид. Индийские же боги, даже в застывшей позе, вызывают в памяти танец масок, когда мелькает то одно, то другое лицо, то женское, то мужское тело, когда мелькание рук и ног складывается в затейливый меняющийся рисунок. Эти боги, веселые и ужасные, разноцветные и усатые, благодные и устрашающие, гневные и сострадательные, смотрят со стен храмов, с икон, лубков, статуэток. Средний индиец едва ли понимает, почему каждый должен любить только одного распятого Бога. Он видит божественный лик и в улыбке юного Кришны, и в танцующем Шиве, и в нежной Сарасвати, и в грозной Кали. Индийский национальный бог совсем не обязательно имеет антропоморфный облик, то есть выглядит как человек. Не менее священны и животные, и реки, и деревья, и камни, и планеты, и звезды — словом, все, что обитает на земле, в земле и под землей.

Необозримое количество божественных персонажей не без трудностей воспроизводят даже ученые брахманы. А есть еще столь же неисчислимая бездна гибридных персонажей, чьи божественные качества вообще идентифицируются с огромным трудом. В каждой местности живут свои главные и второстепенные боги, отсюда — множество дублирующих персонажей, порой связанных сложными родственными отношениями. При этом многие из них могут существовать

лишь в виде имен в теологических трактатах, доступных только узкому кругу знатоков. От духов племенных верований, неизвестных за пределами какой-нибудь маленькой, затерянной в горах или в лесу деревушки, до популярных и почитаемых во всей Индии богов — таково необозримое и неисчислимое количество индийских божеств».

По причине многочисленности и многообразия божеств в индийской мифологической традиции установить среди них сколько-нибудь определенную иерархическую последовательность вряд ли представляется возможным. Поэтому мы будем придерживаться в изложении того же «эволюционного принципа», как и в главе о сотворении мира: от божеств, упоминаемых в ведах, к божествам эпоса — через брахманы, упанишады и пураны.

Ведийские боги (напомним, их 33) делятся на небесных, атмосферных (промежуточных) и земных. К небесным относятся Дьяуса, Варуну, Митру и прочих адитьев (всего их 12), Сурью, Савитара, Пушана, Вишну, Вивасвата, Ушас и Ашвинов; к атмосферным — Индру, Триту Аптью, Апам Напата, Матарिशвана, Ахи Будхню, Вату, Парджанью и Апас; к земным — Притхиви, Агни, Брихаспати, Сому и Сарасвати. По другой классификации, выявленной Ж. Дюмезилем, божества вед делятся «функционально»: Варуна, Митра и другие адити олицетворяют собой закон и магию (магико-юридическая функция), Индра и боги-маруты олицетворяют воинское ремесло (военная функция), Ашвины — плодородие (экономико-творческая функция). Кроме того, существует особая категория божеств, которых называют абстрактными и «чьи имена связаны с обозначением неких элементарных космологических актов и снабжены суффиксом деятеля -tar» (То-

поров)¹. К этим божествам относятся Савитар («рождающий»), Тваштар («придающий форму»), Дхатар («устанавливающий»), Вишвакарман («Вседелатель»), Праджапати («господин потомства»), Шраддха («вера»), Вач («речь»), Кала («время»), Ниррити («гибель»), Тапас («космический жар»), Кама («желание»), Прана («дыхание»), Адити («безграничность»), Дити («ограниченность») и т. д. Два последних абстрактных божества, Адити и Дити, противопоставляются друг другу как семантически, так и на «бытовом» уровне: первая называется матерью богов-адитьев, вторая — матерью демонов-даитьев.

Что касается адитьев, «Ригведа» знает шестерых — Митру, Арьямана, Бхагу, Варуну, Дакшу и Аншу; иногда к ним причисляется и Индра. Позднее число адитьев достигает двенадцати, они толкуются как солнечные боги и соотносятся с двенадцатью месяцами. По замечанию В.Н. Топорова, «сам класс адитьев (как и их мать Адити) и составляющие его бо-

¹ Как замечал К.Г. Юнг: «Индийская религия похожа на пагоду или на муравейник. Подобно муравьям, боги один за другим взбираются вверх. Этот подъем начинается разными слонами на фундаментах и заканчивается абстрактным цветком лотоса, венчающим все сооружение. Со временем боги преобразуются в философские идеи»; ср. также высказывание Г. Гессе: «Западному человеку, занимающемуся Индией, больше всего хлопот и затруднений доставляет то обстоятельство, что бог для индийцев может быть одновременно трансцендентным и имманентным; но в этом сама суть индийской религии. Для индийца, поразительно гениального как в религиозном чувстве, так и в абстрактном мышлении, тут вовсе не существует проблемы, для него с самого начала ясно и решено, что всякое человеческое знание, всякая логика могут иметь отношение лишь к низшему миру, миру человеческого, что в отношении к божественному, напротив, возможны лишь самоотдача, почтение, медитация, благоговение».

жества обозначаются именами с абстрактным значением: Варуна — истинная речь, Митра — договор, Арьяман — гостеприимство, Анша — доля, Бхага — надельитель, Дакша — способность и т. д. В ведах адитьи — отвлеченные понятия, выступающие как мифологические классификаторы».

«Ригведа» говорит об Адити:

Адити — небо, Адити — воздушное пространство,
Адити — мать, она — отец, она — сын.
Все-Боги — Адити, Адити — пять родов (людей),
Адити — то, что рождено, Адити — то, что должно родиться.

Адитьям же посвящены, в частности, следующие строки:

Эти Адитьи, широкие, глубокие,
Не поддающиеся обману (и) стремящиеся обмануть, с
множеством глаз,
Видят кривое и прямое внутри.
Все, даже самые дальние (предметы) — вблизи от (этих) царей.

Адитьи поддерживают (все) движущееся (и) неподвижное.
(Они —) боги, пастухи всего мироздания,
С далеко простирающейся мыслью, охраняющие мир асуров,
Соблюдающие (вселенский) закон, наказывающие за вину.

Они несут три земли и три неба.
Внутри у них — три обета при жертвоприношении.
(Вселенским) законом велико ваше величие, о Адитьи!

Этот вселенский закон (*рита*) — универсальный космический принцип, хранителями которого являются адитьи. Через риту происходит преобразование хаоса в упорядочен-

ный космос, посредством риты достигается порядок круговращения вселенной. Рите противопоставляется *анрита* — неупорядоченность, ложь космического масштаба (как рита — космическая истина). «По закону рита восходит и заходит солнце, одно время года в установленном порядке следует за другим. Все повторяется, как было в незапамятные времена, и, следуя закону риты, человек воспроизводит цикличность космических явлений в цикличности ритуала, поддерживая тем самым порядок в космосе и в человеческом обществе и создавая условия для нормальной и успешной жизни своего племени. Рита является одновременно и этическим законом в обществе ариев. Хорошо и правильно то, что этому закону соответствует: почитание арийских богов и принесение им жертв; награждение жрецов, совершающих жертвоприношение, и поэтов-риши, создающих молитвы; покорение племен, не почитающих арийских богов, а захват их богатств. Все эти понятия с отрицательным значением относятся к области анрита» (Елизаренкова).

Первое место по количеству посвященных ему в «Ригведе» гимнов занимает иногда причислявшийся к адитьям громовержец Индра; логично предположить, что именно этот бог достаточно продолжительное время являлся главным божеством ариев¹. Гимны называют Индру царем богов и царем

¹ Поклонение громовержцу широко распространено среди индоевропейских народов; ср. Зевса и Юпитера в античной традиции, славянского Перуна, балтийского Перкунаса, скандинавского Тора. Миф о поединке громовержца со змеем (в Индии — поединок Индры с Вритрой) также встречается во всех индоевропейских мифологических дискурсах: Зевс побеждает змееподобного Тифона, Тор сражается с мировым змеем Йормунгандом, Перкунас и Перун одолевают черта, принимающего змеиный облик, и т. д.

всей Вселенной. Кажется, нет таких славословий, которых бы он не удостоился:

Индра — царь движущегося (и) отдыхающего,
Безрогого и рогатого, громовержец.
Это он, как царь, правит народами.
Как обод — спицы (колеса), он охватил их (всех).

По ту сторону (видимого) пространства, неба
Ты, о сильный по своей природе, (приходящий) на помощь,
о дерзкий мыслью,
Сделал землю противовесом (своей) силы.
Охватывая воды, солнце, ты идешь на небо.

Ты стал противовесом земли.
Ты стал господином высокого (неба) с великими героями.
Все воздушное пространство ты заполнил (своим) величием.
Ведь поистине никто другой не равен тебе.

(Он), чьей протяженности не достигают небо и земля,
Как реки не достигают конца (видимого) пространства —
Тем более не (сравнится) с (его) собственным внезапным
действием, когда он сражается в опьянении (сомой!)
Один последовательно совершил все остальное.

Еще (выше), чем небо, далеко распространилась его громадность.
Даже земля по (своей) величине — не противовес Индре.
Страшный, исполненный силы, опаляющий людей,
Он точит ваджру, как бык (рога), — для остроты.

ИНДИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Словно океанское течение — реки,
Он вбирает в себя благодаря (своим) размерам разливающиеся
в разные стороны (песни).

Индра распаляется, как бык, для питья сомы.
От века этот боец вызывает восхищение (своей) силой.

Это он, воинственный, создает людям
Великие сражения (своим) могуществом (и) силой.
И тогда верят они в разъяренного
Индру, мощно поражающего ваджрой — смертельным оружием.

Неисчерпаемое добро ты несешь в руках.
Неодолимую силу заключает в (своем) теле прославленный (бог).
Как в колодцах, прикрытых теми, кто их сделал,
В телах твоих, о Индра, — богатые силы духа.

Ваджра — палица грома, атрибут и оружие Индры; именно ваджрой он поразил демонического змея Вритру и отворил мировые воды, которые заперал своим телом демон. Поединок громовержца (в данном случае Индры) со змеем (Вритрой) — центральный сюжет не только ведийской, но и индоевропейской мифологии. Как пишут В.Вс. Иванов и В.Н. Топоров, «ядро мифа составляет поединок громовержца с противником, для которого восстанавливается общеиндоевропейское исходное имя с корнем *ueI-. Этот противник предстает в виде существа змеиной породы. Громовержец преследует его, убивает, рассекая на части и разбрасывая их в разные стороны, после чего освобождает скот и воды. Начинается плодоносящий дождь с громом и молнией».

По «Ригведе», демонический противник Индры носит множество имен — Вритра, Вала, Пипру, Шушна и др., однако смена имени не влияет на развертывание мифологическо-

Айравата, слон Индры. Индийская миниатюра.

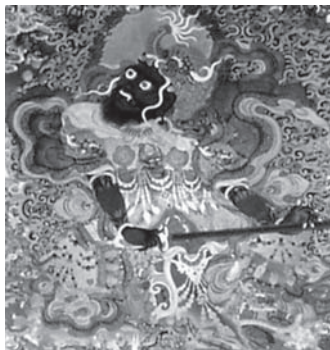
го сюжета: Индра всякий раз одерживает победу в поединке и освобождает заточенные в скале мировые воды и укрытых демоном в пещере божественных коров.

Этот миф в «Ригведе» присутствует одновременно в двух вариантах — в сюжете о победе над Вритрой и в так называемом мифе Вала (по имени скалы и олицетворявшего ее демона). В этой скале демонами Пани были спрятаны коровы. Индра ваджрой пробил скалу, пригвоздив ее к земле, и выпустил наружу коров (= свет), установив порядок во Вселенной.

В сражениях богов с асурами Индра возглавляет божественные рати. Он — победитель коварнейшего из асуров Шамбары, ослеплявшего противников тысячью колдовских

Локапала Дхритараштра,
хранитель востока.
Тибетская миниатюра.

Локапала Вирудхака,
хранитель юга.
Тибетская миниатюра.

уловок, и духа хмельного напитка (*сурь*) Намучи. Впрочем, Индра не всемогущ: из эпической поэмы «Рамаяна» известно предание о том, как он был побежден и пленен колдуном Индраджитом, сыном царя демонов-ракшасов Раваны; свободу ему вернули лишь по просьбе Брахмы. В «Махабхарате» Вритра, прежде чем оказаться побежденным, дважды проглатывает Индру, которого выручает Вишну¹. В «Рамаяне» также рассказывается о многочисленных любовных похождениях Индры среди людей (в этом отношении индийский громовержец весьма схож с греческим Зевсом).

В индуизме Индра — один из *локапал* (хранителей мира), владыка белого слона Айраваты, старшего из *диггаджи*. Согласно «Махабхарате» и пуранам, когда Индра искупал в изгнании свой грех (убийство брахмана Вритры), царь Лунной

¹ Согласно «Махабхарате», Вритра был брахманом, поэтому за его убийство (убийство жреца) Индра наложил на себя наказание и отправился в изгнание. Верхняя часть тела Вритры, напоенная сомой, превратилась в луну, а нижняя, демоническая, стала чревом живых существ; поэтому о чревоугодниках в Индии говорят, что они приносят жертвы Вритре.

Локапала Вирупакша,
хранитель запада.
Тибетская миниатюра.

Локапала Вайшравана,
хранитель севера.
Тибетская миниатюра.

династии Нахуша аскетическими подвигами занял место царя богов и получил власть над всеми тремя мирами (трилока). Своим высокомерием он разгневал мудрецов-риши и по проклятию одного из них, Агастьи, был сброшен на землю и на десять тысяч лет превращен в змея. Индра вернулся из изгнания и снова занял свой престол, а Брахма, чтобы впредь миру не грозили потрясения, поставил хранителями мироздания восьмерых локапал — по числу слонов-диггаджи, подерживающих землю. Варуна считается правителем запада, Яма правит югом, Кубера — севером, Индра же повелевает востоком¹. Ездовое животное Индры — чудесный конь Уччайшравас, возникший из молочного океана, когда боги и асуры добывали амриту.

Небеса Индры — Сварга, где находится Амаравати, город тысячи врат, к которому ведет звездная дорога от горы Меру. В садах Амаравати растут чудесные деревья кальпаврикши, исполняющие желания, а также Париджата — дерево с золо-

¹ Северо-восток подчинен Соме, юго-восток — Сурье, северо-запад — Ваю, юго-запад — Агни.

той корой, добытое при пахтанье океана (вероятно, аналог мирового древа). На небеса Индры попадают герои, павшие в битве; они ни в чем не знают недостатка, их зрение услаждают танцами прекрасные танцовщицы-апсары (ср. скандинавские представления о чертогах Одина — Вальхалле). Эти герои пребывают в Сварге, пока не придет срок их новому рождению на земле.

Следующий за Индрой по частоте упоминания в гимнах «Ригведы» — бог огня и домашнего очага Агни; ему посвящено около 200 гимнов. Если Индра — царь над богами, то Агни — главное земное божество, посредник между богами и людьми (первый жрец-*хотар*). По изложению «Махабхараты», когда боги замыслили учредить жертвоприношение, они захотели, чтобы жрецом стал Агни. Но тот испугался («когда я вознесу жертву и догорит жертвенный огонь, кончится и моя жизнь») и спрятался в водах. С его бегством на земле воцарились демоны, и боги отправились на поиски Агни. Его местонахождение выдала рыба; Агни проклял предательницу — и с тех пор рыбы стали законной добычей и пищей людей. Боги пообещали Агни бессмертие: «Никогда не будет тебе ущерба при обряде, и жертва будет принадлежать тебе». Тогда Агни согласился вернуться на небо и стал владыкой жертвоприношений.

По «Ригведе», родители Агни — Дьяус и Притхиви, то есть небо и земля; в мандале X сообщается, что он произошел от трения двух кусков дерева. В той же мандале утверждается, что он родился сразу в трех местах (на небе, на земле и в воде), у него три головы, три силы, три языка и три жилища. В большинстве гимнов Агни воздается хвала как посреднику между людьми и богами и как жрецу:

Агни. Бронза (XI–XII вв.).

Агни. Французская миниатюра (XIX в.).

Ведь ты господин
на жертвенных празднествах,
О Агни, ты вестник племен.
Сегодня на питье сомы привези богов,
Пробуждающихся на заре, (богов),
чей глаз — солнце.

О Агни яркосияющий, ты светил
На протяжении прежних зорь,
о приятный для всех на вид.
Ты — защитник в деревнях,
ты поставлен во главе
На жертвоприношениях,
(ты,) близкий человеку.

Мы помещаем тебя как исполнителя жертвы,
О Агни, как хотара, регулярно жертвующего,
Как (это было при) Ману, как прозорливого,
Резвого вестника, бессмертного, о бог.

Наряду с Агни владыкой жертвоприношений считался и Сома (он же Сома Павамана) — третий по частоте упоминания бог «Ригведы». Этот бог есть персонификация одноименного напитка богов, он же — царь мира и бог над всеми богами, родитель неба и его дитя, господин закона. Он принимал участие в освобождении мировых вод и помогал Индре убить демона Вритру. В эпосе Сома — божество луны; в «Рамаяне» рассказывается, как демон Равана стрелял в Сому из лука и лишь заступничество Брахмы помогло Соме избежать урона.

Что касается божественного напитка, то, как указывала Т.Я. Елизаренкова в своих работах, посвященных «материальному миру» вед, «главной проблемой, связанной с фло-

рой РВ, является проблема отождествления сомы, который занимал центральное место в ритуале жертвоприношения богам. Сому называют царем растений, но никаких конкретных его описаний в гимнах нет. Само слова soma является его ритуальным названием, обозначающим растение и сок одновременно. Нигде в гимнах не упоминаются ни его корни, ни листья, ни семена. Зато постоянно фигурируют его стебель или побеги — та часть, которую в ритуале сначала замачивают в воде, а потом из нее камнями выжимают сок бурого-коричневого цвета, обладающий резким вкусом, в связи с чем его смешивают с добавлениями: молоком, свежим или кислым, медом или ячменным напитком, предварительно пропустив через ситечко из овечьей шерсти для очищения от волокон. Вот и все, что мы знаем реально о соме из РВ. К этому добавляется мифология. Сомы растет на высокой горе Муджават. Его принес орел с неба, который, прорвавшись через все препятствия (в него стреляли из лука), доставил его богам. Приготавливаемый из сомы напиток бессмертия — амрита — дал Индре — а он из всех богов основной его любитель — силу для свершения героических подвигов, убийства демонов. Сому вкушали боги, а также жрецы. Судя по описаниям состояния человека, испившего сомы, он дает вдохновение, просветление, приводит в экстаз, т. е. оказывает галлюциногенное действие».

Традиционно «материальной» сомой считалась разновидность эфедры — мелкого кустарника с толстыми побегами. В 1968 г. американский исследователь Р.Г. Уоссон опубликовал книгу «Сомы — божественный гриб бессмертия», в которой доказывал, что арийский сома представлял собой галлюциногенный напиток из гриба-мухомора. Гипотеза Уоссона вызвала ожесточенные споры (ее, в частности, поддержал К. Леви-Стросс), продолжающиеся и по сей день; между тем

Уоссон в последующих работах показал, что культ галлюциногенных грибковых растений бытовал и у других древних индоевропейских народов, например у греков, которые для Элевсинских мистерий готовили напиток из спорыньи. При этом, как отмечала Т.Я. Елизаренкова, «доказать на основании крайне неясных контекстов РВ, в которых приготовление сомы описывается метафорическим языком с помощью литературных символов, что сома в РВ был соком мухомора, вряд ли возможно».

Помимо Индры, веды называют «вседержителем» и еще одно божество — Варуна. Этот бог связан с космическими и небесными водами, он наполняет водой моря, его сестры — реки, он проливает с небес дождь и т. п. Кроме того, Варуна — воплощение космического закона рита, охранитель истины и справедливости, безжалостно карающий ложь. Гимны «Риг-веды» гласят:

Вылил Варуна бездонную бочку
на оба мира и на поднебесье
из отверстой бочки он царь вселенной
ниву орошает как ливнем землю.

Ниву орошает небеса и земли
Варуна молитвой о дожде доимый
облаками облакая вершины
мужи грозные отдают поводья.

Варуна царь торит дороги Солнца
и рек навстречу морю многоволных

кобылиц пуская путем извечным
он в русло дней направляет течение.

Ветром дыханье сотрясает воздух
звериным на лугу победным ревом
между великих двух миров высоких
твои установленья всем желанны.

Всем Варуны блюстителям желанны
двух видимых миров установленья
прозорливцам соблюдающим жертву
гимнотворцам укрепленным молитвой.

Как воплощение риты, Варуна толкуется как истинная речь; уже в мандале I «Ригведы», в первом по «внутренней хронологии» этой веды гимне Варуне, к нему обращаются с мольбой проявить милосердие к нарушителям закона:

Если, о бог Варуна,
Мы станем нарушать изо дня в день
Твой завет, как племена (– завет царя),

Разгневанный, не выдавай нас (своему)
Смертельному оружию на убийство,
Ни ярости (своей), когда ты разгневан!

В эпосе и пуранах Варуна утрачивает свое «ведическое» величие; он остается богом вод, но уже не космических, а вполне земных, его причисляют к локапалам и называют хранителем запада. «Махабхарата» излагает несколько сюжетов, в которых Варуна выступает как соблазнитель и похититель смертных женщин.

В «Ригведе» Варуна зачастую выступает «в паре» с другим божеством, представляющим, по Ж. Дюмезилю, «магико-юридическую» функцию в индийском пантеоне. Это божество — Митра, чье имя заставляет вспомнить об иранском Митре, культ которого был столь популярен на закате Римской империи. Вполне вероятно, этот бог был «унаследован» индийцами от индоиранской общности: во всяком случае, сходство (если не сказать — тождество) Митры иранского с индийским не подлежит сомнению¹. Оба Митры — божества солнца и оба также связаны с представлением о договоре и порядке (рита). В ригведийских гимнах пара Варуна–Митра нередко является своего рода единым целым:

Величьем упочив небо и землю
Митра и Варуна два самодержца
растенья растя коров наполняя
дождем излейтесь окропляя землю.

Словно жрец на жертвенной соломе
словожертвой преумножая славу
на престоле вы с нерушимой волей
Митра с Варуной приемлете жертву.

¹ Ср. замечание В.Н. Топорова: «Само имя Митра восходит к индоевропейскому корню, имеющему отношение к обозначению идеи посредничества, взаимности, обмена и меры, закономерности, согласия, состояния мира, дружбы и симпатии. Культ Митры получил чрезвычайно широкое распространение; образ Митры внедрился (в непосредственном или косвенном виде) в самые разные культурно-исторические традиции и религиозно-мифологические системы».

Варуна. Камень (VIII в.).

Три света Варуна три неба
с Митрой держа три поднебесья
умножая державы силу
охраняйте обет нетленный.

Миру светлomu и земному
сыны Адити вы опора
Митра-Варуна и все боги
не преступят ваших обетов.

Впрочем, Митра не только объединяется с Варуной, но и противопоставляется последнему. Митра предстает благосклонным, дружественным и доброжелательным, тогда как Варуна имеет репутацию карающего, грозного, опасного. В соответствии с этой благосклонной природой Митры его часто просят успокоить и смягчить своего сурового собрата¹. В брахманах различия Митры и Варуны приобретают, если можно так выразиться, структурный характер, превращаются в систему противопоставлений, благодаря которой эти боги, по выражению В.Н. Топорова, «становятся классификаторами в модели мира древних индийцев». Эти противопоставления многообразны: правый — левый, близкий — далекий, восточный — западный, день — ночь, огонь — вода, лето — зима, белый — черный и т. д. Тем не менее, как писал Ж. Дюмезиль, «противопоставление Митры и Варуны никогда не было и не могло быть враждой или соперничеством, но лишь дополнительным распределением. Оба бога вместе с представляемыми ими понятиями и действиями равно необходимы для жизни человека и космоса. Будучи противопоставлены, они не распределяются один в поле “хорошего”, а другой в поле “плохого”, даже если на это и есть какие-то намеки. Митра — верховный бог в своем разумном, ясном, умеренном и упорядоченном, спокойном, доброжелательном, жреческом аспекте; Варуна — верховный бог в

¹ В ряде случаев «напарником» Варуны выступает не Митра, а Индра, причем последний выступает как хранитель мирового порядка.

своим нападающим, темном, таинственном, неистовом, ужасном, воинственном аспекте».

К Варуне и Митре как хранителям риты примыкает Брихаспати — бог молитвы и жертвоприношения, который владеет колесницей закона и выступает как божественный жрец (*пурохита*). В эпосе и пуранах Брихаспати — жрец и наставник богов; «Ригведа» приписывает ему участие в освобождении коров Вала:

Проламыватель скалы, перворожденный, верный закону...

Брихаспати завоевал вместе (все) блага,

Этот бог (опустошил) великие загоны, полные коров.

Желая покорить воды, солнце, он не имеет себе равных,

Брихаспати убивает недругов песнями.

В брахманах Брихаспати стал ипостасью Атхарвана — жреца, первым добывшего огонь, установившего жертвоприношение и сложившего «Атхарваведу». Атхарван — друг богов и «древний учитель», живущий на небесах. В ряде текстов Брихаспати даже отождествлялся с Брахманом — самосушим творческим началом.

Если Индра творит мир, Варуна, Митра и Брихаспати хранят мироздание и универсальный порядок, то Рудра — разрушитель: он несет урон и смерть, «предшественник» катастрофического Шивы. Гимн «Ригведы» гласит:

Космический танец Шивы.
Индийская миниатюра.

ИНДИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Буйного Рудру, приводящего жертву к цели,
Идущего окольными путями поэта мы призываем на помощь!..

Ни великого среди нас, ни малого среди нас,
Ни растущего среди нас, ни выросшего среди нас,
Ни отца нашего, ни матери не убивай!
Не причини вреда нашим милым телам, о Рудра!

Ни детям нашим (или) внукам, ни нашему сроку жизни,
Ни нашим коровам, ни коням не причини вреда!

В то же время Рудру призывают как защитника и даже как целителя:

Что можем мы сказать Рудре,
Прозорливцу, самому щедрому, сильнейшему, —
Самого радостного для (его) сердца?

...Чтобы сделала нам Адити
Для охоты, для мужей, чтобы для коров,
Чтобы для потомства — (целебное средство) Рудры!

Повелителя песни, повелителя жертвы —
Рудру с успокаивающим целебным средством
Мы просим об этой милости для блага и счастья.

С Рудрой связан миф о первом жертвоприношении. По брахманам и «Махабхарате», Дакша, «владыка созданий», устроил на горе Химават жертвоприношение во искупление грехов и созвал всех божеств, кроме Рудры. Разгневанный Рудра пронзил приготовленную жертву стрелой, и она превратилась в созвездие, после чего он напал на тех, кто собрал-

ся на вершине горы, и отрубил голову Дакше. Голова укатилась, и ее не смогли найти, поэтому приставили Дакше, в конце концов, голову козла. Усмирить ярость Рудры сумел только Брихаспати.

«Атхарваведа» называет Рудру тысячеглазым богом с черным животом и красной спиной; по «Ригведе», он — «рыжий бык неба». В эпосе и пуранах рассказывается о рождении Рудры из бровей Брахмы. Он был наполовину мужского облика и наполовину женского; по велению Брахмы это двуполое существо разделилось на мужчину и женщину.

В поздней традиции имя Рудры стало одним из эпитетов Шивы.

Как уже говорилось, многие божества индийского пантеона, особенно боги вед, нередко «дублируют» друг друга по своим функциям. Примером подобного дублирования могут послужить божества солнца. «Ригведа» связывает с солнцем Митру, Савитара, Ашвинов, Сурью, Пушана, Вивасвата и Ушас; различия между этими божествами в большинстве случаев провести крайне сложно. Так, Савитар часто отождествляется с Сурьей и с Пушаном; Вивасват — эпитет Сурьи и т. д.; кроме того, эти боги состоят между собой в тесных родственных отношениях: Ушас — дочь и жена Сурьи и мать Ашвинов, возлюбленная Пушана, Пушан, в свою очередь, — жених дочери солнца и вестник Сурьи, близнецы Ашвины — дети Вивасвата или Ушас, они же — братья Ушас, отцы Пушана, Савитар — отец Сурьи и т. п.

Мифы о солярных божествах столь же многочисленны и противоречивы, как родственные связи этих божеств. С Вивасватом связан миф о творении людей. Этот бог признавался восьмым сыном Адити; он родился без рук и без ног, и тогда его старшие братья Митра, Варуна и Бхага отсекали ему все

ИНДИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ

лишнее, чтобы он оставался гладким со всех сторон, — из этого лишнего и возникли люди. По одной из версий мифа, именно Вивасват (а не Дакша) совершил первое жертвоприношение и даровал людям огонь. Савитар, по «Ригведе», — «золотой господин мира» и одновременно колесничий солнца:

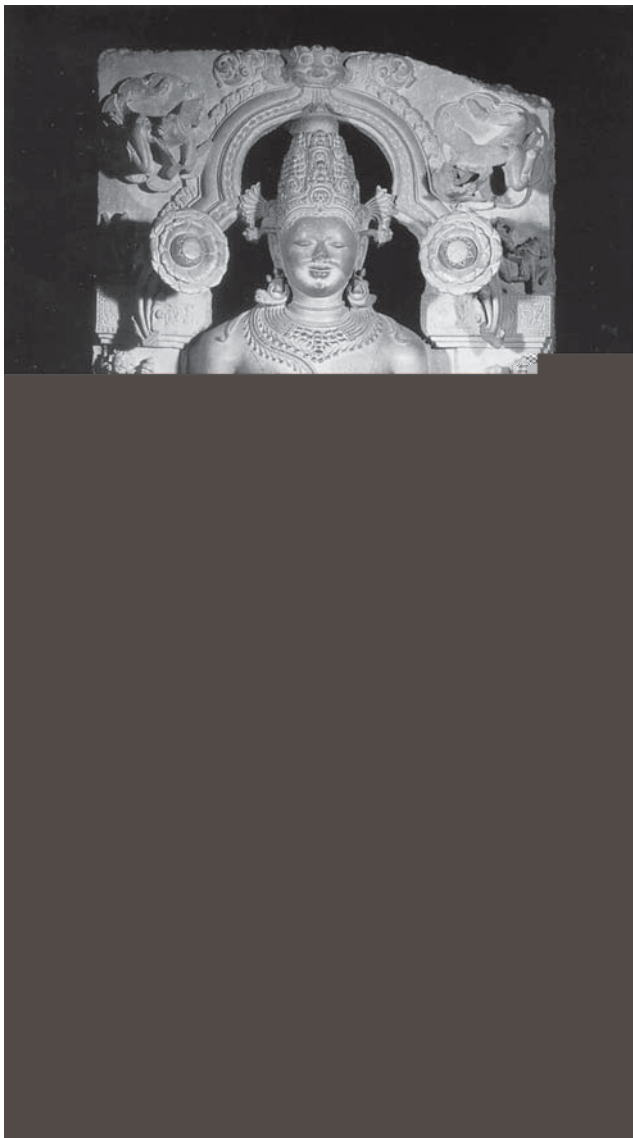
Удерживатель неба, господин (всех) существ в мире,
Он надевает на себя золотистую одежду, (этот) поэт.
С всеобъемлющим взором, простирая ширь (и) заполняя ее,
Савитар породил благодать, достойную хвалы.

Вот он поднялся, этот бог Савитар, чтобы еще раз
Привести (все) в движение, он, занятый (такой) работой,
возница солнца —
Ведь сейчас он одаряет богов сокровищем
И выделил долю на счастье (почитателю),
приглашающему (богов) на жертву.

Чтобы (все) слушалось его, бог, устремленный ввысь,
Простирает руки с широкими ладонями.
Даже воды покоряются (его) обету,
Даже этот ветер успокаивается в (своем) круговом странствии.

Савитар и Пушан присутствовали при совершении Дакшей первого жертвоприношения и оказались жертвами гнева Рудры: Савитара разгневанный бог лишил рук, а Пушану концом своего лука выбил зубы.

Пушан выступает еще и как повелитель пути и охранитель дорог, своего рода индийский аналог греческого Гермеса (он также сопровождает души умерших по пути предков);

Сурья — бог солнца. Известняк (XI в.).

он помогал Индре одержать победу над Вритрой; в гимнах Пушана призывают помочь с выбором «хороших, легкопроходимых путей» и защитить от врагов:

Ты ведь выше смертных
И равен богам по великолепию.
Наблюдай ты за нами, о Пушан, сражениях!
Помогай сейчас, как раньше!

Сурью «Ригведа» называет глазом богов; он движется по небосводу, пересекает пространство, «меряя дни ночами», на золотой колеснице, запряженной семью рыжими кобылицами (дочерьми солнца). По метафорическим строкам гимнов возможно реконструировать гимн о похищении Индрой колесницы Сурьи¹. В эпосе Сурья получает колесничего Аруну, который правит конями бога и одновременно защищает своим телом мир от палящих лучей солнца.

Ашвинам в «Ригведе» посвящено наибольшее количество гимнов после Индры, Агни и Сомы. Юные близнецы, Ашвины, мчатся по небу на золотой колеснице (или на стовесельном корабле), сопровождая Сурью. Гимны называют Ашвинов знатоками времени и божественными целителями, они излечивают слепых и хромых и могут даже вернуть жизнь умершим. В брахманах и эпосе излагается миф о том, как Ашвины однажды увидели выходящую из воды красавицу Суканью и предложили ей выбрать из них двоих себе мужа. Суканья отказалась, так как уже была замужем за дряхлым отшельником Чьяваной. Ашвины омолодили Чьявану, придали ему свой облик и вновь предложили Суканье выбрать.

¹ Связь Сурьи с Индрой подтверждается и тем, что в одних мифах владельцем чудесного коня Уччшрайхваса, появившегося при пахтанье океана, называется Индра, а в других — Сурья.

Кришна излагает бхакти-йогу богу солнца Сурье.
Индийская миниатюра.
Внизу изображен Ману, внимающий Сурье.

ИНДИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Она все же сумела (по тайному знаку) узнать Чьявану, и Ашвины отступились, а Чьявана в благодарность за свое омоложение даровал Ашвинам долю в возлияниях сомы.

Ушас — богиня утренней зари, которой в «Ригведе» посвящены такие строки:

Вот, словно прекрасная женщина,
Приближается Ушас, доставляя наслаждение.
Она идет, пробуждая род двуногих,
По ее велению взлетают птицы.

(Та,) что побуждает к встречам, побуждает (людей,
занятых делом,

Словно по следу (мужчин) идет, сладострастная.
Птицы не устают летать,
Когда ты загораешься, о щедрая наградами!

Она запрягла коней издалека —
От восхода солнца.
Выезжает к людям
На сотне колесниц эта приносящая счастье Ушас.

Весь движущийся мир склонился пред ее видом.
Прекрасная создает свет.
Да прогонит (светом) враждебность щедрая дочь неба!
Да прогонит Ушас светом (наши) промахи!

Известен миф о том, как Индра разбил своей ваджрой колесницу Ушас; при этом в гимнах богиня зовется «самой похожей» на Индру.

Солярные божества индийского пантеона — далеко не единственный пример «божественной синонимии», которую В.Н. То-

поров назвал «примечательной особенностью» индийской мифологии¹. Другие примеры подобной синонимии — и разнообразие богов-творцов, и «трансформация» Нараяны в Вишну и Рудры — в Шиву, и известные по ведам, брахманам и пуранам списки отождествлений:

Ты, о Агни, — Индра, бык существ,
Ты — Вишну, широко шагающий, достойный поклонения,
Ты — брахман, находящий богатство...

Ты, о Агни, — царь Варуна, чей обет крепок,
Ты бываешь Митрой чудодейственным,
достойным призываний.

Ты — Арьяман, господин существ...
Ты — Анша, о бог, наделяющий при жертвенной раздаче.

Ты, о Агни, — даритель имущества тому, кто служит (тебе).
Ты — бог Савитар, ты наделяешь сокровищами.
Ты, как Бхага, о господин людей, владеешь добром.
Ты — защитник в доме того, кто почтил тебя.

Эта особенность индийской мифологической традиции связана с представлением о цикличности мироздания, его нерушимой целостности и всеединстве. «Многие древние божества — скорее “связки эпитетов и функций”, нежели антропоморфные персонажи с ярко выраженной индивидуальностью, биографией и прочими четкими характеристиками, как, например, античные божества — излюбленный европей-

¹ Ср.: «Каждое божество характеризуется несколькими признаками, которые то актуализируются, то нейтрализуются; вся совокупность персонажей объединяется относительно ограниченным набором основных признаков».

ский эталон. Они по большей части смутны и безличностны и потому с большим трудом поддаются какой-либо классификации. Все они подчинены некоей магической потенции, именуемой в ведийских текстах чаще всего термином *асу*. Она распределена в равных пропорциях между богами, людьми, животными, растениями и прочими феноменами видимого мира» (Альбедиль). Пожалуй, можно сказать, что статус того или иного божества в конкретный момент мифологического времени и мифологического сюжета определяется «уровнем» асу — или, если взглянуть на мифологический комплекс Индии «извне», синкретизмом индоарийского пантеона, вбиравшего в себя местных божеств и отождествлявшего их с божествами «исконными» по сходству функций.

Древнеиндийский пантеон в основном представлен мужскими божествами; Ушас — один из немногочисленных женских персонажей, встречающихся в ведах, возможно, ипостась Великой матери. Если не принимать во внимание абстрактные женские божества (Адити, Дити, Вач, Шраддха), то *la parte feminine*¹ пантеона вед окажется представленной, помимо Ушас, всего четырьмя богинями — Притхиви, Илой, Сарасвати и Лакшми (еще следует упомянуть Вираджд, но о ней будет сказано чуть позднее).

Притхиви — мать-земля, чаще всего она призывается и прославляется вместе со своим супругом Дьяусом — олицетворением неба. В мифологии эта пара существенной роли не играет; известен только миф о разделении неба и земли, осуществленном Индрой (или Варуной).

Сарасвати — богиня одноименной реки (главной реки ведийских ариев) на северо-западе Индии². Как река и одновременно как богиня (отождествление, характерное для

¹ Женская часть (*фр.*).

² Существует гипотеза, что Сарасвати — сакральное имя реки Инд.

Брахма и Сарасвати. Индийская миниатюра (XIX в.).

индийских мифов) Сарасвати заполняет собой воздушное и все другие пространства, она низвергается с неба или с высокой горы и принимает участие в жертвоприношениях. Нельзя не отметить, что эти «параметры» свойственны не только Сарасвати, но и богине Ганге, олицетворению одноименной небесной реки. Сарасвати — целительница и подательница благ; она покровительствует певцам и даже выступает как богиня священной речи, поэтому в брахманах происходит отождествление Сарасвати с Вач (в постведийский период Сарасвати получает статус богини красноречия и мудрости, супруги Брахмы; она — изобретательница санскрита и письма деванагари, покровительница искусств и наук).

С Сарасвати тесно связана Ила (Ида) — богиня жертвенных возлияний и молитв, персонификация жертвы молоком и маслом. «Ригведа» называет эту богиню «переполненной»:

У кого в доме Ида с жиром в руке
Сидит, переполненная, —
Спаси тех (людей), о сильный, от обмана, от хулы!

Брахманы называют Илу дочерью и женой прародителя людей Ману. По мифу, когда Ману спасся от всемирного потопа, он принес на горе Хималая жертву, бросив в воду масло и творог. Из этих масла и творога и возникла Ила. Сочетавшись с Илой, Ману породил человеческий род (на санскрите человек — *мануджа*, буквально «рожденный Ману»). С Сарасвати и Бхарати (ипостась Сарасвати) Ила образует триаду жертвенных божеств.

Богиня любви и красоты Лакшми принадлежит уже не столько ведийскому, сколько индуистскому пантеону. Тем не менее в ведийском пантеоне она тоже присутствует — и под собственным именем, и под именем Шри («процветание»),

причем «Яджурведа» разделяет два этих образа, а сливаться они начинают в упанишадах. По мифу, Лакшми-Шри появилась на свет при пахтанье молочного океана, сидя на лотосе (или с лотосом в руках), поэтому лотос в индийской традиции считается священным цветком и атрибутом этой богини. (В индуизме лотос — цветок, возникший из пупа Вишну; согласно мифу, из этого цветка появился творец мироздания Брахма. По Е.П. Блаватской, это цветок олицетворяет вселенную, возникающую из неподвижного перводвигателя. Мистическая география индуизма соотносит плавающий по воде лотос с землей, плывущей в мировом океане; в этой модели чашечка цветка олицетворяет священную гору Меру, а лепестки означают четыре стороны света.)

В пуранах говорится, что Майя (женский аспект творческого принципа) приняла три непостижимых для человека формы в соответствии со своими качествами, а каждая из этих форм произвела на свет

Сарасвати. Мрамор (XII в.).

божественную пару — Вишну и Кали, Махешвару (Шиву) и Сарасвати, Брахму и Лакшми. Затем Брахма и Сарасвати создали мировое яйцо, Махешвара и Кали разделили его пополам, а Вишну и Лакшми хранили это яйцо от разрушения.

Богиня любви и красоты
Лакшми. Бронза.

В вишнуистской традиции Лакшми — супруга Вишну; всякий раз, когда Вишну сходил на землю в новом воплощении (аватаре), Лакшми перевоплощалась вместе с мужем: когда он стал Рамой, она превратилась в Ситу; когда он стал Кришной, она воплотилась в Рукмини и т. д. В «Махабхарате» воплощение Лакшми — Драупади, первая в мире красавица, жена пандавов.

«Вишну-пурана» говорит о тех благах, которые сулит почитание Лакшми: «От твоего благосклонного взгляда мужчины обретают жен, детей, жилище, друзей, урожай и богатство. Здоровье, сила, власть, победа, счастье легко достаются тем, кому ты улыбнешься. Ты мать всему живому, как бог богов Хари¹ — всему отец, и этот мир, одушевленный и неодушевленный, полон тобой и Вишну». Та же пурана гласит: «Шри, невеста Вишну, мать мира, вечна и неучтожима, она присутствует везде в той же мере, в какой наполняет собой все сущее. Вишну — смысл, она — речь. Хари — власть, она — благоразумие. Вишну — понимание, она — разум. Он — праведность, она — преданность. Он — творец, она — творчество. Шри — земля, а Хари —

¹ Одно из имен Вишну.

ее опора. Он — суть, а вечная Лакшми — покорность. Он — вождение, она — пожелание. Шри — небеса, Вишну, который един со всеми вещами, — протяженное пространство... Хари есть все, что называют мужским, а Лашкми есть все, что обозначается словом “женское”. И нет никого, кроме них».

По замечанию П. Томаса, кроме этих «первостепенных» богинь, есть и другие, имеющие меньшее значение. Это или супруги *дева* (как, например, Индрани — жена Индры или Ями — жена Ямы), или местные богини, которые «либо обходятся вообще без почитателей, либо почитаются небольшим кругом людей и имеют только локальное значение (например, Шитала в Бенгалии, Мариамма на дравидийском юге и т. п.)».

Наособицу от остальных богинь стоит Вираджд — олицетворение женского творческого начала, рожденное Пурушей; при этом Пуруша, в свою очередь, родился от Вираджд. «Атхарваведа» называет Вираджд коровой, породившей мир¹. Возмож-

¹ Культ коровы в Индии существует с древнейших времен и ничуть не потерял своей актуальности в наши дни. «Одной из важнейших сторон индуизма, — писал М. Ганди, — является защита коровы. Для меня защита коровы — самое удивительное явление человеческой эволюции. Она возвышает человека над своим родом. Корова означает для меня весь мир, стоящий в своем развитии ниже человека. Человеку предписано через корову осознать свое единство со всем живущим. Для меня ясно, почему корова была избрана для такого апофеоза. Корова была в Индии лучшим другом людей. Она дарила изобилие. Она не только давала молоко, но и делала возможным земледелие. Корова — это поэма сострадания. Каждый чувствует сострадание к этому кроткому животному. Корова — мать для миллионов индийцев. Защита коровы означает защиту всех бессловесных божьих тварей. Защита коровы — дар индуизма миру. И индуизм будет жить до тех пор, пока индусы будут защищать корову». В арийской поэзии именно корова была символом прекрасного; все продукты, производимые коровой,

но, поздний «синоним» коровы-Вираджд — божественная корова Сурабхи (или Камадхену), исполняющая любые желания своего владельца и обитающая на небесах Индры. В упанишадах образ Вираджд был демифологизирован — точнее, метафизирован: богиня «превратилась» в творческий принцип.

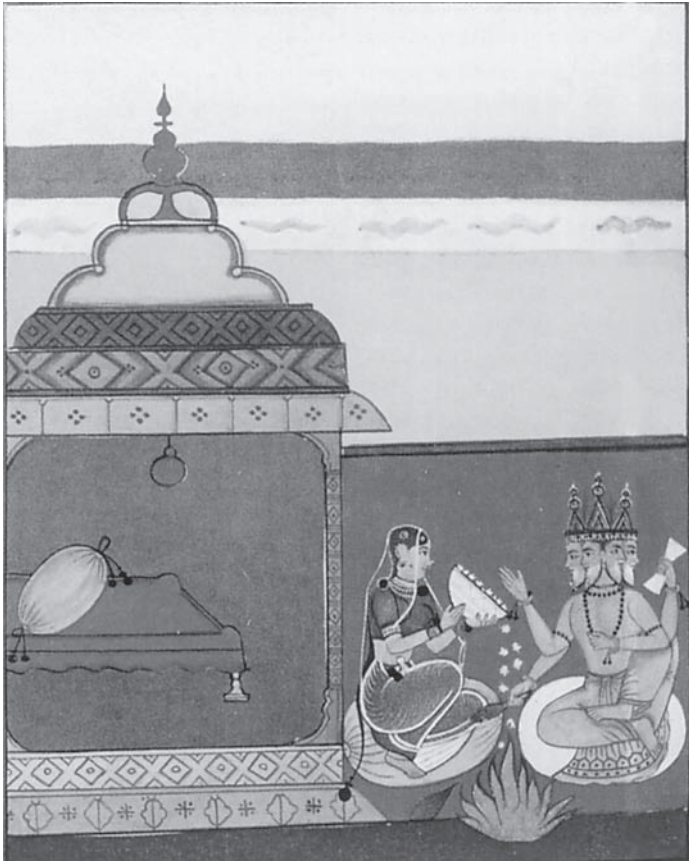
Это превращение божества в идею находит завершение в концепциях Атмана и Брахмана — основных постулатах индийской религиозно-философской доктрины. Атман есть индивидуальное бытие, своего рода душа, всеобщая основа и первопричина, которая пронизывает все сущее и которая непостижима и лишена каких бы то ни было конкретизирующих признаков. Брахман же — высшая объективная реальность, творческое начало, в котором все возникает, существует и продолжает существовать. Атман и Брахман противопоставляются друг другу, однако находятся в тождестве объективного и субъективного начал. В «Брихадараньяка-упанишаде» о тождестве Атмана и Брахмана говорится: «Вначале все это было лишь Атманом... Поистине, вначале это было Брахманом. Он узнал себя: “Я есть Брахман”. Поэтому он стал всем сущим. И кто из богов пробудился к этому знанию, тот стал таким же. И даже боги не могут помешать, потому что он становится их Атманом». А «Тайттирия-упанишада» прибавляет: «Это Брахман, это Атман, другие божества — его члены». В мифах, как они излагаются в упанишадах, проявления

считались священными. «Всесилие коровы, по убеждениям индусов, было таково, что она могла помочь даже в исправлении дурной кармы... Словом, корова в индуизме, с древности и вплоть до настоящего времени, никогда не сходила с пьедестала божественного почитания. Здесь уместно вспомнить замечание английского ученого Макдоннела: ни одному другому животному человечество не обязано столь многим, как корове, но только в Индии ее роль в истории цивилизации получила достойное признание» (Альбедиль).

ями Атмана-Брахмана становятся и мировое яйцо, и боги-творцы (тот же Праджapati). «Зачастую ведийские мифы, — писал А.Я. Сыркин, — получают в упанишадах символическое переосмысление, будучи истолкованы как некоторое преобразование ритуальной церемонии». Проявлением Атмана-Брахмана и преобразованием ведической молитвенной формулы, словесного выражения универсального творческого принципа, стал верховный бог индуизма — Брахма.

В «Ригведе» Брахма не упоминается (в отличие от Брахмана). «Яджурведа» вкладывает в уста Верховного Существа (Атман-Брахман) такие слова: «От меня родился Брахма, он превыше всего, он Питамаха, отец всех людей, он Аджа и Сва-ямбху, или Самосуший». Брахманы и упанишады отождествляли Брахму с Праджapati как творцом мироздания. «Махабхарата» говорит, что Брахма подобен тысяче солнц, у него четыре лица, четыре тела и восемь рук; в этих руках он держит четыре веды, сосуд с водой небесной реки Ганги, жезл и лотос.

В пуранах утверждается, что первоначально у Брахмы было пять голов и пять лиц, но пятую голову богу отрубил Шива, покарвав за кровосмешение. Миф гласит, что из собственного тела Брахма, произнеся священный слог АУМ, породил богиню Гаятри (одно из имен Сарасвати). Гаятри столь восхитила его, что он сотворил себе четыре лица, чтобы все время созерцать дочь; когда же та поднялась на небо, у Брахмы выросла пятая голова, запрокинутая вверх. Не в силах обуздать страсть, Брахма совершил насилие над дочерью, и тогда Шива отрубил богу пятую голову. (По другим версиям мифа, Брахма лишился пятой головы за то, что она рассуждала о его превосходстве над Шивой — или за то, что он попросил Шиву, дабы тот родился от него как сын; Шива проклял Брахму, и это проклятие лишило последнего головы.)

Поклонение Брахме. Индийская миниатюра.

С Брахмой связан миф о появлении смерти. В Критаюгу люди были бессмертны и заполняли землю, неуклонно увеличиваясь в числе; наконец земля, не в силах более выносить гнета, взмолилась к Брахме. Тот погрузился в размышления и разгневался: «Пламя его гнева вырвалось из всех пор его тела, запылали страны света, страх объял все живое, миру грозила гибель». Лишь вмешательство Шивы, посоветовавшего

сделать так, чтобы люди рождались и умирали, утишило гнев Брахмы. Из тела бога вышла женщина с венком из лотосов на голове; узнав, зачем ее сотворили, она пыталась возражать, но Брахма был непреклонен. Из слез, пролитых смертью, родились болезни, убивающие людей в назначенный срок, а дабы смерть была беспристрастна, Брахма сделал ее госпожой справедливости.

Что касается деяний Брахмы как творца и устроителя мира, о них достаточно подробно говорилось в предыдущей главе. Здесь же, завершая рассказ об этом божестве, процитируем пуранический текст: «От него произошли все вещи, в нем предсуществовала вселенная, он обнимает все материальные формы, которые сам призвал к возникновению и бытию, так что они стали зримы, хотя и безостановочно изменяют свой вид, повинувшись силе развития. Подобно тому как в желудке уже существует дуб, а плод в семени растет и ждет своего срока, так и в Брахме существовали все материальные формы, одновременно зародившиеся и развивавшиеся».

Небо Брахмы — брахмалока — находится на вершине мировой горы Меру; на эти небеса попадают люди, отличившиеся при жизни исключительной праведностью и за свои подвиги избавленные от «колеса перерождений» — сансары. Они живут в брахмалоке в созерцании истины и в состоянии вечного блаженства. Брахмалока состоит из четырех сфер — махарлоки, джанарлоки, тапарлоки и сатьялоки; в последней обитает сам Брахма, погруженный в медитацию.

Вместе с Вишну и Шивой Брахма образует так называемую индуистскую триаду — Тримурти. В пуранах, где и изложена эта концепция, Брахму называют творцом мироздания, Вишну — его хранителем, а Шиву — разрушителем. Отношения между членами Тримурти (точнее, между их культурами) представляют собой соперничество за верховную власть. Как

писал английский исследователь Э. Мур: «В расстановке трех великих сил Бесконечного творение и сохранение явно предшествуют разрушению; это релятивистское и философское понимание строя триады не всегда совпадает с богословским или сектантским. Точно так же, как вишнуиты перевозят Вишну, шиваиты возводят на его место Шиву, приписывая ему могущество Брахмана; поскольку в конце времен все должно подвергнуться уничтожению, наивысшим, по их мнению, следует считать воплощение именно этой силы, которая господствует и тогда, когда видимым превосходством обладает входящий в триаду хранитель». Нередки толкования Тримурти как трех ипостасей единого божества, которое объединяет в себе все три функции (творение—сохранение—разрушение) и носит, как правило, имя Вишну (Нараяны) или Шивы.

Известен миф о споре Вишну и Брахмы о том, кто из них более достоин первенства в триаде. В разгар этого спора перед божествами появился божественный лингам (атрибут Шивы), «столб, подобный сотне пожаров, поглощающих вселенные, не имеющий ни начала, ни середины, ни конца, несравненный и неопиcуемый». Превратившись в вепра, Вишну устремился на поиски основания лингама, тогда как Брахма, обернувшись гусем, полетел вверх, дабы достичь вершины столба. Спуск Вишну и подъем Брахмы длились тысячу лет, но оказались тщетными, и потому оба бога были вынуждены склониться перед могуществом Шивы.

По другой версии того же мифа, Брахма сказал, что достиг вершины столба, но Шива раскрыл его ложь и в наказание отрубил Брахме голову, а Вишну, который признался, что не сумел достичь подножия лингама, назвал величайшим среди богов триады.

Вишну и Лакшми. Индийская миниатюра (XVIII в.).
*Вишну возлежит на змее Шеше, Лакшми массирует мужу ноги.
Из пупа Вишну растет лотос, на котором восседает Брахма.*

Вишну поклонялись уже в ведийский период: он упоминается в ряде гимнов «Ригведы» как помощник Индры в поединке с демоном Вритрой, а два гимна посвящены ему целиком. В этих гимнах Вишну и Индра как бы меняются местами — теперь Индра становится помощником Вишну:

Этой силе духа его, связанного с Марутами, устроителя (обряда),
Следует царь Варуна, ей (следуют) Ашвины.
Он обладает высшей силой действия, находящей день,
Когда Вишну вместе с другом открывает загон (с коровами).

Божественный Вишну, который поспешил сопровождать
Индру — благодетеля как еще больший благодетель,
Устроитель обряда, имеющий три жилища, придал жизни арию.
Он выделил жертвователю долю во (вселенском) законе.

Три шага Вишну, которыми он измерил сферы мироздания, традиционно толкуются как сотворение трех миров — неба, земли и преисподней.

В брахманах Вишну постепенно приобретает статус верховного божества, который получает окончательное оформление в пуранах, прежде всего в «Вишну-пуране», в которой, к примеру, говорится: «Тот, кто ублажает Вишну, обретает все земные радости, место на небесах и, что лучше всего, окончательное освобождение». Яма, царь мертвых, произносит в той же пуране такие слова: «Я господин всех людей, кроме вишнуитов. Я был поставлен Брахмой, чтобы обуздывать людей и соразмерять добро и зло. Но тот, кто почитает Хари, неподвластен мне. Тот, кто своим святым знанием поклоняется лотосоподобной стопе Хари, освобождается от бремени грехов». А «Бхагавата-пурана» подчеркивает первенство Вишну в Тримурти: «Именно я был вначале. Затем

Вишну на змее Шеше. Слоновая кость (XV в.).

я — это то, что есть; и то, что должно остаться, — это я. Знайте, все, что только может возникнуть в уме, будь то свет или тьма, все, кроме Первопричины, есть Майя, или заблуждение ума. Подобно тому как великие элементы находятся в различных существах, хотя и не входят в них, так же и я в них, хотя и не в них».

Как верховное божество Вишну принимает в себя других богов — таких, как Васудева или Нараяна. Постепенно эти боги становятся эпитетами Вишну, пополняя многообразие его имен; в «Махабхарате» есть раздел под названием «Гимн тысяче имен Вишну».

Чаще всего Вишну изображают возлежащим на мировом змее Шеше; у его ног сидит богиня Лакшми, а из пупа Вишну вырастает лотос, в цветке которого восседает Брахма. У иконографического Вишну обычно четыре руки, в которых он держит раковину, метательный диск, булаву и лотос. Это традиционное изображение связано с мифом, согласно которому в конце каждого мирового цикла Вишну вбирает в себя Вселенную и погружается в сон; когда он просыпается и замышляет новое творение, из его пупа вырастает лотос, а из лотоса появляется Брахма, выполняющий собственно акт творения.

Известен миф о мудреце Маркандее, который в течение многих тысяч лет предавался благочестивым размышлениям, совершал жертвоприношения и аскетические подвиги и в награду пожелал узнать тайну происхождения возникновения вселенной. Его желание мгновенно исполнилось: он очутился у изначальных вод, простирившихся, насколько хватало взгляда; на этих водах спал человек, чье огромное тело светилось собственным светом и озаряло тьму. Маркандея узнал Вишну и приблизился к нему, но в этот миг спящий

Аватары Вишну. Фреска. Джайпур (XVIII в.).

открыл рот, чтобы сделать вдох, и проглотил мудреца. Тот очутился в зримом мире, с горами, лесами и реками, с городами и селениями, и решил, что все виденное было сном. Маркандея странствовал еще несколько тысяч лет и обошел всю вселенную, но так и не узнал тайну ее возникновения. А однажды он заснул и снова очутился у изначальных вод и увидел перед собой мальчика, спавшего на ветке баньяна; от мальчика исходило ослепительное сияние. Пробудившись, мальчик открыл Маркандее, что он — Вишну и что все мироздание есть проявление божества: «О Маркандея, от меня происходит все, что было, есть и будет. Повинуйся моим вечным законам и странствуй по вселенной, заключенной в моем теле. Все боги, все святые мудрецы и все живые существа пребывают во мне. Я — тот, кем проявляется мир, но чья майя остается непроявленной и непостижимой».

Обитель Вишну — Вайкунтха — находится на вершине мировой горы Меру.

Большинство мифов о Вишну связано с его воплощениями — *аватарами*. Аватары свойственны не только Вишну; так называются все божества, сходящие в мир людей и воплотившиеся в смертных существ, дабы защитить тех, кто им поклоняется, и восстановить мир и справедливость. В «Ади-парве» (первая книга «Махабхараты») рассказывается о том, что на земле все больше демонов стало рождаться царями, наделенными могуществом. И тогда «творец существ» Брахма повелел другим богам для обуздания демонов воплотиться на земле «отдельными частями». Как сказано далее, «небожители... воплотились по своему желанию в родах брахманов и царственных мудрецов. Они убили данавов, ракшасов, гандхарвов и змей, а также людоедов и многих других существ».

Впрочем, наиболее известны именно аватары Вишну¹. Этим аватар десять — рыба (Матсья), черепаха (Курма), вепрь (Вараха), человек-лев (Нарасинха), карлик (Вамана), Рама с топором (Парашурама), Рама, Кришна (или Баларама), Будда и белый конь (Калки). Этими десятью аватарами перечень воплощений Вишну не исчерпывается, но именно они считаются важнейшими. В «Махабхарате» Кришна, одна из аватар Вишну, объясняет божественные побуждения герою Арджуне:

Постиг я три мира, свершил все свершенья,
Но действия не прекращаю движенья.

А если б не действовал я, то в безделье
Все люди бы жить, как и я, захотели.

Исчезли б миры, если б дел я не множил.
Все касты смешав, я б людей уничтожил¹.

Первая аватара, Матсья, и связанный с нею миф представляют собой вишнуйское перетолкование мифа о всемирном потопе. В «Махабхарате» говорится, что прародителя людей Ману спас от гибели в водах потопа обернувшийся рыбой Брахма, а пураны приписывают эту же роль Вишну.

В образе черепахи Курмы Вишну был опорой горы Мандары, используя которую как мутовку, боги и асуры пахтали молочный океан:

¹ Как замечает П.А. Гринцер, «наряду с аватарами Вишну в индуистской мифологии известны и аватары Шивы (главным образом в виде аскета и наставника в йоге; всего насчитывается 28 его аватар), но они не приобрели такого же значения, как аватары Вишну».

² Перевод С.Я. Липкина.

Тут и боги, и асуры к Царь-черепахе —
к исполинской Акупате обратились:
«Став для этой горы надежной опорой,
ты, почтенная, соизволь помочь нам».

Черепаха, ответив им: «Так и будет!» —
под громадную гору подставила спину,
А чтоб крепко на ней держалась вершина,
Индра создал особое вооруженье.

Третья аватара Вишну, вебрь Вараха, связана с мифом о поднятии земли из первобытных вод. В брахманах этот подвиг приписывался Праджапати, который в образе вебря поднял земную твердь со дна мирового океана. В «Рамаяне» Праджапати забыт, а его подвиг стал подвигом Вишну: «Вначале все было водой, из которой была создана земля. Из воды возник Брахма, Самосуций, бессмертный Вишну. Затем он, превратившись в вебря, поднял эту землю и создал весь мир». В «Вишну-пуране» Брахма также отождествляется с Вишну: «В конце прошлой эпохи божественный Брахма, исполненный добродетели, пробудился от своего ночного сна и обозрел вселенскую бездну. Он, всевышний Нараяна, облеченный в форму Брахмы, заключил, что в глубине вод лежит земля, и, желая поднять ее, принял для этого иную форму. В прошлые эпохи он принимал формы рыбы и черепахи, а в нынешнюю обратился вебрем. И, приняв эту форму и совершив все жертвоприношения ради сохранения земли, всевышний, вселенский дух погрузился в океан».

По другому варианту мифа, некогда землю стащил на дно мирового океана непримиримый враг богов демон Хираньякша. Он был неуязвим для богов, людей и животных, ис-

ключая только вепря. Поэтому боги обратились с просьбой к Вишну, который принял образ вепря и после битвы, продолжавшейся тысячу лет, убил Хираньякшу, а землю поднял со дна океана на своих клыках.

Четвертая аватара Вишну, Нарасинха, представляет своего рода «параллель» третьей аватаре. Брат-близнец демона Хираньякши, Хираньякашипу, захватил власть над тремя мирами, подчинил себе богов и поселился в небесном дворце Индры.

Хираньякашипу обладал такой же неуязвимостью, как и его брат; он не мог умереть ни днем, ни ночью, ни в своем доме, ни вне его. Демон требовал поклонения себе, а все иные формы богопочитания в своих владениях запретил. Однако его собственный сын Прахлада был ревностным приверженцем Вишну и отказывался следовать отцовскому запрету. В пуранах рассказывается, что Хираньякашипу, раздраженный упрямством сына, приказал напасть на него сначала змеям, а потом слонам, но они не смогли причинить Прахладе ни малейшего вреда. Юношу сбросили в пропасть, но он остался жив, и не утонул в океане, потому что во время испытаний непрерывно медитировал о Вишну. Убедившись в бесплодности мер физического воздействия, Хираньякашипу решил

Вишну в аватаре Варахи. Бронза (X в.).

повлиять на сына словами и стал вести с ним продолжительные беседы об ошибочности поклонения Вишну. Во время одной из таких бесед он спросил Прахладу, где находится Вишну, и, получив ответ: «Везде», указал на колонну во дворце: «А тут он тоже есть?» Когда Прахлада ответил утвердительно, разгневанный демон ударил по колонне. Та распалась, из нее выступил Нарасинха-Вишну и разодрал Хираньякашипу.

Дж. Хиггинботам. Нарасинха
(1864 г.).

Он сумел это сделать, потому что, как человек-лев, не был ни богом, ни человеком, ни животным; схватка произошла на пороге дворца демона, то есть не в доме и не вне его, и вечером, то есть не днем и не ночью.

Миф о пятой аватаре Вишну, карлике Вамане, содержит в себе очевидный мотив ригведийского сюжета о трех шагах Вишну. Согласно этому мифу, царь демонов Бали (внук Прахлады) своими аскетическими подвигами получил от Брахмы власть над тремя

мирами и подчинил себе богов. Мать богов Адити воззвала к Вишну, и тот, вняв мольбам, воплотился в уродливого карлика Ваману, сына мудреца Кашьяпы. Он пришел к Бали просить милостыни, и тот пообещал карлику все, чего Вамана ни пожелает. Карлик пожелал взять столько земли, сколько сумеет отмерить тремя шагами; Бали, видя перед собой крохот-

ного уродца, охотно согласился. Внезапно карлик вырос до гигантских размеров и двумя шагами измерил все три мира; на третий шаг места уже не оставалось, тем самым Бали оказался не в состоянии сдержать свое слово и был вынужден отказать от верховной власти.

По другой версии мифа, Вишну намеренно воздержался от третьего шага, чтобы небо и земля вернулись к богам, а Бали осталась только преисподняя. «Бали был очень предан своим подданным, — добавляет П. Томас, — и умолял Вишну разрешить ему раз в год посещать свое бывшее царство. Вишну не стал отказывать ему в этом. Встрече Бали посвящен Онам, наиболее важный ежегодный праздник у жителей Малабара. В течение десяти дней вся округа предается пиршествам и веселью, чтобы древний правитель чувствовал себя спокойно, видя счастье своих подданных».

Шестая аватара Вишну — Парашурама, или Рама с топором. В образе Парашурамы Вишну победил кшатриев, которые притесняли брахманов. Свое имя Парашурама получил от чудесного топора (*парашу*), подаренного ему Шивой. Он приходился сыном мудрецу-риши Джамадагни, в хлеву которого обитала священная корова Сурабхи. Однажды, в отсутствие самого Джа-

Дж. Хиггинботам. Вamana и Бали (1864 г.).

ИНДИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ

мадагни и его сыновей, на двор риши ворвался царь племени хайхьев Картавирия. Как сказано в «Махабхарате»:

Время шло, и беда Джамадагни постигла:
все его сыновья отлучились, о раджа,
А меж тем Анупы вождь многорукий —
Картавирия могущественный явился.

Оттолкнул он хозяйку, ворвался в обитель,
у священной коровы отнял теленка
И увел, хоть она и тоскливо мычала,
и ушел, вековые круша деревья.

Парашурама. Индийская миниатюра (ок. 1750 г.).

Узнавший о похищении теленка (по другой версии мифа — самой коровы) Рама бросился в погоню за Картавирией, настиг его и вызвал на поединок:

Стаей стрел он отсек у врага все руки,
что железным брусьям были подобны,
А ведь тысячу рук, о раджа, имел он,
но разил без промаха лук сверкавший!

Узнав о гибели отца, сыновья Картавирии напали на дом Джамадагни и убили риши. Тогда Рама воспылил ненавистью к кшатриям (воинам) и поклялся уничтожить их всех до единого.

Плоть отцовскую предал огню святому
Рама, вражьих твердынь покоритель грозный,
И поклялся отомстить — учинить истребленье
всех на свете кшатриев, о наш Партха!

Разъяренный, бесстрашный, безмерно мощный,
топором громадным вооруженный,
Искрошил он всех сынов Картавирии
в одиночку, подобно Владыке смерти.

Толпы кшатриев — тех, что спешили на помощь,
он, о бык среди кшатриев, изничтожил!
Так пошел по земле грозный Рама-мститель,
изо всех воителей наигрознейший.

Трижды по семь раз обошел он землю,
всюду кшатриев истреблял, могучий,
И в Самантапанчаке из их крови
сотворил в те дни пять озер глубоких.

У. Гобл. Рама и олень
(XIX в.).

Как замечает П. Томас, «история гласит, что в ходе двадцати одной кампании Рама полностью очистил землю от кшатриев и что все так называемые кшатрии наших дней являются потомками брахманов от их кшатрийских жен».

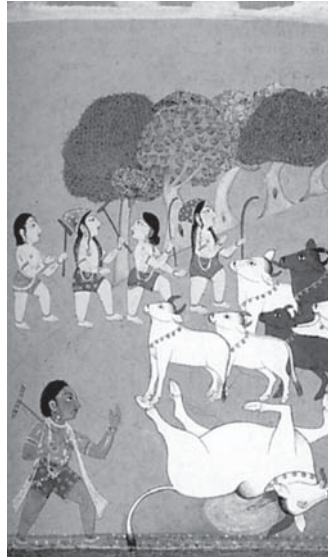
Седьмая аватара Вишну также связана с Рамой — это собственно Рама, или Рамачандра. Как писал П.А. Гринцер, «Как аватара Вишну Рама представлен только в поздних, первой и седьмой, книгах “Рамаяны”, которая окончательно

сложилась в устной традиции приблизительно к III в. н. э. В остальных книгах поэмы, а также в “Дашаратха-джатаке” буддийского канона, где впервые изложена часть сказания о Раме, Рама — еще смертный, хотя и богоравный герой. Но начиная с XI в. культ Рамы становится одним из двух (наряду с кришнаизмом) важнейших культов индуизма». Подробно о подвигах Рамы будет рассказано в 5-й главе, посвященной героическим преданиям Индии; здесь же достаточно сказать, что Вишну воплотился в Раму, дабы победить десятиглавого демона Равану, правителя острова Ланка.

Самая популярная аватара Вишну — восьмая, иначе — Кришна. Это имя встречается уже в упанишадах, но неясно, тождественны ли между собой Кришна упанишад и Кришна эпоса и пуран. В последних Кришна — наставник героев, воин и политик; он излагает герою Арджуне «Бхагавад-гиту» — религиозно-философскую доктрину индуизма¹. Миф же о

¹ Кришна разъяснил Арджуне три направления йоги — карма-йогу, или путь действий, джняна-йогу, или путь познания, и бхакти-йогу, или путь богочитания. По замечанию М. Элиаде,

восьмой аватаре Вишну состоит в следующем. В Матхуре, стране племени ядавов, правил царь Канса, который был столь греховным, что сама земля устала носить его на себе и обратилась к богам с мольбой покарать грешника. Вишну откликнулся на мольбу земли и воплотился в одного из сыновей Деваки, двоюродной сестры царя. Между тем Кансе было предсказано, что он погибнет от руки восьмого сына своей двоюродной сестры, поэтому он стал одного за другим убивать сыновей Деваки. Уцелеть удалось только двоим — седьмому сыну Баларама и восьмому, Кришне¹. Повзрослев, Кришна исполнил свое предназначение — он убил Кансу, восстановил в Матхуре справедливость, выстроил ядавам новый город и оборонял его от демонов, стремившихся отомстить за смерть Кансы.

Кришна. Иллюстрация к «Бхагавата-пуране» (ок. 1730 г.).

«путь карма-йоги, то есть практического действия, отказ от одиночества и отшельнической жизни произвел огромное впечатление на Запад, привыкший к выставляемому напоказ аскетизму протестантов, особенно кальвинистов».

¹ В некоторых пуранах утверждается, что Вишну имел двадцать две аватары, причем Баларама был девятнадцатой, а Кришна — двадцатой аватарой. По «Гита-говинде» Джаядевы, Кришна — не аватара, а полное проявление Вишну, аватарой же был именно Баларама. По другой версии мифа, Баларама — аватара мирового змея Шешы, на котором в традиционной иконографии возлежит Вишну. По «Вишну-пуране», когда Баларама умер, из его рта выполз змей Шеша. Этот герой помогал Кришне совершать подвиги, в частности, он участвовал в умерщвлении Кансы.

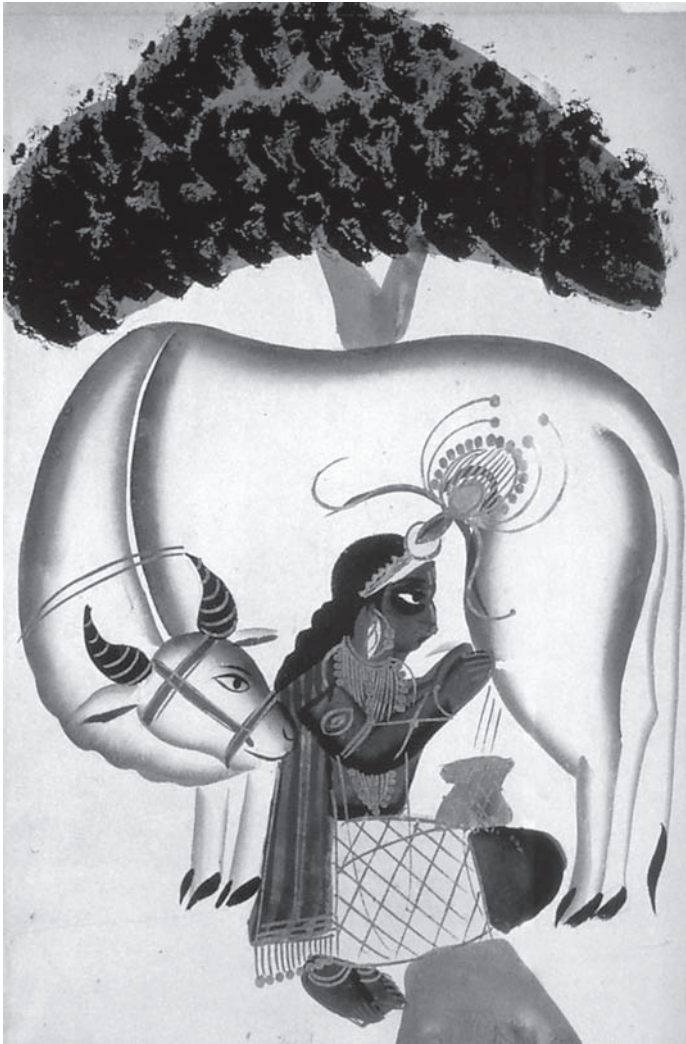
Едва ли не излюбленный мотив индийской поэзии — детство Кришны и его шалости. Как писал П. Томас, перелагая «Махабхарату» и пураны, Кришна «был не чужд детских проказ и частенько подшучивал над пастушками, среди которых рос. Он воровал масло и молоко, а когда его о них спрашивали, сваливал вину на других. Он организовывал набеги детей на сады пастухов, которые постоянно жаловались на него. Однажды, когда деревенские девушки купались в ручье, он похитил их одежды, спрятал на дереве и вынудил девушек предстать перед ним обнаженными». Особенно часто в поэзии и в живописи встречается сюжет о любви пастушек к Кришне. Стоило ему заиграть на свирели, как пастушки бросали мужей и домашние дела и бежали на берег реки, где их поджидал Кришна и где они потом танцевали до изнеможения.

После победы над Кансой Кришна приступил к установлению справедливости в окрестных землях. Он разбил многих царей, которые похищали и держали в заточении множество женщин. Чтобы избавить этих женщин от участи старых дев, он всех их взял себе в жены. Согласно пуранам, всего у него было 16 100 жен, в том числе Рукмини — воплощение богини Лакшми, супруги Вишну.

Внимая советам Кришны, пандавы одержали победу над кауравами на поле Курукшетра. Это событие стало последним земным деянием Кришны. Он уничтожил город ядавов и все племя, а сам погиб от случайной стрелы бродившего по лесу охотника Джары (вероятно, он сам направил руку охотника).

Имя Кришны означает «черный, темный». Он традиционно изображается как человек с темно-синим или темно-лиловым (реже черным) цветом кожи.

Небеса Кришны — Голока — находятся на южных склонах мировой горы Меру, через нее протекает чудесная река Ямуна. Приверженцы Кришны после смерти попадают в Голоку

Кришна в детстве. Индийская миниатюра (ок. 1860 г.).

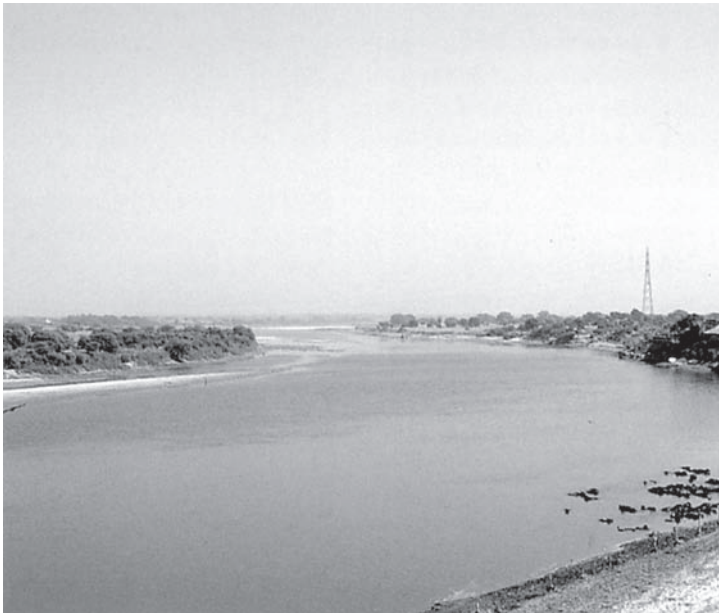
ИНДИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ

в образе коров и других животных и птиц, а наиболее преданные божеству — в образе пастухов и пастушек, которые присоединяются к танцу Кришны.

Кришне поклоняются как богу-младенцу, как богу плодородия (бог-возлюбленный) и как божеству-защитнику (воинственная ипостась Кришны). Что касается религиозно-философского учения кришнаизма (и индуизма в целом), «Бхагавад-гита» вкладывает в уста Кришны такие слова:

Разумный, ученье мое постигая,
И веря, что эта стезя есть благая,

Без ропота действуя долгие годы,
Одним лишь деяньем достигнет свободы.

Река Ямуна.

А тот, кто мое отвергает ученье,
Кто ропщет, к предметам питая влечение, —

Погибнет, безумный, познания лишенный!¹

Весьма любопытна и следующая, девятая аватара Вишну — Будда. Очевидно, что это — своего рода искусственный феномен, принудительное введение в пантеон божества другой религии, с которым невозможно было не считаться. В аватаре Будды Вишну распространял «еретическое» учение среди тех, кто отрицал ведических богов. В пуранах о сути этого учения говорится так: «В виде Будды Вишну учил, что у вселенной нет творца, поэтому неверно утверждение о существовании единого вселенского высшего духа, так как Брахма, Вишну, Шива и все прочие — лишь имена подобных нам плотских существ. Смерть есть мирный сон, зачем же ее страшиться?.. Он также учил, что удовольствие есть единственный рай, а боль — единственный ад, а блаженство состоит в освобождении от невежества. Жертвоприношения лишены смысла»².

Будда — девятая аватара Вишну.
Индийская миниатюра.

Наконец последняя аватара Вишну — снова животная: белый конь Калки (Калкин). Верхом на белом коне, со сверкающим мечом в руке, Вишну появится среди людей в канун гибели мира, чтобы покарать злодеев, восстановить дхарму и

¹ Перевод С.Я. Липкина.

² Безусловно, это изложение буддийской доктрины во многом соответствует истине, однако, как справедливо замечал П. Томас, Будда никогда не был гедонистом.

Калки — десятая аватара Вишну.
Резьба на камне.
Храм Прасанна Ченнакешава.

подготовить грядущее возрождение. Признаки мира на краю гибели «прописаны» в «Вишну-пуране»: «Цари земли станут косны духом и жестоки по характеру и будут постоянно пребывать во лжи и злодеяниях. Они будут предавать смерти женщин, детей и коров, они будут захватывать имущество подданных, их власть будет ограниченной, и по большей части их взлет и падение будут стремительными, их жизнь будет короткой, а желания ненасытными, и благочестие они будут выказывать лишь самое малое. Смешиваясь между собой, люди разных стран последуют их примеру, причем в то время как варвары обретут могущество и будут находиться под покровительством вождей, более чистые племена окажутся в небрежении, и эти люди погибнут. Благосостояние и благочестие станут уменьшаться день ото дня, пока мир не окажется развращенным всецело. Царить будет одна лишь нищета, а преданностью будет пользоваться лишь богатство, союз между полами будет скреплен одной только страстью, ложь станет единственным средством добиться успеха в суде, женщины станут всего лишь предметом удовлетворения чувственности. Лишь брахманский шнур будет делать брахмана брахманом, нечестность станет общим средством существования, слабость будет причиной зависимости, дерзость и самонадеянность послужат заменой учению, простое омовение станет считаться очищением... Так в век Кали будет усугуб-

ляться упадок до тех пор, пока человеческий род не подойдет к уничтожению». Этот «Рагнарек» на индийской почве происходит в конце каждого мирового периода.

Третье великое божество индийской Тримурти — разрушитель Шива, который в ведах упоминается лишь как эпитет Рудры, но в эпосе и пуранах приобрел «самостоятельность» и получил имя Рудры в качестве эпитета. «Перенос» признаков, свойств и функций одного божества на другое отчетливо проявляется, например, в мифе о жертвоприношении Дакши. Ведийский миф гласит, что Рудра, не приглашенный на жертвоприношение, разгневался, поразил стрелой приготовленную жертву, участников жертвоприношения изувечил, а самому Дакше отрубил голову, но затем, смилостивившись, представил обратно — правда, уже не человеческую, которую нигде не могли найти, а козлиную; в пуранах рассказывается, что Дакша не допускал Шиву к жертвоприношениям, и однажды разгневанный бог напустил демонов во главе с тысячеголовым и тысячеруким Вирахадрой, демоны уничтожили жертву, Шива же обратил в бегство участников жертвоприношения, а самому Дакше отсек голову — но затем раскаялся и согласился вернуть Дакшу к

Шива Натараджа («господин танца»).
Резьба на камне (XII–XIII вв.).

жизни, однако вместо потерянной человеческой головы тот получил козлиную. Этот пуранический миф толкуется как попытка обосновать введение Шивы в индийский пантеон.

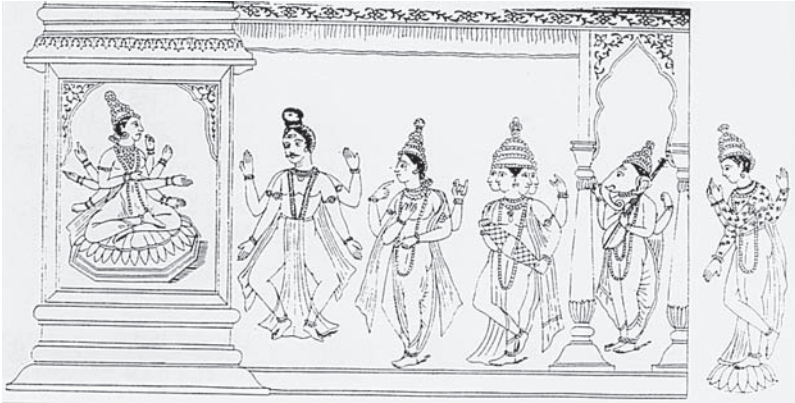
Шива многолик и многорук, у него светлая кожа, но черная шея. По мифу, когда при пахтанье молочного океана из вод появились амрита и яд калакута, Шива выпил этот яд, чтобы он не попал в океан и не уничтожил мироздание. Парвати, супруга Шивы, схватила мужа за горло, прежде чем яд успел опалить ему желудок. Яд остановился в горле и окрасил шею Шивы в черный цвет.

Третий глаз на лбу Шивы возник, когда Парвати игриво закрыла ему руками оба других глаза. В тот же миг все три мира погрузились во мрак и лишились тепла. Но открывшийся во лбу божества третий глаз спас вселенную от гибели.

Шива управляет миром через свой оргиастический танец *тандава*, ритм которого отображает непрерывное движение вселенной. «Он танцует в радости и в горе. Он танцует на трупе убитого им асуры, и этот танец символизирует окончательную победу добра над злом» (Томас). Согласно мифу, Шива покориł своим танцем 10 000 аскетов, которые пытались одолеть бога, напуская на него последовательно тигра, змею и карлика с булавой. Тигра Шива освежевал и накинул его шкуру себе на плечи, змею надел на шею как ожерелье, а на карлика, продолжая танцевать, просто наступил. Тогда аскеты покориłись Шиве и признали его власть.

Подобно Вишну, Шива носит множество имен, среди которых Махешвара («великий господин»), Махадева («великий бог»), Ишвара («господин»), Шанкара («благодетельный») и Хара («уносящий»). В пуранах перечисляются 1008 имен Шивы.

С Шивой связано представление о творческой энергии божества, персонифицированной в женском образе, — *шакти*.

Дж. Хиггинботам. Поклонение Девы (1864 г.).

Богине поклоняются (слева направо): Шива, Вишну, Брахма, Ганеша и Индра.

Супруга Шивы Парвати — выраженная носительница творческого начала, ее действия зачастую побуждают Шиву предпринимать те или иные шаги, которых он сам по какой-либо причине не совершает. Важнейший символ энергии шакти — йони; здесь уместно вспомнить о лингаме как о важнейшем символе Шивы и о синкретической йонилинге, комбинации мужского и женского начал.

Супруга Шивы носит, как и он сам, множество имен, древнейшим из которых, по-видимому, следует признать Девы («божественная»), явно отсылающее к индоиранскому *deva*, *daeva* — «бог». Вполне вероятно, что культ супруги верховного божества, этого олицетворения шакти, у арийцев — видоизменившееся с течением веков поклонение Великой матери, засвидетельствованное в протоиндийской культуре. Многочисленные имена Девы отражают два основных ее качества (*гуны*) — благотворное и губительное. Как благотворительница она — Ума («светлая»), Гаури («белая»), Парвати («горная»), Аннапурна («богатая пропитанием»), Джаганмата

ИНДИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ

(«мать мира»); губительный аспект богини выражают такие имена, как Дурга («труднодоступная»), Кали («черная»), Чанди («гневная»), Бхайрави («ужасная»). Некоторые из этих имен постепенно обрели «независимость» от богини и сами сделались богинями и объектами почитания. Прежде всего это относится к Парвати, Дурге и Кали.

Парвати — родившаяся заново первая жена Шивы, Сати. Она была дочерью Дакши и, несмотря на все доводы и прямые запреты отца, не хотела себе другого мужа, кроме Шивы. Когда же отец отказался признать ее выбор и не пригласил Шиву на жертвоприношение, в котором принимали участие

Дурга. Индийская миниатюра (ок. 1750 г.).

остальные боги, оскорбленная Сати потребовала, чтобы Шива помешал жертвоприношению, а сама, не стерпев унижения, бросилась в священный огонь. Шива долго блуждал по земле с телом Сати на руках, пока Вишну не разрубил это тело на пятьдесят кусков и не разбросал останки; места, где упали останки Сати, стали центрами религиозного паломничества. Сама же Сати по воле богов в скором времени возродилась под именем Парвати.

Она долго пыталась добиться внимания Шивы и даже поселилась рядом с ним, на горе Кайласа, однако бог совершал аскетические подвиги и потому не замечал ухищрений Парвати. Тогда она решила умиловать его аскезой; некоторое время спустя Шива, чтобы испытать Парвати, явился к ней в образе юного брахмана и стал хулить самого себя. Однако Парвати отвергла все нападки на Шиву, и тогда бог женился на ней; от этого союза родились Карттикея и Ганеша.

Что касается Дурги, ее «происхождение» исследователи возводят к Великой матери, которая олицетворяла собой единение созидательных и разрушительных сил природы¹. Согласно пуранам, Друга возникла из сверкающего пламени, которое изошло из уст Брахмы, Вишну и Шивы; этим пламенем боги уповали победить демона Махиши, захватившего небеса и изгнавшего божеств. Друга явилась перед богами в образе женщины небесной красоты, с десятью руками; в эти десять рук каждый из богов вложил свое оружие: Вишну — метательный диск, Шива — трезубец, Варуна — раковину, Агни — огненное копьё, Ваю — лук, Сурья — стрелы, Яма — железный посох, Брахма — свитки заклинаний, Индра — ваджру, Кубера — булаву. После яростной схватки Друга, во-

¹ По замечанию П.А. Гринцера, «культ Дурги вообрал в себя многие культы местных богинь — Коттравей и Эламмы на дравидском юге, бенгальской богини оспы Шиталы и т. д.».

Дурга и демон Махиша. Миниатюра раджпутской школы (1750 г.).

оруженная всеми этими предметами, пронзила Махиши копьем.

Другой подвиг Дурги — победа над асурами Шумбху и Нишумбху, которые на протяжении 10 000 лет занимались аскетическими подвигами и получили за это от Шивы неуязвимость: убить их не мог ни один бог. Обретя неуязвимость, они объявили богам войну; по совету Шивы боги призвали Дургу, рассудив, что раз асуров невозможно убить богу, значит, их сможет победить богиня-воительница. Шива оказался прав, и оба асура пали под ударами Дурги.

Если Дурга губительна прежде всего для асуров, то Кали несет гибель всему живому на земле. Черная богиня (она появилась на свет из почерневшего от гнева лица Дурги) изображается обычно с ожерельем из черепов на шее, в двух из

четырёх своих рук она держит отрубленные головы, а в двух других — меч и жертвенный нож, из ее рта свисает язык, красный от крови жертв. По мифу, в конце калпы Кали окутывает мир тьмой, содействуя его уничтожению (отсюда ее эпитет Каларатри «ночь времени»).

«Кали широко почитают в Индии как богиню ужаса, особенно к ней привержены представители низших классов. К ее культуре можно возвести большинство демонических танцев, мрачных обрядов и непристойных церемоний, которые практикуются в Индии в низших слоях общества. Кали ублажают, принося в жертву животных и птиц. Считается, что некогда ей предлагались и человеческие жертвы» (Томас). Среди поклонников Кали — секта тхугов (душителей), обряды которых, в частности, показаны в фильме С. Спилберга «Индиана Джонс и Храм судьбы»¹.

¹ Достаточно подробное описание секты тхугов приводит в своем «этнографическом» романе «В дебрях Индии» известный французский романист Л. Жаколио: «В Европе рассказывали множество самых нелепых басен относительно мрачной касты тхугов, которая в настоящее время насчитывает очень мало приверженцев. Тхуги составляют, собственно, не касту, а религиозную секту, в которую принимают людей всех каст Индии, начиная от последнего шудры до брахмана, за исключением парий, которые принадлежат к касте неприкасаемых и считаются отбросами человечества. Мусульманское нашествие хотя и не могло совершенно уничтожить их, все же принудило поклонников Кали приносить свои кровавые жертвы втайне среди пустынных мест. Ужас, который они внушали всем, был так велик, и они так ловко умели скрывать свое местопребывание, что англичане в течение ста лет своего владычества не подозревали даже о существовании такой секты. Тхуги научились прятаться более тщательно и по-прежнему продолжают праздновать каждый год знаменитую пуджу, или великий праздник Кали, который является в настоящее время единственной церемонией культуры, отпавлявшегося в течение столетий. Тхуга

Подобно Шиве, Кали наслаждается танцем. Однажды она начала танцевать и забыла обо всем на свете. Веселье танца наполнило ее безумием, и все три мира оказались на грани разрушения. Когда бы не Шива, который лег перед ней и о которого она споткнулась, гибель вселенной была бы неизбежна.

Завершая рассказ о Шиве, вернемся немного назад — к индуистской триаде и к спору Вишну и Шивы за первенство в Тримурти. Индуистский пантеон включает в себя «производное» божество Харихара, которое является комбинацией

нельзя отличить ни по каким признакам: он может быть вашим соседом, другом, родственником, и вы не будете этого знать. В один прекрасный день он вступает в секту и затем каждый год с помощью знаков, понятных только ему, получает таинственные уведомления о том, что в такой-то час, в такую-то ночь и в таком-то месте будет совершено кровавое жертвоприношение. Место для этого всегда выбирается в каком-нибудь мрачном лесу, в развалинах древнего храма, в пещерах или же в уединенном доме, принадлежащем одному из их вождей. Это место никогда не освещается ярко, чтобы посвященные, мужчины и женщины, не могли узнать друг друга; одна только коптящая лампочка бросает зловещий свет на алтарь, где приносятся жертвы. Обычно их бывает восемь-десять и более; предпочитается четное число. Обнаженные, они привязаны к столбу и ждут своей очереди. Жрец вскрывает тело одним ударом огромного ножа, вытесанного из камня, ибо металлический нож считается непригодным, а затем погружает руки в дымящиеся внутренности, как это делали древние гаруспики и авгуры, и начинает целый ряд предсказаний. Каждый зритель может подойти и задать оракулу свой вопрос; сердце и внутренности сжигаются потом на треножнике. Когда последняя жертва будет убита, когда последний крик прозвучит под мрачными сводами, тогда лампа гаснет и начинается оргия, описать которую не решится ни одно пристойное перо. Затем участники этих отвратительных собраний уходят, крадучись, домой и не думают о них до будущего года».

Кровожадная Кали. Индийская миниатюра.

Вишну (Хари) и Шивы (Хара). Упоминания об этом боже-
 стве впервые встречаются в пуранах. Согласно пураническо-
 му мифу, Лакшми и Дурга выясняли, чей муж более велик, и
 Вишну, чтобы доказать им свое превосходство, вошел в тело
 Шивы; так возник Харихара. По другой версии мифа, Шива
 однажды попросил Вишну превратиться в прекрасную жен-
 щину и, когда это случилось, воспылил к ней страстью. Виш-
 ну немедленно принял свой обычный облик, но возбужден-
 ный Шива обнял его так крепко, что их тела слились. С тех
 пор Вишну и Шива существуют в неразрывном единстве.

Индуистский пантеон включает в себя ряд божеств, неиз-
 вестных ведам, — Кубера, Карттикея, — и даже таких perso-
 нажей, которые не признавались в ведах богами, — это преж-
 де всего относится к властителю царства мертвых Яме.

В «Ригведе» Яма — еще смертный, сын Вивасвата, его имя встречается в перечислениях богов, но сам он богом нигде не называется. Чаще всего веды именуют Яму «правителем мертвых»; по «Ригведе», он был первым, кто умер, и тем самым открыл для других людей путь смерти. Когда Яма умер, его сестра Ями¹ долго оплакивала брата и повторяла: «Только сегодня он умер» (ночи в ту пору еще не существовало); боги, желая утешить Ями и даровать ей забвение, создали ночь. Согласно «Яджурведе», Яма упорно добивался бессмертия, и в конце концов боги были вынуждены признать его «таким же, как мы»; Агни уступил Яме загробный мир, а сам стал жрецом богов.

Яма — не только правитель загробного мира, но и судья умерших, поэтому его нередко называют Царем справедливости и даже отождествляют с богом Дхармой (олицетворением закона). Власть Ямы простирается не только на мир мертвых, но и на мир живых.

Владения Ямы расположены на юге и отделены от мира живых кровавой рекой Вайтарани. В «Махабхарате» рассказывается о путешествии в преисподнюю демона Раваны, который увидел там следующую картину: «В кровавой реке Вайтарани, испуская жалобные вопли, плавали грешники, расплачивающиеся муками за совершенные при жизни злые деяния. На берегах той реки другие грешники, погруженные

¹ Ригведийский гимн рассказывает, что Яма предложил Ями кровосмесительную связь, чтобы обзавестись потомством, но Ями отказалась, ссылаясь на кровное родство. Исследователи видят в этом гимне вариант архаического близнечного мифа о прародителях человечества и сравнивают миф о Яме и Ями с иранским мифом о близнецах Йиме и Йимаке, первопредках людей. По замечанию П.А. Гринцера, «в ведийской трактовке, отражающей сравнительную зрелость этических и религиозных воззрений, инцест отвергается и осуждается».

Яма и Ями. Позолоченная бронза (XII в.).

Яма и жрец Начикетас.
Индийская миниатюра.

в раскаленный песок, претерпевали ужасные страдания. Там росли деревья с шипами и мечами вместо листьев, и те мечи и шипы кололи и резали тела грешников. Жестокие слуги Ямы мучили несчастных огнем и острыми копьями, их грызли собаки и поедали черви, и Равана увидел там сотни и тысячи обреченных на страдания, мучимых голодом и жаждой, бледных, исхудавших, покрытых грязью и кровью и громко вопящих от боли. Но там же, в обители Ямы, Равана увидел души добродетельных, наслаждающиеся в красивых чертогах сладкозвучной музыкой и пением, ласками прекрасных дев и обилием риса, молока и всяческих яств» (Эрман).

Как локапала Яма считается хранителем юга.

Бог богатства Кубера ведет свой род от великого риши Пуластыи; поначалу боги не хотели признавать его равным себе, но аскетическими подвигами Кубера убедил Брахму в том, что достоин быть причисленным к пантеону. Как говорится в пуранах, «у Брахмы был рожденный из головы сын Пуластыя, у которого также был сын, рожденный из головы, по имени Вайшравана (Кубера). Последний покинул своего отца и отправился к своему деду Брахме, который в награду за это сделал его бессмертным и назначил богом богатства со столицей на острове Ланка и колесницей Пушпака, чтобы передвигаться по воздуху».

В «Рамаяне» рассказывается, что сводный брат Куберы демон Равана изгнал Куберу с Ланки. Тогда бог поселился

в Гималаях, где божественный строитель Вишвакарман возвел ему город Алака.

Изображают Куберу человеком с огромным животом, двумя руками и тремя ногами; у него восемь зубов и один глаз — второго он лишился за то, что подглядывал за супругой Шивы Девы.

Ямантака, гневное тибетское божество (XV в.).

Кубера считается одним из локапал, хранителем севера. Его жена Риддхи — олицетворение процветания, его слуга Манибхадра — покровитель торговли.

Еще один «новичок» индуистского пантеона — Карттикея, или Сканда, бог войны и покровитель воров. По одной версии мифа, его родителями были Агни и богиня жертвоприношения Сваха. «Махабхарата» гласит, что Сваха воспылала страстью к Агни, но не встретила взаимности, ибо Агни снесдало вожделение к женам семи великих риши. Тогда Сваха приняла образ одной из этих жен — и добилась своей цели, после чего взяла семя божества, обернулась птицей Гарудой, улетела на высокую гору и бросила семя в золотой сосуд. Она еще пять раз меняла облик и всякий раз сходилась с Агни и затем бросала семя в сосуд. Некоторое время спустя из этого сосуда и родился Сканда.

По другой версии мифа, Сканда — сын Шивы и Парвати, рожденный божествами в исполнение предсказания о том, что только сыну Шивы суждено убить демона Тараки. При зачатии Сканды семя Шивы упало в огонь, но Агни не смог удержать его и бросил в небесную реку Гангу; та отнесла семя на гору Химават, где и родился Сканда и где его воспитывали шесть Криттик (Плеяды), отсюда его второе имя — Карттикея.

Свое предназначение — умерщвление Тараки — Сканда осуществил, когда ему исполнилось всего семь дней от роду.

В Южной Индии Сканду отождествляют с богом войны Муруганом и почитают под именем Субрахманья («расположенный к брахманам»).

Другой сын Шивы — слогоголовый Ганеша, «самое почитаемое божество Индии после Вишну, Шивы и их жен» (Томас). Ганеша — бог предусмотрительности и мудрости, устранитель препятствий; как писал английский исследователь Э. Мур: «Если индус строит дом, то пред этим он ублажает

Карттикея (Сканда). Песчаник (VI в.).

Карттикея верхом на павлине. Индийский рисунок.

изображение Ганеши и устанавливает его на самом месте строительства или неподалеку; если он пишет книгу, то уже в самом начале отдает должное Ганеше, поскольку тот является покровителем буквально каждого письменного знака. Отправляясь в путешествие, он молит Ганешу о покровительстве, и для удобства путников его изображение часто помещают на обочинах дорог, особенно на перекрестках. Фигуру бога благоразумия обычно можно видеть над магазином или банком. И сверх всего прочего, в индуистском пантеоне, возможно, нет божества, к которому бы столь часто прибегали и которое можно было бы столь часто видеть».

В ведах Ганеша не упоминается, в пуранах же приводится сразу несколько вариантов мифа о рождении этого божества. По первому варианту, Ганеша — сын Парвати, которая однажды взяла масло и притирания и, соединив их с выделениями тела, придала им форму человека, а затем окропила ее водой из Ганги. Шива несказанно удивился при виде Ганеши, который вдобавок преградил богу дорогу к Парвати. Разгорелась ссора, и разъяренный Шива отрубил Ганеше голову. Позже, желая утешить Парвати, он приставил к обезглавленному телу голову слона — первого живого существа, оказавшегося поблизости.

По другому варианту мифа, Ганеша — сын Шивы, который возжелал породить существо, «способное препятствовать совершению недолжных деяний». Из сияния божественного лица появился юноша, «настоящий второй Рудра», красота которого заставила Парвати проникнуться ревностью. Она прокляла сына Шивы: «Ты не будешь оскорблять мой взор своей юношеской красотой; обрети слоновью голову и огром-

Парвати с Ганешей и Шива. Индийский рисунок.
С волос Шивы стекает небесная река Ганга.

ный живот!» В «Вараха-пуране» рассказывается, что Шива утешил сына, назвал его Ганешей и сказал: «От тебя будет исходить успех и разочарование, и велико будет твое влияние среди богов, в жертвоприношениях и во всех делах. Поэтому тебе первому будут поклоняться и тебя первого будут призывать по любому поводу, а цели и молитвы того, кто уклонится от этого, не будут иметь успеха».

В большинстве своем божества индийского пантеона антропоморфны, то есть предстают в человеческом облике, пускай даже фантазмагорическом (многорукость, многоликость и т. п.), однако среди них встречаются и зооморфные боги, чей постоянный облик — это облик животного. Таковы прежде всего *ваханы* — ездвые животные старших богов: слон Айравата (вахана Индры), бык Нандин (вахана Шивы), орел Гаруда (вахана Вишну) и т. д.; затем следует упомянуть «животные» аватары Вишну и Шивы, волшебную корову Сурабхи, исполняющую любые желания своего владельца; особое место среди божественных животных занимает царь обезьян Хануман, сын бога ветра Ваю, открывший герою Бхиме учение о четырех югах. Хануману поклоняются как наставнику в науках и покровителю деревенской жизни. Он обладает чудовищной силой; согласно мифу, сразу после рождения он пытался съесть солнце, но Индра поразил обезьяну в челюсть своей ваджрой, в связи с чем Хануман и получил свое имя («имеющий разбитую челюсть»).

Предания о Ханумане составляют значительную часть эпического цикла «Рамаяны» (см. главу 5).

Как упоминалось в начале этой главы, число божеств в индийской мифологии чрезвычайно велико, и рассказать обо всех просто невозможно, тем паче что многие из них известны только по именам, то есть связанные с ними мифы за

Слоноголовый Ганеша. Камень (XI в.).

ИНДИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ

давностью лет уже не поддаются восстановлению. За пределами нашего очерка остались такие божества, как бог грозы Парджанья, бог ветра Ваю, бог изобилия Пурамдхи, богиня семьи Синивали и ряд других, не играющих существенной роли в индийском пантеоне. Кроме того, практически не упоминались (за исключением Вишведева и адитьев) «групповые божества» — маруты, гандхарвы, киннары и др. Наконец, в этой главе лишь мимоходом говорилось о противниках богов — асурах, ракшаса и прочих демонах. На наш взгляд, включение в очерк об индийских божествах таких персонажей, как союзники и противники богов, окончательно запутало бы и без того весьма пеструю и противоречивую картину индийского пантеона. Но вовсе обойти их молчанием означало бы упустить из виду принципиальный фрагмент индийской мифологической традиции. Поэтому о союзниках и противниках богов рассказывается в отдельной главе.

Глава 4

«ГРОЗНЫЕ СИЛОЙ, ОБРАЗУЯ ОТВАЖНУЮ РАТЬ»: союзники и противники богов

Многообразии сверхъестественных персоналий. — Божества «комбинированные» и групповые. — Гана. — Маруты. — Противоборство марутов с Индрой. — Полубоги. — Ангирасы и миф Вала. — «Огненная суть» бхригу и рибху. — Гандхарвы и апсары. — Свита Куберы. — Якиши. — Видьядхары. — Мудрые карлики. — Валакхильи. — Святые мудрецы. — Десять праджапати. — Ману. — Друг богов Васиштха. — Спор богов о первенстве. — Семь божественных риши. — Вишвамитра. — Кашьяпа. — Деяния Агастьи. — Вальмики и Вьяса. — Питары. — Противники богов. — Дева и асуры. — «Проблема асуров». — Дэвы и ахуры иранской традиции. — Раху и амрита. — Дайтьи и данавы. — Дасью. — Исторические и мифологические дасью. — Наги. — Великое жертвоприношение змей. — Похищение амриты Гарудой. — Ракшасы. — Равана. — Пишачи. — «Маски в круге вечного возвращения».

«Обширный континент Индии, — писал индийский философ С. Радхакришнан, — давал широкий простор чудесной способности человека создавать богов и закоренелой склон-

ности к политеизму. Боги и духи, имевшие власть наносить людям вред и ущерб, а также приносить им блаженство и славу, управляли жизнью народов». Эта «чудесная способность», наравне с «закоренелой склонностью к политеизму», породили не только индивидуализированных божеств индийского пантеона — Индру, Агни, Брахму, Вишну, Шиву и других, — но и населили мифологическое пространство Индии множеством божеств, если позволительно так выразиться, групповых. Причем последних следует отличать от божеств «комбинированных» — результата отождествления двух и более богов между собой: так, из комбинации Варуны и Митры возникло божество Митра-Варуна, из «синтеза» других богов сложились такие комбинации, как Индра-Вишну, Индра-Сома, Дьяус-Притхиви, Сома-Рудра, Индра-Агни, Индра-Ваю и т. д.; кульминацией подобного синтеза явилось синкретическое ведийское божество Вишведева («Все-Боги») — «некий сплав признаков и действий, лишь отчасти соотносимых с конкретными персонажами» (Топоров).

Групповые божества, в отличие от «комбинированных», никогда не дробились и не «расчленились»; во всех текстах, будь то веды, брахманы, упанишады, пураны или эпос, они выступают как единое, хоть и персонализированное, целое, как замкнутая совокупность, наделенная рядом общих отличительных признаков. Такую совокупность индийская традиция называет *ганой* («общиной»). Ган насчитывается девять — это маруты, васу, тушиты, абхасвары, махараджикки, анилы, садхьи, а также занимающие промежуточное положение между групповыми и комбинированными божествами адитьи и Вишведева¹. Позднейшие тексты гласят, что управ-

¹ В «Атхарваведе» и некоторых брахманах говорится о том, что 12 адитьев, 11 рудр (марутов) и 8 васу, вместе с Дьяусом (небо) и Притхиви (земля), образуют Вишведева (33 божества). В брах-

ляет всеми ганами слогоголовый бог Ганеша, имя которого означает «владыка ганы» и который повелевает ими от имени своего отца Шивы.

Веды еще не знают Ганеши и представления о девяти ганах — в них групповые божества не связаны ни друг с другом, ни с Шивой, действуют каждое по отдельности и рисуются как спутники и помощники верховных богов пантеона. Так, маруты обычно изображаются спутниками Индры или Рудры, которых они сопровождают на битву; васу сопутствуют тому же Индре или Агни, анилы составляют свиту бога ветра Ваю. Любопытно, что в «Ригведе» отдельных гимнов удостоиваются, не считая адитьев и Вишведева, только маруты, остальные же групповые божества лишь упоминаются в обращениях к другим богам.

Особое положение марутов объясняется, вероятно, тем, что они как боги бури, ветра, грома и молнии считались приближенными к громовержцу Индре, верховному божеству ведийского пантеона. В гимнах о них говорится:

Быстро шагая, как герои, как воины,
 Как ищущие славы, встали они строем в сражениях.
 Все существа боятся Марутов.
 Подобны царям эти мужи внушительной внешности.

О Маруты, у кого в доме
 Вы стоите на страже, о могучие (мужи) неба,
 Тот человек самый защищенный.

манах адитьи олицетворяют небо, васу — воздух, а рудры — землю. «Чхандогья-упанишада» связывает васу с Агни, рудр — с Индрой, адитьев — с Варуной, марутов — с Сомой, а садхьев — с Брахманом.

Впрочем, иногда маруты выступают и как противники Индры. На основании гимнов «Ригведы» и брахман реконструируется сюжет о конфликте марутов с верховным божеством из-за жертвы, которую мудрец Агастья посвятил марутам, а Индра присвоил себе. Как следует из гимнов, этот поступок Индры был его мстью марутам, которые покинули громовержца во время схватки со змеем:

Где же была та ваша природа, о Маруты,
Когда вы оставили меня одного в борьбе со змеем?
Ведь это я, грозный, сильный, могучий,
Сгибал (смертельное оружие) любого врага (своим)
смертельным оружием.

Конфликт грозил перерасти в сражение, которое предотвратило лишь вмешательство Агастья, сумевшего примирить противников:

[*Маруты:*]
Зачем ты, Индра, хочешь нас погубить?
Маруты — твои братья.
Обращайся с ними хорошо!
Не убивай нас в столкновении!

[*Агастья:*]
Пусть они украсят алтарь!
Пусть они зажгут перед (ним) огонь!
Тут мы оба хотим приготовить
Замечательную жертву тебе, бессмертному!

[*Агастья:*]
О господин благ, ты распоряжаешься благами!
О господин дружеских договоров,
ты лучше всех заключаешь дружеские договоры!

О Индра, сговорись ты с Марутами
И вкушай жертвенные блюда в урочное время!

К помощникам верховных богов индийского пантеона принадлежат не только групповые божества, но и полубоги. Причем индийская традиция знает две категории полубогов: к первой относятся полубоги в «привычном» значении этого слова (потомки союза божества и смертной женщины) — таковы многие герои индийского эпоса; ко второй же категории относятся существа «непонятного происхождения» (П. Томас), о которых говорится, что они подчинены богам. К этим существам относятся, например, небесные певцы *ангирасы*, музыканты *гандхарвы*, танцовщицы *апсары* и многие другие. Чаще всего эти полубоги занимают промежуточное положение между богами и людьми (они и обитают в промежуточном пространстве между небом и землей) и редко принимают участие в делах божеств. Исключение здесь составляют ангирасы — участники основного ведического мифа о победе Индры над демоном и освобождении вод и домашнего скота.

Согласно «Ригведе», именно ангирасы своим пением нашли коров, похищенных демонами Пани и спрятанных в пещере (по другой версии мифа, коров отыскала посланная Индрой на поиски чудесная собака Сарамы). Когда скала была разрушена — ваджрой Индры или песней ангирасов — и коровы очутились на свободе, ангирасы запели победную песнь:

Победоносные примкнули к борющемуся,
Они отыскали во мраке великое светило.
Узнавая его, утренние зори вышли (ему) навстречу.
Индра стал единственным господином коров.

Мудрые пробились к находящимся в твердыне (коровам).
Семеро вдохновенных, с мыслью, устремленной вперед,
погоняли (коров).
Они находили любой путь закона...

«Ригведа» называет Индру, в числе прочих эпитетов, «главнейшим из ангирасов».

Другой миф, связанный с ангирасами, — это миф о нахождении Агни, спрятавшегося от богов, которые желали видеть его своим жрецом:

Тебя, о Агни, нашли Ангирасы,
Спрятанного, заключенного в каждом дереве.
Добываемый трением, ты рождаешься как великая сила.

Любопытно, что в этом гимне сам Агни назван «ангирасом»; можно предположить, что присутствие Индры и Агни среди ангирасов означает сопричастность последних огню (небесному, подземному и жертвенному).

С огнем связаны и *бхригу* — хранители небесного огня, передавшие его людям. По замечанию П.А. Гринцера, «бхригу рассматриваются также как жреческий род, установивший жертвоприношение на огне; основателем этого рода считается мудрец Бхригу, родившийся из семени Праджапати и воспитанный Варуной». Упоминание Варуны подчеркивает связь огня с вселенским законом рита, следовательно, передачу бхригу огня людям можно рассматривать и как установление среди людей вселенского закона. «Ригведа» гласит:

Поместили тебя Бхригу среди людей,
Драгоценного, как богатство, легко призываемого для людей,
Как хотара, о Агни, как гостя избранного,
Как Митру, благосклонного к небесному роду.

Также с огнем связаны *рибху* — полубоги, подобные Индре. По виду схожие с солнцем, они достигли божественности благодаря тому, что совершали добрые дела; через аскезу космический жар — тапас — проник в их жилы, и они оказались на небе. К *рибху* обращались с призывами даровать богатство и плодородие.

Иное положение среди богов занимают *гандхарвы*, которых «Атхарваведа» именует вредоносными духами: в эпосе и пуранах гандхарвы выступают как божественные певцы и музыканты, услаждающие слух богов на небесных пиршествах. В «Вишну-пуране» говорится, что гандхарвы родились из тела Брахмы: «Они (называются) гандхарвами, о дваждырожденный, оттого, что родились, впитывая (песни) от (богини речи) Вач. Эти существа Бхагаван Брахма сотворил, побуждаемый их творческими силами». Известен миф о том, как гандхарвы похитили у богов сому, но поддались уговорам богини Вач и вернули чудодейственный напиток.

Супруги гандхарвов — небесные танцовщицы *апсары*, которых исследователи нередко сопоставляют с греческими нимфами. Согласно «Рамаяне», апсары появились из вод молочного океана, когда боги и асуры добывали амриту. «Спустя тысячу лет появился Дханвантари, поведавший “Яджурведу”, с жезлом и сосудом в руках; затем из глубины вод возникла совершенной красоты женщина, затмившая апсар. О лучший из людей, она была источником всех апсар; там были шестьсот миллионов прекрасных нимф, и желаниям их не было числа, о Какутстха. Но они не достались никому — ни богам, ни демонам». Боги нередко пользовались красотой апсар, чтобы соблазнять асуров и мудрецов-риши, предававшихся аскезе. Считается, что в Сварге — на небесах Индры — апсары танцуют для воинов, павших на поле брани.

Апсары. Рельеф храма Ангкор-Ват (XII в.).

Свиту бога богатства Куберы составляют сразу три ганы — *гухьяки*, *киннары* и *якши*. Гухьяки живут в горах, охраняя скрытые там сокровища. В «Махабхарате» о них говорится: «Знай, что гухьяки вместе с Ашвинами, все травы и мелкий скот — это гана богов, о царь, воспетая тебе по порядку. Воспев ее, человек освобождается от грехов». Киннары — люди с конскими головами, либо птицы с головами людей. Согласно преданию, они появились на свет из стопы Брахмы и, подобно гандхарвам, являются небесными певцами и музыкантами. Иногда киннаров отождествляют с кимпурушами — чудесными существами наполовину человеческого и наполовину звериного облика, о которых Абу Рейхан Бируни в своем труде «Индия» писал: «В Мадхьядеше, как утверждают, есть два рода обитателей. Одни называются кимпурушами. Их мужчины известны как золотистые по цвету, а их женщины как *сурену*. Живут они долгую жизнь, не зная болезней

в течение своего бытия. Они не совершают грехов и не завидуют друг другу. Пища их состоит из сока, который они выжимают из плодов пальм, называемых мадьа». Что касается якшей, они описываются то как прекрасные, крепкие телом юноши, то как карлики с отвислыми животами и короткими руками и ногами. Эти существа охраняют сокровища и заповедные сады Куберы. «Вишну-пурана» говорит, что якши родились от Брахмы: «И тогда Бхагаван (Брахма) выпустил вперед в темноту терзаемых голодом (существ), и эти порожденные (существа), безобразные, с бородами, подбежали к владыке. Те (из них), кто говорил: «О, не надо, пощадите (*ракшатам*) его!», — (стали называться) ракшасами, а другие, кто говорил: «Сожрите (*якшатам*) его!», — якшами от (слова) «пожирание» (*якшана*)».

Наконец следует упомянуть и еще об одном разряде полубогов — а именно о *видьядхарах*. Это спутники Индры или Куберы, оборотни, способные по желанию менять облик. Они часто вступают в браки со смертными. Абу Рейхан Бируни, пересказывая древнюю легенду о горе, которая решила преградить дорогу солнцу, говорит: «Гора... поднялась так высоко, что приблизилась к раю и местопребыванию духовных созданий видьядхаров. Эти последние поспешили к горе, потому что там было приятно, а в ее садах и лугах усладительно; они поселились на ней и пребывали в радости; их жены прогуливались по ней, а их дети играли там друг с другом; и когда ветер дул на белые одежды их дочерей, они трепетали, как развевающиеся знамена». Правда, в другой главе своего труда «Индия» Бируни называет видьядхаров злыми духами-колдунами, колдовство которых «не действует непрерывно».

К полубогам индийская традиция причисляет и мудрых карликов, превосходящих своими познаниями не только

Якшини. Песчаник (II в.).

людей, но и богов. Таковы, к примеру, *валакхильи* — существа, которые появились из трещины в сухой земле, куда упал волос великого риши Крату; они ростом с большой палец руки взрослого человека и способны летать быстрее птиц. Считается, что они живут на солнце, питаются солнечным светом и сторожат колесницу светила. Валакхильев нельзя оскорблять, ибо оскорбление не проходит даром даже для богов; когда Индра оскорбил карликов, они предались аскезе, в результате которой родился враг Индры, царь птиц Гаруда. В «Адипарве» (первая книга «Махабхараты») рассказывается, как Индра, который нес дрова для жертвенного костра, посмеялся над валакхильями, несшими все вместе стебелек травы. Индра посмеялся над ними и прошел мимо, а разгневанные валакхильи совершили возлияние огню, произнося такие мантры: «Способный изменять свою силу по желанию и двигаться всюду согласно желанию, да родится Индра всех богов, наводящий ужас на царя богов. Превосходящий Индру во сто раз по доблести и силе, быстрый, как мысль, и страшный на вид, пусть он родится сегодня...» Лишь вмешательство мудреца Кашьяпы, «господина существ», уберегло мир от рождения второго Индры, — зато на свет появился Гаруда, «Индра среди пернатых, наделенный чрезвычайной силой и могуществом».

Известны и чудесные карлики-мудрецы *пришни*, которые, согласно «Махабхарате» («Дронапарва»), явились к герою Дроне во время сражения, чтобы вернуть его на путь праведности — и объявить о неминуемой смерти: «И все они, обратившись к Дроне, блистающему в сражении, сказали: “Ты сражаешься несправедливо — и час твоей смерти пришел. Оставив оружие в сражении, о Дрона, сойдишь вместе с нами, стоящими здесь! Впредь благоволит ты не совершать снова таких чрезвычайно жестоких подвигов!.. Держись теперь веч-

ного пути! Время, чтобы жить тебе в мире людском, теперь полностью истекло!»».

Необыкновенной, зачастую превосходящей божественную мудростью наделены в индийской традиции и мифические герои, жрецы и аскеты, которым приписывается, в том числе, и участие в сотворении мира. Так, согласно «Законам Ману», Брахма разделил свое тело и стал посредством одной половины мужчиной, а другой половины — женщиной. От второй половины Брахма произвел Вираджд, а от Вираджд родился первый Ману — Сваямбхува («сын Сваямбху», то есть Брахмы). «Но знайте, достойнейшие из дваждырожденных, что я, которого создал сам мужчина Вираджд, исполнив покаяние, творец всего этого [мира]. И я, желая произвести существа, совершив весьма трудный для исполнения аскетический подвиг, создал сначала владык существ (праджapati) — десять великих риши: Маричи, Атри, Ангираса, Пуластью, Пулаху, Крату, Прачетаса (Дакшу), Васиштху, Бхригу и Наряду. Они создали семь других Ману, преисполненных блеска, богов, местопребывания богов и великих риши, обладающих неизмеримым могуществом, якшей, ракшасов, пищачей, гандхарвов, апсар, асуров, нагов, змей, супарн и разные сонмы предков, молнии, громы и тучи, полные и неполные радуги, метеоры, небесные шумы, кометы и различные небесные светила, киннаров, обезьян, рыб, различных птиц, домашний скот и диких животных, людей и плотоядных животных с двумя рядами зубов, червей и насекомых, молей, вшей, мух, клопов, всех жалящих и кусающих и недвижущихся разного рода. Таким образом, все это — недвижущееся и движущееся — было произведено этими, обладающими великой душой, посредством аскетизма и по моему повелению, согласно карме».

«Ригведа» знает единственного Ману, сына бога солнца Вивасвата и брата царя мертвых Ямы. По ведическому мифу, Яма — первый умерший и царь предков (*питаров*), Ману же — первый человек, живший на земле, и царь людей. Ту же генеалогию Ману находим и в эпосе — например, в «Рамаяне», где Ману называется сыном Вивасвата и правнуком Брахмы. Однако в пуранах Ману приписывается происхождение напрямую от Брахмы; «Вишну-пурана» гласит: «Потом (Брахма) для защиты людей сотворил, о дваждырожденный, владыку Ману (по имени) Сваямбхува, — он был идентичен с исходной сущностью Брахмы». Именно этому Ману традиция приписывает авторство текста, известного сегодня как «Законы Ману». Кроме него, пураны насчитывают еще 13 Ману, от каждого из которых ведет свой род человечество в соответствующую *манвантару*. Прародитель нынешнего поколения людей Ману Вайвасвата считается сыном Вивасвата и седьмым по счету из четырнадцати Ману.

Обращает на себя внимание несомненная божественность Ману. Первый Ману — сын верховного божества (или творческого женского начала Вираджд), другие — сыновья солярного божества Вивасвата и богини зари Саранью (ипостась Ушас), братья Ашвинов и Ямы. Деяния Ману также вполне божественны — в других мифологических системах создание людей считается одним из важнейших действий богов (вспомним хотя бы наиболее известный миф творения — библейский). Тем не менее Ману нигде не называется богом, он только сравнивается с божеством. Это мнимое противоречие между означающим и означаемым — характерная особенность индийского мировоззрения, индийской мифопоэтической традиции, проявляющаяся, в том числе, и в «божественной синонимии», о которой говорилось выше. Не столь важно, бог Ману или не

бог; он — носитель и выразитель некоей универсальной магической силы, обеспечивающей неисчерпаемое многообразие бытия. Как писала М.Ф. Альбедиль, «в Древней Индии не возник и не мог возникнуть миф о грехопадении — основной организующий миф Запада, а отсюда и не было мучительного разделения духовного и телесного. Точно так же нет и не было и подавляющей антиномии западного мышления: имманентное (природа) — трансцендентное (бог); она снимается в интегрирующих эту оппозицию понятиях, например, Атмана и Брахмана. Вот почему применительно к Индии полезнее говорить о всеохватывающей идее некоего интегрального социоприродного жизненного состояния, которая воспринимается всеми априорно... Формирующей основой этой идеи, насколько можно судить по разным сохранившимся историческим источникам, было представление о таинственной сверхъестественной силе, некоей всепроникающей магической потенции, которая все наполняет собой и движет все и вся. Присутствуя во всех явлениях мира, эта сила, по-видимому, воспринимается иначе, чем сила природы; она безлична и универсальна».

Носителями этой безличной творческой силы были и пратцы человечества, созданные Ману Сваямбхувой, — праджапати, то есть «владыки творения» (по другой версии мифа, праджапати — сыновья Брахмы). Их десять, и, судя по текстам, главная их заслуга — необыкновенная плодовитость, благодаря которой в этом мире появились боги и люди.

Первый праджапати носил имя Маричи («луч света»), он — отец риши Кашьяпы и вождь марутов. Согласно «Рама-яне», этот праджапати считался прародителем Солнечной династии царей: «Из Брахмана, Непроявленного, Вечного и Нетленного, появился Брахма. Он породил Маричи, а Маричи — Кашьяпу; Кашьяпа родил Вивасвата, а тот — Ману;

Ману стал отцом Икшваку, который был первым царем Ай-одхьи».

От второго праджапати, Атри, ведет свое начало Лунная династия царей, получившая имя в честь бога луны Сомы — сына Атри, как утверждается в эпосе, и первого царя этой династии. К ней, кстати сказать, принадлежат герои «Махабхараты» — пандавы и кауравы.

Третьему праджапати, Ангирасу, приписывалось традицией составление многих гимнов «Ригведы». Иногда его потомками называют полубогов ангирасов, своим пением раздробивших скалу, в которой демоны прятали похищенный скот (миф Вала).

Четвертый праджапати, Пуластья, — дед бога богатства Куберы и ракшасы Раваны; по преданию, через него люди узнали содержание многих пуран.

Пятый праджапати носил имя Прачетас — или Дакша. С ним связан, в первую очередь, миф о жертвоприношении и гневе божества (Рудры, позднее Шивы). Кроме того, Дакша является прародителем большинства демонов и некоторых богов: его старшая дочь Дити стала матерью дайтьев, вторая дочь Дану — матерью данавов, третья дочь Адити — матерью адитьев (к которым иногда причисляют и самого Дакшу). Всего у него было 50 дочерей, из которых 13 стали женами риши Кашьяпы, 27 — женами бога Сомы, а 10 — женами бога справедливости Дхармы.

Шестой праджапати — Васиштха, «друг богов». Согласно мифу, он был сыном Брахмы, но вследствие проклятия лишился своего тела — и родился вновь из семени Митры-Варуны, оплодотворившего апсару Урваши. «Ригведа» гласит:

И ты, о Васиштха, приходишь от Митры-Варуны,
(И) рожден из мысли Урваши, о брахман.

Каплю, пролитую под божественное священное слово, —
Тебя все боги удержали в лотосе.

Это провидец, знающий о двойном (рождении),
Имеющий тысячу даров, всегда имеющий дары,
Васиштха был рожден от апсарас,
Чтобы ткать по раме, натянутой Ямой.

Этот гимн принадлежит мандале VII «Ригведы», авторство которой традиция приписывает роду Васиштхов и прославляет основоположника этого рода. Еще, как замечает П. Томас, «Агни посвятил Васиштху в содержание “Агни-пураны”, а Васиштха пересказал ее риши Вьясе, который считается автором этой пураны в ее современной форме».

Седьмой праджапати — Бхригу, родоначальник одноименного жреческого рода. Согласно пуранам, Бхригу проклял бога Вишну, который обезглавил жену мудреца, предоставившую укрытие асурам; по этому проклятию Вишну был обречен семь раз родиться среди смертных (в аватарах Варахи, Нарасинхи, Ваманы, Парашурамы, Рамы, Кришны и Калки). Другой миф рассказывает о том, как Бхригу установил первенство в триаде индийских богов (Брахма—Вишну—Шива): сначала он посетил Шиву, но тот уединился со своей супругой и отказался допустить к себе мудреца, за что Бхригу лишил его положенных жертв и заставил принять облик лингама; затем Бхригу пришел к Брахме, но тот также встретил его неласково, за что был лишен мудрецом почитания брахманов; Вишну он застал спящим и наступил ему ногой на грудь, чтобы разбудить, однако бог несколько не разгневался и даже стал растирать руками ногу мудреца. Тогда Бхригу провозгласил Вишну единственным божеством, достойным почитания среди богов и среди людей.

Еще один пуранический миф повествует о том, как Бхригу медитировал, стремясь постичь, что есть Брахма. Сначала он осознал, что Брахма есть пища, ибо все происходит из пищи: «Когда существа рождаются, они живут пищей, и к пище они стремятся, и в пищу превращаются». Затем он осознал, что Брахма есть дыхание, ибо все происходит от дыхания: «Когда существа рождаются, то живут дыханием, и к дыханию они стремятся, и в дыхание превращаются». Затем Бхригу открыл, что Брахма есть мысль, ибо все происходит из мысли. Но он не удовлетворился этим открытием, продолжил медитировать и наконец осознал, что Брахма есть блаженство: «Все существа порождаются блаженством; и когда рождаются, то живут блаженством, и стремятся к блаженству, и растворяются в блаженстве».

Восьмой праджапати — Нарада, автор нескольких гимнов «Ригведы», посредник между богами и людьми, глава гандхарвов и изобретатель струнного инструмента *вина*. «Он из тех святых мудрецов, что любят странствовать, и причастен ко всему, что случается во всех трех мирах. Нет секрета, который не был бы ему известен» (Томас). Нараду считают одной из аватар Вишну: в этом воплощении бог предрек матери Кришны грядущее рождение сына.

С двумя оставшимися праджапатами, Крату и Пулахой, сколько-нибудь сохранившихся мифов не связано, зато в немалом числе сюжетов фигурируют потомки и духовные преемники праджапатами — великие риши.

В известной мере эти две группы пересекаются между собой; так, семь божественных риши, которых перечисляет «Махабхарата», полностью соответствуют семерым из десяти праджапатами: это Маричи, Атри, Васиштха, Ангирас, Пулаха, Крату и Пуластья. «Вишну-пурана» добавляет к этому перечню Бхригу и Дакшу. В «Брихадараньяка-упанишаде» и

«Шатапахта-брахмане» ряд имен значительно отличается; Васиштха и Атри сохраняют присутствие, но остальные имена — новые: Готама (Гаутама), Бхарадваджа, Вишвамित्रа, Джамадагни, Кашьяпа. В «Брихадараньяке» семеро риши сравниваются с различными частями человеческого тела: «Эти два уха — Готама и Бхарадваджа. Эти два глаза — Вишвамित्रа и Джамадагни. Эти две ноздри — Васиштха и Кашьяпа. Язык — это Атри, ибо языком поедается пища. Поистине, “ест” означает то же, что и имя Атри. Тот, кто знает это, становится поедателем всего, и все служит ему пищей». Как замечает в комментариях к этой упанишаде А.Я. Сыркин, «в другом месте содержится следующее отождествление: Васиштха — дыхание, Бхарадваджа — разум, Джамадагни — глаз, Вишвамित्रа — ухо, Вишвакарман (Атри) — речь».

Готама, или Гаутама, прославился тем, что проклял Индру, соблазнившего его супругу Ахалью. Миф гласит, что Индра воспылал страстью к Ахалье и явился к ней, приняв облик Готамы. Когда обман раскрылся, Готама проклял бога, и тот лишился своих тестикул, а прелюбодейка Ахалья на тысячу лет обратилась в камень. Как рассказывается в «Рамаяне», проклятая Готамой «Ахалья была подобна божественному и иллюзорному образу, созданному Брахмой, завесе дыма, яркой луне, сокрытой облаком, или отражению солнечного света в воде. В таком сокрытом облике она оставалась, пока не пришел Рама. И тогда она освободилась от проклятия и стала видимой для всех». Что же касается Индры, боги вернули ему мужскую силу, приставив громовержцу тестикулы барана. В «Рамаяне» говорится: «Боги во главе с Агни пришли к питриям (питарам) и сказали: “Индра лишился своей мужской силы, но у вас есть баран, полный ее. Возьмите яички барана и отдайте их Индре. Лишившись яичек, баран станет для вас источником счастья. С этого дня, когда люди за-

хотят умиловить вас, предложив в жертву кастрированного барана, они обретут из ваших рук дар неиссякающего плодородия”.

Покорные воле Агни, небесные питрии собрались и, лишив барана гениталий, отдали их Индре, тысячглазому богу. С того дня питрии принимают в жертву только кастрированного барана, поскольку гениталии его принадлежат Индре. Таково было могущество аскез Гаутамы».

Бхарадваджа — верный друг и советчик героя Рамы. После того как Рама отвоевал у ракшасов Ланку, Бхарадваджа сделал так, что повсюду в окрестностях его обители зацвели деревья и кустарники. Один из героев «Махабхараты», лучник Дрона, считался сыном Бхарадваджи: Дрона родился из семени риши, которое выпало у Бхарадваджи при виде апсары Гхритачи; риши поймал это семя и взрастил его в ковше, отсюда и имя Дроны («ковш»).

Вишвамित्रа, как гласит миф, родился кшатрием, однако своими аскетическими подвигами добился положения брахмана и благодаря этому стал одним из семи риши. В «Махабхарате» рассказывается, как кшатрий Вишвамित्रа хотел выменять у брахмана Васиштхи чудесную корову Сурабхи на свое царство. Получив отказ, Вишвамित्रа напал на владения Васиштхи, но чудесная корова родила могучих воинов, которые разгромили захватчиков. Пораженный могуществом брахманов, Вишвамित्रа оставил престол и предался суровой аскезе, чтобы достичь положения брахмана. Индра искушал Вишвамитру и подослал к нему апсару Менаку, чтобы та плотскими утехами отвлекла Вишвамитру от подвижничества. От союза Вишвамитры и Менаки родилась дочь Шакунтала, будущая мать Бхараты — царя Лунной династии, основоположника царского рода, к которому принадлежали пандавы и кауравы. Но затем Вишвамित्रа преодолел искушение и про-

гнал Менаку. «Рамаяна» говорит о нем: «Вишвамित्रа — воплощение праведности, первый среди героев и лучший из мудрецов; на земле он является высшим прибежищем аскетизма. В мире людей, среди движущихся и неподвижных живых существ, ему нет равных во владении оружием, никто не может превзойти его — ни боги, ни риши, ни мудрецы, ни ракшасы, ни царь гандхарвов, ни якши, ни киннары, ни великие змеи».

По замечанию П. Томаса, Вишвамित्रа была поведена мантра «Гаятри», повторение которой приносит великие достижения. Эту мантру брахман должен мысленно повторять во время утренней и вечерней молитвы. Свое название мантра получила от имени супруги Брахмы (Гаятри как ипостась Савитри), «матери четырех вед».

Джамадагни считается земным отцом Парашурамы (воплощения Вишну). Его убили сыновья царя Картавирии, из-за чего Парашурама поклялся искоренить род кшатриев, к которому они принадлежали.

Риши Кашьяпа — одна из наиболее значимых фигур в индийской мифопоэтической традиции. В «Шатапатха-брахмане» сообщается, что он участвовал в миротворении: бог-творец Праджапати создал существо, воплотившись в черепаху, а Кашьяпа и есть черепаха (так переводится это имя); «поэтому говорят, что все живые существа — потомки Кашьяпы». В эпосе и пуранах Кашьяпа — сын Брахмы или праджапати Маричи, муж 13 дочерей праджапати Дакши. Потомки Кашьяпы от этих жен — дайтьи от Дити, данавы от Дану, от Адити адитьи, рудры и васу, от других жен гандхарвы, апсары и прочие живые существа. Внук Кашьяпы Ману стал прародителем людей. «Будучи отцом богов и асуров, людей и демонов, змей и птиц, — замечает П.А. Гринцер, — Кашьяпа как бы символизирует изначальное единство, предшествующее дуализму творения».

Среди других риши, не причислявшихся к семи великим, но оттого не менее влиятельных, следует упомянуть троих — Агастью, Вальмики и Вьясу.

Подобно своему сводному брату Васиштхе, Агастья — сын Митры-Варуны и апсары Урваши; он родился из кувшина, в который при виде Урваши излилось семя обоих богов. Как рассказывается в «Махабхарате», силой своего подвижничества Агастья «из лучших частей всех живых существ» сотворил себе жену Лопамудру. Жена убедила его отказаться от аскезы и произвести потомство:

[*Лопамудра:*]

Даже служители истины, которые были прежде
(И) вместе с богами высказывали истины,
Даже они прекратили, так как не достигли конца.
Разве жены никогда не должны сходиться с мужьями?

[*Агастья:*]

На меня нашло желание быка вздымающегося,
Возникшее отсюда, оттуда, неизвестно откуда.
Лопамудра заставляет струиться быка.
Неразумная сосет разумного, пыхтящего.

[*Ученик Агастья:*]

Агастья, копавший заступами (коренья),
Возжелавший продолжения рода, потомства, силы,
Привел к процветанию обе варны (этот) грозный риши,
Когда исполнились (его) желания, он отправился к богам.

Среди мифологических сюжетов, связанных с Агастией, — примирение Индры и разгневавшихся на божество марутов, преследование асуров, низвержение царя Нахуши, захватившего власть над тремя мирами; миф гласит, что он выпил океан, на

дне которого укрывались асуры, и помог богам одержать победу над противниками. Другой миф повествует о том, что гора Виндхья вознамерилась преградить путь луне и солнцу и выросла до самых небес. Тогда, как рассказывает «Махабхарата»:

Услыхав эти речи богов просящих,
к той горе направился мощный брахман,
Перед Виндхьей предстал со своей супругой
и почтительно так к горе обратился:

«Путь я должен найти! Внемли моей просьбе,
превосходнейшая из гор великих!
Не расти, пропусти меня, дай дорогу —
в южный край направляюсь по важному делу.

И покамест к тебе не вернусь я оттуда,
ты меня подожди, не расти все выше,
А как только, о Индра гор, возвращусь я,
возрастай и дальше, сколько захочешь!»

Так с вершиной Виндхьей договорившись,
чтоб она не росла, о врагов губитель,
С той поры и доныне из южного края
сын великого Варуны не вернулся.

По замечанию П.А. Гринцера, «переселение Агастьи на юг Индии, возможно, знаменует собой проникновение туда арийской цивилизации и брахманизма».

Вальмики — первый поэт¹, легендарный автор «Рамаяны», изобретатель эпического стихотворного размера (*шлоки*). Как

¹ В индийской традиции «Рамаяна» считается первым «настоящим» литературным произведением (*адикавья*), а ее автор — первым «настоящим» поэтом (*адикави*).

рассказывается в «Рамаяне», однажды на глазах Вальмики охотник убил птицу, и мудрец, опечаленный ее гибелью, произнес соответствующую случаю фразу, а потом воскликнул: «Сокрушаясь о смерти птицы, я произнес этот четырехстопный стих из одинаковых слогов, который можно петь под вину! Пусть же он будет известен как шлока, родившаяся из моего горя. Пусть она принесет мне славу и я не услышу дурного слова о ней!» Немного позже Вальмики явился сам Брахма, в присутствии которого риши прочитал недавно сложенный стих. И бог изрек: «О великий мудрец, из произнесенной тобой ритмической фразы родится поэма! Она не является плодом твоих размышлений — благодаря моей воле ты выразился столь красноречиво, о брахман. Ты должен поведать всю историю Рамы, олицетворения добродетели, исполненного высочайших достоинств, такой, как вкратце услышал ее от Шри Нарады. Ты опишешь все известные и неизвестные деяния Рамы, Ситы и ракшасов. По моему благословию тебе откроется все, еще неведомое тебе; ни одного слова лжи не сойдет с твоих уст. В стихах ты опишешь священные и вызывающие восхищение деяния Рамы. О мудрец, история Рамы будет жить на земле, пока стоят горы и текут реки. И пока люди будут помнить историю Рамы, ты не покинешь небес».

По легенде, в юности Вальмики был разбойником, но искупил свои злодеяния суровой аскезой — много лет просто-ял неподвижно на одном месте, пока не оказался облепленным с головы до ног муравьями; отсюда и его имя, означающее «муравейный».

К литературе имеет отношение и Вьяса, имя которого означает «разделитель». Это имя он получил за то, что «разделил» (составил¹) веды и пураны; его также считали автором

¹ Считалось, что изначально веды были единым целым и только с упадком нравственности и учености среди людей их разделили на четыре части, чтобы проще было запоминать.

«Махабхараты». В пуранах говорится, что Вьяса, подобно Ману, не один, что их несколько (упоминается свыше двух десятков); эти Вьясы были воплощениями Брахмы или Вишну и появлялись среди людей той или иной эпохи, чтобы возвещать веды. Эпическая традиция называет Вьясу дедом пандавов и кауравов.

Особую группу благодетельных существ составляют и *питары* (предки, «Отцы») — обожествленные умершие; иногда питаров отождествляют с десятью праджапати. Во главе питаров стоит царь мертвых Яма — первый человек, прошедший путем смерти. Питаров просят о даровании благополучия и об указании пути в загробном мире. В «Атхарваведе» говорится:

Это прежний отдаленный выход,
Через который уходили твои прежние отцы.
Те, кто следует по нему, идя впереди,
Приведут тебя в мир благих деяний.

Придите, о отцы, достойные сомы,
Тайными путями, исхоженными отцами,
Давая нам срок жизни и потомство!
Обратитесь к нам с избытком богатства!

Мир питаров (*питрилока*) противопоставляется миру богов (*сваргалока*). Абу Рейхан Бируни замечал, что «питары видят одну половину лунного месяца, а люди видят другую половину»¹.

¹ По замечанию Т.Я. Елизаренковой, «отношение к питарам было двойственным. С одной стороны, их почитали и просили у них поддержки, а с другой, в похоронных обрядах отгораживались от них, стараясь себя обезопасить. Все, что связано с питарами,

Выдающийся отечественный фольклорист А.Н. Афанасьев писал: «Ведическая религия признает небо и воздушный мир за две отдельные области. В беспредельных пространствах неба пребывает свет, как вечная творческая сила; между этой страной света и землей простирается царство воздуха, в котором плавают облака и тучи, носящие живую воду дождей и преграждающие путь лучам солнца. Души отцов населяют и ту и другую области, и отсюда позднее... развилось верование о двойственной судьбе усопших: о душах блаженных, наследующих царство небесное, и отверженных, осужденных блуждать по воздуху и вращаться в пекле грозовых туч. Высоко, по ту сторону облачных вод, лежит блестящее небо. Там-то, на отдаленной границе вселенной, живут отшедшие из земной юдоли предки под властью Варуны, наслаждаясь вечным блаженством и блистая очам смертных яркими звездами. Но чтобы достигнуть этих райских селений, они должны шествовать через воздушный океан, странствовать посреди дождевых потоков и грозового пламени и принимать участие в их животворной или разрушительной деятельности».

Прежде чем стать питаром, усопший оказывается в состоянии *преты* — неупокоенного бесплотного духа; если не совершить соответствующий обряд, он еще некоторое время останется в этом состоянии, а затем превратится в *бхуту* — демоническое существо, обитающее на кладбищах и питающееся человеческим мясом. Чтобы избежать этого, покойного в течение десяти дней после похорон «кормят» клецками,

несколько неопределенно и расплывчато, само понятие питаров нередко сливается с понятием древних риши, основателей родов, которым принадлежали фамильные мандалы “Ригведы”, тех самых риши, чье поэтическое творчество служило образцом для подражания поэтам последующих поколений».

и у него постепенно возникает новое, «тонкое» тело, благодаря которому он — через особый ритуал — приобщается к сонму питаров.

В пуранах говорится, что питары, подобно богам, асурам и людям, были созданы Брахмой. Так, в «Вишну-пуране» сказано: «(Брахма), желая сотворить четыре вида (существ) — богов, асуров, питаров и людей, сосредоточил свой разум на самом себе. У сосредоточившего разум Праджапати возобладавала *матра* Косности, и оттого у желающего творить (бога) первыми родились из его бедра асуры. Затем он покинул это тело, сущность которого составляла матра Косности, и оставленный им образ превратился в ночь, о Майтрея. Желая творить, (Брахма) обрел иное тело и возрадовался, — так как из его рта появились боги, в которых преобладает Благодать, о дваждырожденный. Это оставленное им тело превратилось в день, в котором проявляется Благодать, оттого асуры сильны ночью, а боги — днем. Затем он обрел другое тело, сущность которого составляла матра Благодати, и от (Брахмы), мыслящего себя питаром, родились питары. Сотворив питаров, Владыка покинул это (тело), и оставленное им (тело) стало (вечерними) сумерками, промежутком между днем и ночью. Затем (бог) принял иное тело, сущность которого составляет матра Страстности, — так, о лучший из дваждырожденных, были созданы люди и прочие, кто в избытке наделен матрой Страстности. Праджапати быстро оставил это тело и стал рассветом, который называется (утренними) сумерками на востоке. Оттого, о Майтрея, с наступлением рассвета становятся сильными люди, а в период сумерек — питары».

Когда у главных богов пантеона такое количество соратников и помощников, вполне естественно ожидать, что и число противников божеств окажется не меньшим. Так на деле и

есть; достаточно лишь перечислить основные группы этих противников — асуры, дайтьи, данавы, дасью, ракшасы, наги, пишачи и многие, многие другие. Все эти существа противоборствуют с богами (и с людьми, которым покровительствуют

божества); тем не менее они отнюдь не олицетворяют собой абсолютное зло, как, например, сатана в христианской мифологической модели. Индийская этика не знает абсолютного добра и абсолютного зла. Добро и зло познаются только в сравнении: без зла не бывает добра, а добро невозможно без зла. Даже боги индийского пантеона несовершенны: Брахма прибегал к обману, за что лишился своей пятой головы; Вишну часто совершал вероломство, чтобы победить своих противников; Шива убил брахмана, то есть принял на себя тягчайший из возможных грехов.

«Ни одно существо, будь то бог или человек, не может быть абсолютно добродетельным. Высшее же Существо вообще не

Богиня Ганга и наги. Индийский барельеф (I тыс. до н. э.).

есть существо, это Нечто, не имеющее атрибутов, и невозможно утверждать, что оно есть добро, ибо оно стоит выше добра и зла. Представление о существовании добра и зла возникает из-за врожденной неспособности человеческой мысли постичь действительность во всей ее полноте и целостности; восприятие смертного относительно, вследствие чего и возникает иллюзия этических противопоставлений. В сфере человеческих поступков и отношений индусы признают необходимость различения добра и зла, и важность этих нравственных понятий подчеркивается в священных текстах. Однако они полагают, что истинная реальность едина и в ней нет деления на добро и зло» (Томас).

Грань между двумя этими понятиями, как явствует из мифов, предельно тонка. Мудрец Кашьяпа, благодетельный по своей природе и своему статусу, признается отцом богов-адитьев и демонов-даитьев. В эпосе пандавы и кауравы, представляющие собой, соответственно, доброе и злое начала, являются двоюродными братьями, притом что их род (царский род Бхараты) восходит к риши Вишвамित्रе. Весьма показательна и история Шишупалы, врага Кришны, ненависть которого к аватаре Вишну была столь велика, что он и во сне продолжал ненавидеть своего врага и самого бога. Однако, поскольку его мысли таким образом были постоянно сосредоточены на Вишну, после смерти Шишупала отправился не в преисподнюю, а на небеса — за свое благочестие.

Пожалуй, наиболее выраженным воплощением представления о целостности истинной реальности является миф о противостоянии богов (*дева*) и асуров. Боги и асуры мыслятся преимущественно как антагонисты, однако в ряде гимнов «Ригведы» встречается и отождествление одних с другими; чаще всего асурами среди богов называют адитьев, в первую очередь Варуну. По мнению Ф.Б.Я. Кейпера, роль асуров в ин-

дийской мифопоэтической традиции составляет центральную проблему, которая может быть решена только в свете космогонических представлений. Асуры — боги первоначального, нерасчлененного мира, «того состояния Хаоса, в котором жизнь и свет заключены лишь как некоторая потенция» (Елизаренкова). Когда Индра победил демона-асура Вритру, олицетворявшего собой хаотические силы, и установил «дуальный космос» (т. е. когда возникли оппозиции «верх—низ», «правое—левое» и т. д.), на смену асурам пришли дева. Асуры оказались оттесненными за пределы организованного мироздания, лишь некоторые из них — например Варуна — были включены в новый пантеон. Любопытно, что в древнейших гимнах «Ригведы» встречаются такие комбинации, как «дева-асуры» (то есть асуры, примкнувшие к дева) и «асуры-не дева» (то есть те, которые очутились за пределами мира).

В одном из гимнов «Ригведы» передается разговор Индры и Варуны, в котором Варуна прямо называет себя асуром и в то же время признает свое тождество с Индрой:

Мне изначально принадлежит царство, владыке
Всех сроков жизни — как (знают) о нас все бессмертные.
Боги следуют решению Варуны.
Я правлю народом, чье тело наилучшего вида.

Я царь Варуна. Для меня установили
(Боги) эти первые асурские силы.
Боги следуют решению Варуны.
Я правлю народом, чье тело наилучшего вида.

Я, Варуна, — Индра. Эти два широких,
Глубоких, хорошо установленных пространства
(Своим) величием я привел в движение и поддержал (эти) два мира,
Зная, как Тваштар, все существа.

Асуры, участвующие в пахтанье мирового океана.
Миниатюра школы кангра (XVIII в.).

«Асуры оказались изгнанными, но не уничтоженными. Их следует трактовать как потенциальных богов, а не как падших ангелов. Сражение между асурами и дева возобновляется в начале каждого нового года. В этот период кризиса Варуна вновь становится противником Индры, вступая в соглашение с асурами и становясь поэтому особенно опасным¹.

¹ Ср.: «Сохраняя связь с асурами, Варуна становился особенно опасным в кризисный период на границе старого и нового года; его боялись, и этим объясняется табуированный характер описаний

Ведийские риши видели борьбу асуров и дева как некое равновесие между силами хаоса и космоса или — в других терминах — между небытием и бытием» (Елизаренкова).

Представление о дева и асурах как нечетко противопоставленных друг другу группах божеств восходит ко временам индоиранской общности, что подтверждается существованием такого же противопоставления в иранской мифологии. Правда, на иранской почве произошла «перекодировка» этих групп: иранские *ахуры* (инд. *асуры*) — божества, тогда как *дэвы* (инд. *дева*) превратились в демонов. При этом различия между ними, как и в индийской традиции, отнюдь не фундаментальны; принципиальное противостояние ахуров и дэвов, равно как и дева с асурами, становится только в эпосе. Как отмечал в своей работе, посвященной мифологии зороастризма, И.В. Рак, «постепенно у индоиранцев сформировалось верование в два враждующих клана богов — ахуров и дэвов. В разных племенах благими божествами, хранителями Истины, выступали как ахуры, так и дэвы. Обычно они считались двумя поколениями богов, старшим и младшим, противоборство которых — это вселенское противоборство Добра и Зла; но иногда те и другие причислялись к положительным, “истинным” силам мироздания и составляли в племенном пантеоне два класса благих богов-покровителей».

этого бога в РВ. Нигде не говорится прямо о его противостоянии богам, кроме как в гимне IV, 42, где его спор с Индрой имеет форму словесного состязания. Связь Варуны с водами в свете этой концепции является свидетельством актуализации его причастности к изначальным космическим водам, а его связь со смертью (упоминание в похоронном гимне X, 14, 7) — это причастность к миру Хаоса, который противопоставлен жизни» (Елизаренкова).

Дж. Хиггинботам. Пахтанье мирового океана (1864 г.).

Важнейший миф об асурах — миф о пахтанье молочного океана, в котором асуры принимали участие вместе с богами. Согласно этому мифу, асуры претендовали на чудесный напиток амрита, но боги отказались поделиться с ними; единственным из асуров, кому удалось попробовать амриты, был Раху, принявший облик одного из богов. Впрочем, как рассказывается в «Махабхарате», обман вскоре раскрылся:

ИНДИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ

И в то самое время, когда с восхищением
боги столь вожденную амриту пили,
Образ мудрого бога принявший Раху,
мощный данава, тоже пить ее начал.

Но заметив, что амриту пьет этот демон,
что уж в горле его — напиток бессмертья,
Солнце с Месяцем стали кричать об этом,
небожителям славным блага желая.

И тогда Бхагаван¹ тому супостату
снес главу, изукрашенную роскошно,
Снес главу ему чакрой своей Чакраюдха
в миг, когда тот амриту пил святую.

И подобная горной верхушке громадной
голова того данавы-исполина,
Острой чакрой отрубленная, скатилась,
сотрясая всю поверхность земную.

С тех времен у отрубленной, но успевшей
стать бессмертной головы Раху
С Солнцем-Месяцем спор вековечный длится:
до сих пор она вновь их и вновь глотает!

Величайшими из асуров традиция называет соперника
Индры змея Вритру, побежденных Вишну демонов Хирань-
якшу и Хираньякашипу, врагов Кришны царей Кансу и Ши-
шупалу, демонических братьев Равану и Кумбхакарну, «пер-
вого из асуров» Намучи. К асурам принадлежит и демон Вала,

¹ Один из эпитетов Вишну.

Боги и дайтьи. Иллюстрация к «Махабхарате».

из пещеры которого ангирасы во главе с Индрой и Брихаспати освободили похищенных коров и принесли в мир свет.

Если асуров можно условно назвать старшим поколением богов, то дайтьи и данавы формально — уже поколение младшее. Как упоминалось выше, они — потомки святого мудреца Кашьяпы, дети его дочерей Дити и Дану. В мифах дайтьи — враги адитьев; при этом среди них нередко упоминаются, например, демоны Хираньякшу и Хираньякашипу, что позволяет предположить тесную связь дайтьев с асурами. К дайтьям принадлежит и отшельник Ваджранга — победитель Индры. В пуранах рассказывается, что когда Индра в битве, последовавшей за пахтаньем молочного океана, уничтожил всех дайтьев, их мать Дити родила еще одного сына, чтобы он отомстил за смерть братьев. Когда Ваджранга вырос, он легко победил Индру, связал его и, вернувшись домой, бросил к ногам матери. По просьбе Брахмы Дити согла-

силась отпустить Индру; в награду Ваджранга получил прекрасную Варанги, вместе с которой удалился в горы и вновь предался аскезе. Индра не забыл своего унижения: через некоторое время он пришел в обитель Ваджранги в образе чудовищной обезьяны, разрушил жилище отшельника и похитил Варанги. Похищение осталось безнаказанным: по клятве, данной Брахме, отшельник не мог причинить Индре какого-либо вреда.

Данавы, подобно дайтьям, тесно связаны с асурами. «Ригведа» упоминает в их числе змея Вритру и «первого из асуров» Намучи. Вероятнее всего, здесь наблюдается то же явление «божественной синонимии», которое отмечалось применительно к индийскому пантеону: данавы практически тождественны дайтьям, а дайтьи, в свою очередь, практически тождественны асурам как противникам дева и все обладают божественной природой.

В отличие от них демоны даса, или дасью, — персонажи не столько божественные, сколько демонические. Словом «дасью» в «Ригведе» называются как собственно демоны, так и неарийские племена, враждебные ариям и их богам. Некоторые исследователи — в частности, англичанин М. Уилер — видели в дасью протоиндийское население долины Инда, покоренное ариями. Как пишет Т.Я. Елизаренкова, «мнение это было основано на том, что в РВ глава пантеона — бог грозы и войны Индра славился разрушением крепостей врагов. Эпитет “разрушитель крепостей” определял прежде всего Индру, который своей дубиной грома пробивал вражеские крепости, а также бога огня Агни, сжигавшего их своим пламенем. В Пенджабе не было обнаружено других укрепленных городов, кроме Харappy. Из этого делали вывод, что те описания дасов/дасью, которые встречаются в РВ, — а определяют они как “черная кожа”, низкорослые, безносые (т. е.

Сражение богов и дайтев за амриту. Иллюстрация к «Махабхарате».

с плоскими носами), с враждебной речью, лишённые богов и жертвоприношений (т. е. не поклоняющиеся арийским богам), лишённые закона и т. п. — нужно относить к населению Хараппы и других индских городов».

Мифологические дасью, согласно ведам и брахманам, «захватили воды», вследствие чего Индре пришлось сразиться с ними, причем одолеть противников он сумел только хитростью. В одном из гимнов «Ригведы» воды называются женами дасью, и тем самым сражение Индры с демонами отождествляется с его битвой против змея Вритру:

Жены Дасы, охраняемые змеем, — воды
 Стояли скованные, как коровы (, спрятанные) Пани.
 Проход для вод, который был заткнут, —
 Он открыл ему, убив Вритру.

Возглавлял мифологических дасью их прародитель демон Даса. Этого демона победил Индра, поразив его небесным

ИНДИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ

огнем. Среди дасью известны также Намучи, Шушна, Шамбара, Пипру, Рудхикра и другие. Многих из них тексты именуют змеями. Победу над дасью ведийские гимны приписывают прежде всего Индре. Так, «Ригведа» говорит:

Индра разгромил твердыни Илибиши,
Индра рассек рогатого Шушну.
Сколько натиска, сколько силы —
Дубиной грома ты убил врага, рвущегося сражаться.

Колдовскими силами ты сдул прочь колдунов,
Которые по своему обычаю совершали возлияние
(себе) на плечо.

Ты проломил крепости Пипру, о мужественный духом,
Ты сильно помог Риджишвану в смертельных битвах с дасью.

Ты поддерживал Кутсу в смертельных битвах с Шушной.
Ты отдал Шамбару во власть Атитхигвы.
Ты топтал ногой Арбуду, такого огромного.
От века ты рожден для убийства дасью.

В бой за боем ты вступаешь храбро,
Крепость за крепостью ты там разбиваешь,
Когда в далеком краю, о Индра, с другом Нами
Ты сразил колдовского (демона) по имени Намучи.

Ты убил Каранджу и Парнаю
Острейшим ободом (колеса) Атитхигвы.

Ты разбил сотню крепостей Вангриды,
Осаждаемых Риджишваном, (ты,) непримиримый¹.

Что касается участи реальных, а не мифологических дасью (то есть автохтонного населения Индии), то, как пишет Т.Я. Елизаренкова, «резкая противопоставленность ариев дасам/дасью характерна для самого начального периода миграции ариев в Индию, отраженного в древних частях РВ. Далее начался процесс постепенного смешения ариев с автохтонным населением. Не раз отмечалось, что в гимнах РВ *dasa* и *dasyu* не одно и то же. Чаще говорится об уничтожении и покорении *dasyu*, а не *dasa*. Есть слово *dasyuhatya* “убийство дасью”, а аналогичного сложного слова с *dasa* нет. После РВ слово *dasyu* исчезает вообще, а *dasa* употребляется исключительно в значении “слуга”. По-видимому, более воинственных *dasyu* убивали, а *dasa* не только убивали, но также превращали в зависимые слои населения. Мало того, процесс смешения происходил настолько стремительно, что в РВ, по-видимому, ряд военачальников-дасов переходили в арийскую религию и тем самым включались в общество ариев (ср., например, упоминание о том, что жрец получает вознаграждение у дасы Балбутхи [*Balbutha* — имя неиндоевропейского происхождения]). Об Индре в РВ не случайно говорится, что он дасу делал арьей».

Особую категорию противников богов в индийской традиции составляют *наги* — полубожественные существа со

¹ Илибиша, Шушна, Пипру, Шамбара, Арбуда, Намучи, Каранджа, Парная, Вангрида — имена дасью. Риджишван — человек, союзник Индры. Атитхигва — прозвище царя Диводаса, любимца богов, которому покровительствовал Индра. Кутса — возница Индры.

ИНДИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ

змеиным туловищем и человеческой головой (или многими головами — к примеру, наг Шеша тысячеглав). Эти существа владеют подземным миром — Паталой; там находится их столица, там они хранят несметные сокровища. Они — великие чародеи, способные оживлять мертвецов и менять по желанию свой облик. Наги часто принимают человеческий образ и селятся среди людей; нагини нередко становятся женами царей и героев, ибо отличаются несказанной красотой. Среди правителей нагов особое место занимают тысячеглавый змей Шеша — спутник Вишну; змей Васуки, принимавший участие в пахтанье мирового океана; змей Такшака, из-за которого совершилось великое жертвоприношение змей. В «Махабхарате» говорится:

Был Шеша, в обетах своих неизменный,
Усердный паломник, подвижник смиренный.

Покинул он змей и молитвам предался,
Одним только воздухом Шеша питался.

Второй среди змей в государстве змеином
Был Васуки признан тогда властелином.

А с Такшакой, с третьим во всем государстве,
Никто не сравнялся во зле и коварстве.

Такшака отравил своим ядом царя пандавов Парикшита. За это Джанамеджайя, сын Парикшита, совершил великое жертвоприношение змей. По его призыву наги отовсюду сползались к алтарю, чтобы принять смерть в пламени:

Единые в счастье, различные в горе,
Добычею пламени сделались вскоре.

Наги. Резьба по камню (VII–VIII вв.).

Одни, умирая, тоскливо зывали,
Иные друг друга хвостом обвивали,

Одни извивались и падали с треском,
Другие исполнились молнийным блеском,

Там с телом сплеталось горящее тело,
Казалось, что в пламени пламя горело.

Их множество было — усердных и праздных,
С красивой наружностью и безобразных.

Ползли, и ползли, и ползли миллионы, —
Поток бесконечный, огнем поглощенный.

И реки змеиного мозга и жира
Текли по дорогам смятенного мира.

Остановить жертвоприношение и помешать полному истреблению нагов сумел только мудрец Астики, племянник змея Васуки, еще в детстве узнавший «справедливую душу» Шешу и проникшийся симпатией к нагам. Своим закливанием он остановил падение в жертвенный костер змея Такшаки, виновника всего случившегося, и Джанамедая, пораженный могуществом мудреца, согласился исполнить его просьбу и остановить жертвоприношение, значительно сократившее численность нагов.

С нагами постоянно сражается царь птиц Гаруда. В «Махабхарате», в частности, рассказывается, как он похитил амриту у богов, чтобы выкупить свою мать Винату у нагов: «И та птица, приняв золотой облик, сияющий как сноп солнечных лучей, стремительно проникла туда, где хранилась амрита, подобно тому как водяной поток вливается в океан. И она увидела близ амриты колесо с острыми краями, отточенными, как бритва, которое беспрестанно вращалось. То могучее сооружение, грозное и страшное на вид, сияющее огненными лучами, было искусно построено богами для уничтожения похитителей сомы. Увидев в нем промежуток между спицами, птица покружилась с минуту. И, уменьшив свое тело, она мгновенно пронеслась через то пространство между спицами. И там, под колесом, она увидела двух превосходнейших змей, приставленных для охраны амриты, равных по блеску пылающему огню, ужасных на вид, с языками, как молнии, с пастью, полыхающей пламенем, наделенных великою силой, постоянно гневных и стремительных. Их горящие глаза содержали яд. Они постоянно горели гневом и никогда не мигали. И достаточно было одной из тех змей только посмотреть на кого-нибудь, как тот немедленно превращался в пепел. Супарна (Гаруда) быстро засыпал их глаза пылью, и невидимый для них он бросился на них со всех сторон. Нападая

Вишну на вахане Гаруде. Индийская миниатюра (ок. 1770 г.).

на них, птица рассекла их тела и стремительно бросилась тогда в середину хранилища к соме. И могучий сын Винаты, исполненный отваги, схватил тогда амриту и быстро поднялся в воздух, разрушив то сооружение. Достав быстро амриту и не попробовав ее, могучая птица летела без усталости, затмевая блеск солнца»¹.

Индра потребовал от Гаруды вернуть амриту, и Гаруда пообещал, что поможет сделать это, как только передаст напиток нагам. «И вот Супарна быстро прилетел к своей матери. В великой радости сказал он так всем змеям: “Амрита эта доставлена мною. Я положу ее для вас на траве куша. Совершив омовение, вкушайте ее на здоровье, о змеи!..” Тогда змеи,

¹ Похищение Гарудой амриты сопоставляется исследователями с похищением сомы орлом Индры; по замечанию П.А. Гринцера, «этот миф, восходит, видимо, к индоевропейскому мифу о похищении священного напитка (ср. скандинавскую легенду о получении Одним священного меда у великанов) и вообще к повсеместно распространенному типу мифов о добывании “живой воды”». Миф о похищении сомы орлом излагается в нескольких гимнах «Ригведы»; говорится, что птице пришлось преодолеть сто железных крепостей, что в него выпустил стрелу божественный лучник Кришану и т. д. Тем не менее, несмотря на все препятствия, орлу удалось донести чашу с сомой до обители богов:

Птица вне себя от страха от того, унесет ли она сому,
Ринулась, быстрая, как мысль, в далекий путь.
Быстро пролетела она с медом — сомой,
И орел при этом нашел славу.

Прямолетающий орел, держа стебель сомы,
Птица издалека, преданная богам, крепко ухватив
Радостный опьяняющий напиток — сому, нес его,
После того как он забрал его с того высшего неба.

Орел принес сому, забрав его:
Тысячу и десять тысяч выжиманий сразу...

Нага. Индийский барельеф (I тыс. до н. э.).

сказав ему в ответ “хорошо”, отправились совершить омовение. А Шакра тем временем взял амриту и возвратился на третье небо. И вот змеи, совершив омовение и религиозные обряды и прочтя молитвы, радостные пришли тогда к тому месту, жаждая испить сомы. Узнав, что она похищена при помощи ответной майи, и увидев место, где находилась сома, змеи начали тогда лизать траву куша. От такого действия языки змей раздвоились, а те травы куша от соприкосновения с амритой сделались священными».

В буддийской мифологии наги делятся на две группы — земных и водяных. Дыхание нагов ядовито, а взгляд убивает на месте. Они часто сходятся с людьми; потомство от таких союзов отличается изяществом и физической слабостью по причине «водяной природы», унаследованной от нагов. Считается, что сам Будда несколько раз перерождался в образе нага.

Наконец, еще одна группа демонов, хорошо известная по эпическим сказаниям «Махабхараты» и «Рамаяны», — это

Хануман и ракшас. Терракота (V в.).

ракшасы. Согласно пуранам, ракшасы произошли из тела Вишну (или Брахмы); впрочем, в «Вишну-пуране» сообщается, что ракшасы — потомки асуров¹. Согласно «Рамаяне», асуры вступили в союз с ракшасами против богов после пахтанья мирового океана: «Знай, о Рама, появление амриты привело к разрушению всего рода, потому что сыны Адити начали сражаться за него с сыновьями Дити. Асуры вступили в союз с ракшасами, развязав страшную войну, в которой приняли участие воины всех трех миров». Правда, в отличие от асуров, которые враждуют главным образом с богами, ракшасы в первую очередь — враги людей. Ракшасов великое мно-

¹ В «Махабхарате» говорится, что ракшасы — потомки одного из сыновей Брахмы: «А сыновьями мудрого Пуластыи являются ракшасы, обезьяны и киннары». Ракшасами также могут стать люди, на которых наложено проклятие.

жество (бхуты, веталы, вирика, кимидины, нийрриты, пишачи, ятудханы и пр.), но все они озабочены лишь одним — как сильнее навредить людям.

А.Н. Афанасьев говорит о ракшасах так: «Ракшасы — исполины с щетинистыми волосами, открытыми пастями и острыми, выдающимися вперед зубами, признавались за страшных людоедов... схватывая несчастную жертву, они увлекают ее в воздушные пространства, разрезают ей брюхо и упиваются кровью, а после этого пиршества предаются пляскам...»

В ведах ракшасы — чудовища, преследующие людей и препятствующие жертвоприношениям. Гимн «Ригведы» гласит:

Рассеивайтесь, о Маруты, по поселениям: ищите,
 Хватайте, давите ракшасов,
 Которые летают по ночам, превратившись в птиц,
 Или же которые совершают осквернение
 божественного обряда.

(Убей) совиного колдуна (и) сычиного колдуна,
 Убей собачьего колдуна, а также волчьего колдуна,
 Орлиного колдуна, а также ястребиного колдуна!
 Раздробь ракшаса, как жернов (— зерна), о Индра!

В эпосе и пуранах ракшасы становятся еще более чудовищными, чем их описывала, к примеру, «Атхарваведа»: к гигантскому росту и нескольким головам прибавляются огненные глаза-плошки, огромные животы, окровавленные клыки в пастях. Так, «Рамаяна» говорит об одной ракшасе: «Это отвратительное существо, сильное, как тысяча слонов, способное по желанию менять свой облик. Имя ее Татака, это жена Сунды и мать ракшаса Маричи, силой не уступающая Индре и обладающая длинными руками, чудовищным ртом и гигантским телом».

М. Калан. Рама и Равана.
Иллюстрация к «Рамаяне»
(ок. 1740 г.).

Царь ракшасов — десятиглавый демон Равана, повелитель острова Ланка. Он десять тысяч лет вел аскетический образ жизни, чтобы умиловить Брахму, и Брахма наградил Равану даром неуязвимости. После этого Равана изгнал с Ланки своего брата Куберу, завладел островом, потом по-

бедил Индру и заставил богов прислуживать себе (Агни был у него поваром, Варуна носил воду, Ваю подметал пол, Кубера доставлял пропитание и т. д.). Одолеть Равану смог лишь бог Вишну, воплотившийся в теле смертного — Рама (Рамачандры). Рама убил царя ракшасов, поразив его стрелой в сердце¹.

Если ракшасы царского рода, такие, как Равана, осмеливались бросать вызов богам, то «простые» ракшасы враждовали в основном с людьми. Самыми кровожадными среди них считались пишачи — демоны, питавшиеся человеческим мясом и пившие человеческую кровь. Один из заговоров «Атхарваведы» против нечистой силы посвящен пишачам:

Агни Вайшванара, сильный истиной
Бык, да сожжет тех,
Кто хочет причинить нам зло и навредить,
А также тех, кто хочет оделить нас!

¹ Более подробное изложение сюжетов, связанных с Раваной и ракшасами в целом, см. в следующей главе.

Кто, хвастливо перекликаясь,
Охотится в ночь новолуния,
Пожиратели мяса, что хотят навредить другим, —
Всех их я осиливаю силой.

Я осиливаю пищачей силой,
Я забираю себе их богатство,
Я убиваю всех, кто хочет причинить зло,
Да сбудется мое намерение!..

Не могу я мириться с пищачами,
Ни с ворами, ни с дикарями.
В какую деревню я ни войду,
Пищачи исчезают оттуда.

В какую деревню ни войдет
Эта страшная сила моя,
Пищачи исчезают оттуда
И не замышляют зла...

Несложно заметить, что многообразии союзников и противников богов в индийской мифопоэтической традиции весьма условно: групповые божества, полубоги, мудрецы-риши и демоны с легкостью «меняют стороны», перетекают из категории в категорию, боги трансформируются в демонов, мудрецы становятся богами, демоны совершают божественные деяния. В итоге мы вновь и вновь оказываемся в «круге вечного возвращения» (Элиаде) — точнее, как обнаруживает сколько-нибудь внимательный взгляд, вовсе его не покидаем. Здесь, в этой мнимой пестроте и кажущемся многообразии, отчетливо проявляется та «нерушимая всеединая

целостность», о которой в свое время рассуждал выдающийся отечественный ученый А.Ф. Лосев. Все эти существа: боги, люди, демоны — взаимодополняемы и в известной мере даже взаимозаменяемы, поскольку все они принадлежат целостному мирозданию; как сказано в «Вишну-пуране»: «Вездесущий пребывает во многих своих образах — как боги, люди, скоты и прочие. Правитель всего Ананта, сам не имея воплощенного (образа), пребывает в воплощенном образе (всех) существ. Он известен в Веданте как (стихи) “Ригведы”, “Яджурведы”, “Самаведы” и “Атхарваведы”, как традиционная история и священная наука. Все Веданги (сборники законов), изложенные Ману и другими (авторами), все Пураны, Шастры и любые ритуальные сборники, все поэты и славо(слова) и все песнопения — это тело великого Атмана Вишну, воплотившегося в звуке. Те вещи (и субстанции), которые имеют и не имеют формы, где бы они ни находились, там и тут, все они — его тело».

¹ Ср. замечание В.Н. Топорова: «Один из способов описания ведийской мифологии предполагает оперирование предикатами, т. е. основными и наиболее характерными действиями, свойственными мифологическим персонажам и описывающими основные параметры самой ведийской модели мира. Эти предикаты наилучшим образом выявляют повторяемость общих элементов ведийской мифологии. При известном разнообразии форм языкового выражения одних и тех же предикатов они могут быть сведены к относительно небольшому числу мифологических мотивов. Более того, выделенные предикаты-мотивы допускают дальнейшую редукцию, в результате которой вычленяется несколько простейших действий. Их целесообразно интерпретировать не в терминах мифологических мотивов, а как элементарные космологические акты-инварианты, соответствующие определенным основным

В определенном смысле боги, демоны и риши — лишь своего рода маски, «функции», которыми оперирует человек, гармонично встроившийся в осознанную им целокупность мироздания¹. «Если задаваться целью сконструировать некую идеальную модель человека в индийской культуре, то нужно было бы показать всю его изначально заданную микрокосмическую безбрежность в гармоничном единстве космологических, физиологических и нравственных категорий, причем каждая из них отражалась бы и в человеческом организме, и в качествах личности, и в поведенческих стереотипах, и в других его проявлениях, словом, была бы именно “мелодической линией”, вплетенной в космическую “симфонию жизни”... Человек с самого начала расценивался — и воспринимал себя — как одно из звеньев природы, с которой он образует нерасторжимое целое. В системе природа—общество—человек последнему звену отводилась роль скорее посредника и интерпретатора, нежели центра мира и венца творения... Это положение отнюдь не обезличивает человека, а ко многому его обязывает. Специфика восприятия человека состоит еще и в том, что он рассматривается не как обособленная индивидуальность, а как особая форма бытования мыслящего существа в земном мире, и форма эта подчиняется общим иерархическим законам, следуя которым она воз-

смыслам. К числу таких актов можно отнести создание опоры, установление опоры, осуществление посредничества (создание пространства), наполнение пространства, охватывание всего сущего (реализация свойства быть единым), выход за пределы вселенной и т. п. Эти акты в своей совокупности описывают становление вселенной и одновременно характеризуют ее параметры, т. е. вскрывают основные черты ведийской модели мира».

ИНДИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ

никает, развивается и прекращает свое существование» (Альбедиль).

Литература ведийского периода — это литература «масок», пускай даже человек — через жертвоприношение и другие ритуалы — осознается в ней как полноправный участник мифа¹. Мифологическая деятельность человека была опосредованной, пока не сложился эпос, в котором деяния людей встали вровень с деяниями богов и приобрели поистине космический размах и масштаб. Об этих деяниях и пойдет речь в следующей главе.

¹ О ритуальной «составляющей» индийской мифопоэтической традиции см. главу 6.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ВРАТА К БЕССМЕРТИЮ

Глава 5

«ДАРУЮ НАГРАДУ ВЕЛИКОМУ СЫНУ»: индийский героический эпос

Героический тип. — Герои в мировой культуре. — Три пути праведников. — Героическая поэзия индийцев. — Дхарма и ее соблюдение. — Пятая веда. — Героический век индийской мифологии. — Шантану и Ганга. — Бхишма. — Панду и его дети. — Воспитание пандавов и кавравов. — Дрона. — Состязание юношей. — Карна. — Бегство пандавов. — При дворе Друпеды. — Пандавы и Драупади. — Роковая игра в кости. — Изгнание пандавов. — Курукшетра. — Кришна и Арджуна. — «Бхагавад-гита». — Смерть Бхишмы. — Смерть Дроны. — Карна и Арджуна. — Судьба пандавов. — «Махабхарата» как целое. — Священная книга Господа Рамы. — Равана. — Тревога богов. — Воплощения Вишну. — Лук Шивы. — Рама и Сита. — Ракшасы. — Обман Рамы. — Похищение Ситы. — Сугрива и Хануман. — Остров Ланка. — Хануман на Ланке. — Битва войск Рамы и Раваны. — Появление Гаруды. — Кумбхакарна. — Гибель Раваны. — Участь Ситы. — Тулси Дас и «царство Рамы». — Сакральное и мирское.

«В своих попытках поделить человечество на различные типы греческие философы отвели особое место людям, жи-

вущим ради действия и славы, ими порожденной. Такими людьми, как они считали, движет важная часть человеческой души, некий самоустановленный принцип, который равным образом должен отличаться и от природных влечений, и от побуждений разума, осуществляя себя в героическом поступке. Они полагали, что жизнь, наполненная действием, превосходит по значимости стремление к достатку или чувственное удовольствие, что человек, ищущий чести, сам по себе достоин почитания. Греки VI и V вв. считали тех, кого Гомер назвал героями, — поколением высших существ, искавших и заслуживших почести. Они верили в то, что греческая история включала героический век — время, когда преобладали люди именно такого рода... Концепция героического существования оформилась в Греции рано и сохранялась очень долго — именно из нее главным образом и развились наши представления о героях и героическом.

Между тем не одни греки почитали людей высшей пробы, живших во имя чести. *Chevalier* средневекового французского эпоса по всем статьям столь же героичен, как и греческий герой, и движим он сходными побуждениями. К той же семье принадлежат испанский *caballero*, англосаксонский *септра*, русский *богатырь*, древнегерманский *held*, исландский *jarl*, татарский *батыр*, сербский *юнак*, албанский *trim*, узбекский *палван*. Иногда героические качества приписываются особому роду людей, которые вообще во всех отношениях живут по своим правилам... Концепция героя и героической доблести распространена очень широко, и, невзирая на различные формы ее утверждения и воплощения у разных народов, проявляется она в одинаковом наборе основных характеристик, соответствующих тому, что говорили греки о своих героях. Эпоха, которая верит в поиски славы, естественным образом стремится выразить свое восхищение в стихах о деяниях и приключениях ге-

роев, о смелых дерзаниях и благородных поступках. Отвечая реальным потребностям человеческого духа, героическая поэзия и сейчас жива во многих уголках мира, а в прежние времена бытовала практически повсюду».

Эти слова выдающегося английского исследователя С.М. Боуры в полной мере применимы и к героической поэзии индийцев, сохранившейся до наших дней в эпических шлоках «Махабхараты» и «Рамаяны»¹. Неутолимая жажда славы, презрение к смерти, безусловное мужество и прочие составляющие неписанного кодекса чести эпических героев — все они движут поступками персонажей обеих индийских поэм, причем как персонажей добродетельных, так и их противников (здесь мы снова сталкиваемся с представлением о неразделимости добра и зла в целостном мире). В «Бхагавад-гите», составной части «Махабхараты», возничий героя Арджуны Кришна говорит о трех путях праведного поведения (путь действия, путь знания и путь богочитания) и выше всего ставит первый путь:

Исполни свой долг, назиданье усвоя:
Воитель рожден ради правого боя.

Воитель в сраженье вступает, считая,
Что это — ворота отверстые рая,

А если от битвы откажешься правой,
Ты, грешный, расстанешься с честью и славой.

¹ Размер *записанной* «Махабхараты» — около 100 000 двустиший (шлок), размер *записанной* «Рамаяны» — около 24 000 шлок. В устной традиции размер обеих поэм варьируется как в сторону уменьшения количества стихов, так и в сторону их увеличения.

ИНДИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Ты будешь позором покрыт, а бесчестье
Для воина горше, чем гибель в безвестье.

Отважные скажут: «Он струсил в сраженье».
Презренье придет, и уйдет уваженье.

Издевку и брань ты услышишь к тому же
От недругов злобных — что может быть хуже!

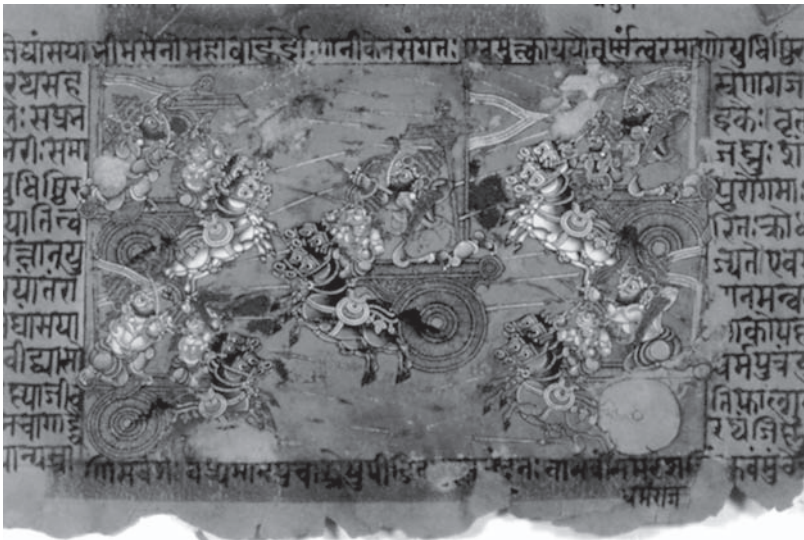
Убитый, — достигнешь небесного сада.
Живой, — на земле насладишься как надо.

Поэтому, Арджуна, встань, и решенье
Прими, и вступи, многомогущий, в сраженья!

При этом героическая поэзия индийцев, во многом следуя «шаблону» архаической героики, существенно отличается от героической поэзии других народов. Как писал в предисловии к современному русскому изданию «Махабхараты» П.А. Гринцер, «древнеиндийский эпос и похож и решительно не похож на другие эпосы. Сходство касается в основном героического слоя его содержания. Между тем поэмы складывались в течение многих веков, впитывали в себя новые идеи и воззрения, и героический идеал под влиянием этих специфических для индийской древности воззрений если и не был полностью снят, то, во всяком случае, был радикально переосмыслен». Это радикальное переосмысление героики выразилось прежде всего в трансформации героического конфликта в конфликт нравственный: стремление к славе должно сочетаться с законом, моралью, высшим долгом и религиозными обязательствами человека, то есть со всем тем, что индуистская философская традиция называет *дхармой*.

«Представление о дхарме является центральным для эпоса. Главный герой поэмы Юдхиштхира зовется “сыном дхармы” и “царем дхармы”, поле Куру, на котором происходит решающая битва, именуется “полем дхармы”, сама битва — “битвой за дхарму”, и борьба между героями эпоса ведется не только на материальном, военном уровне, но и на духовном, нравственном: “где дхарма, там победа”, — многократно возглашает “Махабхарата»» (Гринцер).

Главные действующие лица «Махабхараты» — двоюродные братья пандавы и кауравы — противопоставляются друг другу не только как обиженные обидчикам или высокие духом маломощным, но и как поборники справедливости ее противникам. Именно последнее противопоставление решает, в конечном счете, исход сражения на поле Куру, сражения, в котором сплелись сотни и тысячи судеб героев;

Битва пандавов и кауравов. Иллюстрация к «Махабхарате».

«грандиозная битва мерит эти судьбы меркой сверхличной судьбы, меркой высшей справедливости» (Гринцер).

«Махабхарата» в индийской традиции считается пятой ведой, доступной, в отличие от четырех канонических, для всех, а не только для причастившихся тайн бытия брахманов. Тем не менее при всей своей «доступности», экзотеричности она чрезвычайно многогранна, содержит в себе многочисленные «напластования смыслов», поэтому любое, сколь угодно подробное изложение содержания этой поэмы будет по определению ущербным: воспринять «Махабхарату» как целое возможно лишь при изучении оригинала — и при неоднократном его прочтении. Однако ни одно исследование индийской мифопоэтической традиции не будет полноценным без рассказа о великой битве потомков Бхараты, поэтому мы все же позволим себе ниже изложить основной сюжет одного из величайших текстов в истории человечества.

Историческую основу «Махабхараты», которая сама себя часто называет *итихасой* (буквально «так было на самом деле») или *пураной* («повествование о древности»), составляет междоусобная война в племени бхаратов, разгоревшаяся на рубеже II и I тысячелетий до нашей эры. В поэме эта эпоха приобретает черты героического века, столь возвышенно описанного древнегреческим поэтом Гесиодом:

После того как земля поколение и это покрыла,
Снова еще поколение, четвертое, создал Кронион
На многодарной земле, справедливее прежних и лучше, —
Славных героев божественный род. Называют их люди
Полубогами: они на земле обитали пред нами.
Грозная их погубила война и ужасная битва.

В Кадмовой области славной одни свою жизнь положили,
 Из-за Эдиповых стад подвизаясь у Фив семивратных;
 В Трое другие погибли, на черных судах переплывши
 Ради прекрасноволосой Елены чрез бездны морские¹.

Подобно греческим героям, герои индийские ведут свой род от богов. Так, Арджуна — сын Индры, Юдхиштхира — сын бога Дхармы (или Ямы), Бхима — сын Ваю, Дрона — сын божественного риши Бхарадваджи и т. д. Иногда герои признаются воплощениями божеств: Рама (Рамачандра) и Парашурама — воплощения Вишну, Драупади — воплощение Лакшми, братья-кауравы считаются воплощениями асуров. Впрочем, их божественность в эпосе практически не играет роли, разве что выделяет героев из числа прочих людей. Можно, пожалуй, сказать, что божественность героев «Махабхараты» сугубо формальна; эта поэма — произведение «человеческое, слишком человеческое» (Ф. Ницше), история о людях и для людей — на фоне бесконечного многообразия мироздания.

«Героическая поэзия основана на редком сочетании различных свойств. Во-первых, она преподносит слушателю увлекательную историю, ибо он становится свидетелем захватывающих событий, рискованных предприятий и головокружительных перипетий; во-вторых, эта история представлена так, что не возникает сомнения в том, насколько значительны описываемые происшествия и люди, в них участвующие. Поэт изображает живой мир и стремится представить его как можно более полно и основательно. Таковы заданные рамки, но внутри них находится место для множества вариаций, не просто отличающих один народ от другого, но создающих раз-

¹ Перевод В.В. Вересаева.

нообразии внутри одного поэтического произведения. И тогда героическая поэзия приобретает почти всеобъемлющую мощь и размах, не свойственные никакому другому роду литературы» (Боура).

«Махабхарата» — целостный взгляд на мир; эта поэма лежит в основе всей индоевропейской мифопоэтической традиции¹ и по сей день является образцом, с которым пока еще никто не смог сравниться.

История противостояния пандавов и кауравов начинается со встречи царя Лунной династии Шантану со спустившейся на землю богиней Гангой. Царь Шантану правил в городе Хастинапуре (археологические раскопки подтвердили факт существования этого города). Однажды на охоте он встретил прекрасную женщину и немедленно попросил ее руки. Женщина согласилась выйти за него замуж, но поставила

¹ Древнегреческий ритор Дион Хризостом утверждал, что индийцы знали поэмы Гомера и переложили его произведения на свой язык, назвав их на свой лад, то есть «Махабхаратой». Эта теория в XIX столетии получила признание и в научных кругах; так, немецкий востоковед А. Вебер полагал, что индийцы «заимствовали» у Гомера мотивы похищения Елены и похода на Троию и превратили их в сюжеты о похищении Ситы и осаде Ланки. «В настоящее время теория заимствования по многим историко-литературным и хронологическим соображениям в применении к древнеиндийскому эпосу признана несостоятельной, но его родство с другими эпическими памятниками остается неоспоримым. Только объясняется оно не заимствованием и тем более не случайным совпадением, а типологическими параллелями, негласными законами устного эпического творчества, которое развивалось в сходных исторических условиях и с помощью сходных фольклорных мотивов и композиционных моделей» (Гринцер).

условие: что бы она ни сделала, царь не станет на нее гневаться, в противном случае она его покинет.

У Шантану и Ганги родился сын. На глазах изумленного супруга Ганга взяла ребенка и бросила его в реку. Шантану был поражен, но, помня о своей клятве, ни словом не упрекнул жену. Та же участь постигла и шестерых сыновей царя, родившихся впоследствии. Когда же Ганга хотела бросить в воду последнего, восьмого, ребенка, царь не выдержал и обвинил жену в детоубийстве. В тот же миг женщина преобразилась, приобрела божественный облик и сказала мужу:

Погибнуть не дам я последнему сыну,
Но только тебя я навеки покину.

Я — мудрым Джахну¹ возрожденная влага,
Я — Ганга, несметных подвижников благо.

Жила я с тобой, ибо так захотели
Бессмертные ради божественной цели.

Я встретила восемь божеств, восемь васу,
Подвластных проклятия гневному гласу:

Их Васиштха проклял, чтоб гордые боги
В людей превратились, бессильны, убоги.

А стать их отцом, о властитель и воин,
Лишь ты на земле оказался достоин,

¹ Джахну — мудрец-риши, который в гневе выпил Гангу, когда она, низвергаясь с небес, нарушила его размышления. Впоследствии он смягчился и выпустил богиню-реку через ухо.

ИНДИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ

И я, чтоб вернуть им бессмертья начало,
Для них человеческой матерью стала.

Ты восемь божеств произвел, ясноликий,
Тем самым ты стал и на небе владыкой.

С тобою узнала я радость зачатья,
И васу избавила я от проклятья.

Дала я поверженным верное слово:
Когда в человеческом облике снова

Родятся, — их в Ганге-реке утоплю я,
Бессмертие каждому снова дарюя.

Теперь я тебя покидаю навеки.
Меня дожидаются боги и реки.

Последнего уцелевшего сына Шантану назвал Бхишмой («грозным») и вырастил его с любовью и заботой. Мальчик с детства выказывал склонность к ратным подвигам и обещал превратиться с годами в великого воина.

Однажды Шантану вновь отправился на охоту — и встретил прекрасную Сатъявати, дочь царя рыбаков. Отец девушки соглашался отдать ее в жены, только если Шантану поклянется, что сын Сатъявати станет наследником трона. Дать такую клятву означало бы лишить «прирожденного» права наследования Бхишму, поэтому Шантану отказался от брака и, опечаленный, вернулся в Хастинапуру. Бхишма заметил печаль отца и, расспросив приближенных царя, узнал о ее причине. Тогда он отправился к царю рыбаков и заявил, что отказывается от своих прав на престол, а вдобавок, по насто-

янию отца Сатъявати, пообещал до конца своих дней оставаться холостым — чтобы сын Сатъявати и Шантану не имел соперников. Царь рыбаков дал свое согласие на брак, а Шантану, пораженный благородством сына, благословил его и пожелал ему сделаться непобедимым.

Сын Сатъявати и Шантану Вичитравирья унаследовал царство после смерти отца, но вскоре и сам «ушел по пути предков». Бхишма отказался от престола и посоветовал Сатъявати так:

Мне дороги Бхараты род и наследство,
Чтоб род продолжался, скажу тебе средство:

Пусть брахман со вдовами младшего брата
Детей породит, — и да ждет его плата.

Жены Вичитравирья Амбика и Амбалика, в соответствии с древним обычаем *нийога*, о котором напомнил Бхишма, отдались отшельнику Вьясе, предававшемуся в лесу аскетическим подвигам; у него были грязные нечесанные волосы, борода достигала ступней, от тела исходил отвратительный запах¹. Когда Вьяса обнял Амбику, она закрыла глаза, и оттого ее сын Дхитараштра родился слепым; Амбалика побледнела — и ее сын Панду (воплощение бога справедливости Дхармы) родился бледным. Именно он, достигнув совершеннолетия, был возведен на престол, потому что слепой Дхитараштра царем быть не мог.

Панду взял в жены Кунти и Мадри, но детей иметь не мог из-за проклятия некоего риши. Кунти же еще до свадьбы было

¹ Этот Вьяса — воплощение Кришны. Обычай *нийога* состоял в том, что в случае немощи, болезни или смерти мужчины его жена могла вступить в связь с другим ради обретения потомства.

предсказано, что она родит пятерых сыновей от пяти богов. Испытывая достоверность предсказания, она совершила поклонение богу солнца Сурье — и родила от него сына Карну, которого ей пришлось удалить от себя, поскольку в ту пору она не была замужем. Рассказав об этом предсказании Панду и получив его благословение, Кунти совершила поклонение богу ветра Ваю, богу смерти Яме («повелителю дхармы» — Дхармарадже) и громовержцу Индре, и у нее родились три сына — Бхима, Юдхиштхира и Арджуна. Пятого же сына Кунти «уступила» Мадри, которая совершила поклонение небесным близнецам Ашвинам и родила двух сыновей-близнецов Накулу и Сахадеву. Дхритараштра же имел от своей жены Гандхари сто сыновей и одну дочь.

Дети Панду звались пандавами, а дети Дхритараштры — кауравами. Старший из кауравов звался Дурьодханой.

Однажды Панду вместе с женами отправился на прогулку и, опьянев от любовных чувств, забыл о проклятии риши. Он приблизился к Мадри, но едва коснулся ее, как пал мертвым. По обычаю ему устроили огненное погребение, а Мадри взошла на костер супруга¹.

Дхритараштра стал регентом царства, а сыновей Панду воспитывал вместе с их двоюродными братьями кауравами брахман Дрона, лучший знаток оружия. В играх пандавы, среди которых выделялся силой и доблестью Арджуна, часто побеждали своих братьев, и те, в особенности Дурьодхана, испытывали к пандавам зависть, которая постепенно переросла в ненависть.

Дрона стал наставником царевичей будто бы случайно. Как-то мальчики играли в мяч, и тот укатился и упал в колодец.

¹ Кремация мертвых — обычай, установившийся еще в ведийский период. Что касается самосожжения вдов, этот обряд официально запрещен, но продолжает практиковаться и по сей день.

Арджуна и Кришна в битве на Курукшетре. Индийская миниатюра.

Не зная, как поступить, они обратились за советом к сидевшему неподалеку под деревом брахману. Тот снял с пальца кольцо и бросил его в колодец, сказав, что если его угостят обедом, он берется достать мяч с помощью травинок, а свое кольцо — стрелой. Царевичи пообещали брахману кормить его до конца дней, и тогда брахман опустил в колодец несколько соломинок: они словно приросли друг к другу, и с их помощью он извлек мяч. А затем послал в колодец стрелу, которая вернулась к нему вместе с кольцом. Пораженные, дети побежали к своему деду Бхишме, и тот по описанию узнал в брахмане Дрону, сына риши Бхарадваджи, и, не тратя времени даром, назначил Дрону наставником царевичей.

Дрона обучал мальчиков владению всеми видами оружия, в том числе стрельбе из лука. Особое прилежание и меткость в этой стрельбе выказывал Арджуна, которому Дрона предрек великое будущее.

По завершении «учебного курса» был назначен день, в который царевичам предстояло показать свои умения. Мальчики сначала стреляли из луков по мишеням — и ни одна стрела не пролетела мимо цели. Потом они скакали на конях и состязались на колесницах, а затем приспел черед поединков. Дурьодхана и Бхима сражались на дубинках и так увлеклись, что Дроне пришлось остановить сражение. Следующим свои навыки демонстрировал Арджуна: «Столь велики были мощь и сила Арджуны, что казалось, будто он одним видом оружия порождал огонь, другим — воду, третьим — горы, а четвертым разрушал их снова. Он то вырастал на глазах, то опять уменьшался. То он показывался сражающимся, с мечом или булавой, стоя на дышле или ярме, а мгновение спустя был виден в самой колеснице, то в единый миг оказывался на поле битвы. Своими стрелами он поразил все виды целей. А вот, будто единым выстрелом, он послал пять стрел разом в пасть вра-

щающегося железного кабана. Потом отправил двадцать одну стрелу в отверстие коровьего рога, раскачивавшегося туда-сюда на веревке. И он показал всем, с каким искусством владеет луком и булавой» (Томас).

В миг, когда все собравшиеся восхваляли Арджуну, на поле появился незнакомец. Это был Карна, первенец Кунти, воспитанный ненавистником кшатриев Парашурамой (аватара Вишну); Парашурама учил Карну, думая, что наставляет брахмана. Когда же выяснилось, что Карна — кшатрий, было уже поздно: он успел перенять от учителя все знания. Разгневанный Парашурама проклял ученика и предсказал, что тот будет побеждать во всех сражениях, кроме последнего, когда неверно выберет оружие, и этот ошибочный выбор приведет его к гибели.

Карна заявил, что может повторить все подвиги Арджуны, и вызвал Арджуну на поединок. Но схватка не могла состояться, поскольку Карна считался сыном колесничего, а сразиться с царевичем мог только равный ему в благородстве рождения. Тогда Дурьодхана, снедаемый ненавистью к пандавам, заставил своего отца признать Карну царем. Препятствие было устранено, но тут зашло солнце, состязания объявили закрытыми и соперники разошлись без поединка.

Прошло несколько лет, и старший из пандавов, Юдхиштира, достиг совершеннолетия. По закону Дхритараштра должен был вернуть юноше царство его отца Панду. Однако Дурьодхана, желавший трона для самого себя, стал внушать Дхритараштре, что пандавы злоумышляют против него и что следует удалить их из Хастинапуры. Дхритараштра поддался на убеждения сына и отправил пандавов в Варанавату (Бенарес) на празднество в честь Шивы. Там для них выстроили дом, стены которого пропитали смолой. Дурьодхана прика-

зал своему доверенному слуге поджечь ночью этот дом, а поданным Дхритараштры сообщить, что пандавы и их мать Кунти, которая сопровождала сыновей, погибли от случайного пожара.

О планах Дурьодханы узнал дядя пандавов, мудрец Виатура; он сумел предупредить племянников о грозящей им беде, и пандавы вместе с матерью бежали из дома через тайный подземный ход. На рассвете, когда они были уже далеко от города, дом загорелся; на пожарище обнаружили трупы пяти мужчин и одной женщины (это были странники, которых пандавы пустили переночевать¹), и решили, что Кунти и ее сыновья погибли.

Пандавы скрывались в лесах, пока не услышали, что царь панчалов Друпата выдает замуж свою дочь Драупади, причем непременно условием получения ее руки является победа в состязании лучников.

Друпата рос вместе с Дроной, они крепко дружили, и однажды Друпата пообещал другу, что, когда станет царем, разделит того богатством и почестями. После обучения их дороги разошлись, но со временем изнемогавший от нужды Дрона вспомнил об обещании Друпаты и отправился к его двору. Его встретили приветливо, но когда Дрона напомнил царю о детской клятве, Друпата возмутился притязаниями нищего брахмана и прогнал его. Дрона твердо решил отомстить и с тех пор посвятил себя упражнениям с оружием; понимая, что в одиночку ему с Драупадой не справиться, он искал союзников и именно поэтому нанялся воспитателем пандавов, рассчитывая обрести в их лице могущественную поддержку.

¹ «Жестокая участь несчастных странников оправдывается легендой, в которой говорится, что они были воплощениями божеств и только таким образом могли достичь освобождения (мокши)» (Томас).

По обычаю ученик, завершив обучение, должен был отдать наставнику за его труд определенную плату. Когда пандавы спросили Дрону, какой платы он желает, тот ответил: «Приведите ко мне пленником царя панчалов». Царевичи выступили в поход на царство панчалов, Арджуна, благодаря своей доблести и военной хитрости, взял в плен Друпату и привел к Дроне. Тот посмотрел на униженного царя, объявил, что забирает у него половину царства, и отослал Друпату обратно. Снедаемый жаждой мести Друпата стал совершать аскетические подвиги и взывать к Брахме; наконец божество явилось ему, и Друпата попросил, чтобы ему даровали сына, который убьет Дрону, и дочь, которая станет женой Арджуны. Брахма выполнил просьбу: у Друпаты родились сын Дхриштадьюмна и дочь — Драупади.

Переодетые отшельниками пандавы прибыли ко двору Друпаты на состязание стрелков. Друпата же, поверивший слухам о гибели Арджуны, решил найти для дочери жениха, не уступающего Арджуне в искусстве стрельбы, и велел изготовить гигантский лук, из которого следовало поразить пятью стрелами кольцо, висевшее на огромной высоте¹.

Никто из участников состязания, включая Дурьодхану, не смог попасть в цель. Когда вышел Карна, в ход событий вмешалась Драупади, которая объявила, что ему не следует стрелять, ибо она не выйдет замуж за сына колесничего. Наконец остался один претендент — молодой брахман в оленьей шкуре. Он совершил поклонение луку, натянул тетиву и послал одну за другой все пять стрел в середину кольца. Друпата признал брахмана победителем, и Драупади возложила на него венок, означавший согласие выйти замуж. Присутство-

¹ Ср. схожий мотив в «Одиссее», где женихам Пенелопы необходимо было хотя бы согнуть лук Одиссея.

вавшие на состязании царские сыновья, задетые победой брахмана, неожиданно напали на победителя, но пандавы и панчалы разгромили своих противников и обратили их в бегство, а затем брахман открылся Драупади и царю Друпаде. Пандавы не стали задерживаться в городе и вернулись к своей матери, ожидавшей их в лесу. Арджуна похвалился Кунти, что сумел добыть нечто ценное, на что мать ответила: «Поделись же, как обычно, с братьями». Тем самым Драупади стала одновременно женой всех пяти пандавов¹.

Тем временем Дурьодхана и Карна, узнавшие Арджуну, поспешили к царю Дхритараштре. Был устроен совет, на котором Бхишма, Дрона и Видура предложили отдать пандavam половину царства. Дхритараштра согласился, и пандавы в пустынной части страны воздвигли свою столицу — Индрапрастху, в которой и стал править Юдхиштхира. Царский дворец, красоте которого завидовали даже боги, возвел знаменитый зодчий Майясура.

Дурьодхана, продолжавший завидовать пандavam и ненавидеть их, по совету своего дяди Шакуни пригласил двоюродных братьев в Хастинапуру и предложил им сыграть в кости. «В те времена решать судьбу царств, бросая кости, было обычным делом, и Юдхиштхира не мог не принять вызова без урона для собственной чести» (Томас). Шакуни славился как отличный игрок, Юдхиштхира же любил игру, но играл плохо. Под насмешки Дурьодханы он проиграл Шакуни, который вдобавок вел нечестную игру, все свое имущество, земли, казну, дворец, столицу со всеми жителями и домами, себя и своих братьев. Помрачившись рассудком, Юдхиштхира поставил на кон Драупади — и снова проиграл. Духшасана,

¹ В этой легенде исследователи видят отражение матриархального обычая полиандрии (многомужества).

У. Гобл. Арджуна и богиня Ганга (XIX в.).

младший брат Дурьодханы, схватил Драупади за волосы и с криком: «Рабыня!» поволок ее в собрание. Драупади распустила волосы и поклялась не заплетать их вновь, пока не омочит кровью Дурьодханы и Духшасаны. «В этот миг вдали раздался вой шакала. Заревел осел. Судьба кауравов была предрешена» (Томас). Дхритараштра устыдился поступка своих сыновей и вернул Драупади и ее мужьям свободу. Однако Дурьодхана предложил Юдхиштхире бросить кости в последний раз с таким условием — кто проиграет, тот будет двенадцать лет скитаться в лесной глуши, а тринадцатый год должен прожить неузнанным; если же его узнают, изгнание продлится еще двадцать лет.

Бросили кости, и Юдхиштхира снова проиграл. Пандавы отправились в изгнание, а Дурьодхане, который на прощание зло посмеялся над ними, Бхима пообещал, что убьет его в бою и напьется его крови.

Страну проиграв кауравам, пандавы
Лишились приюта, лишились державы.

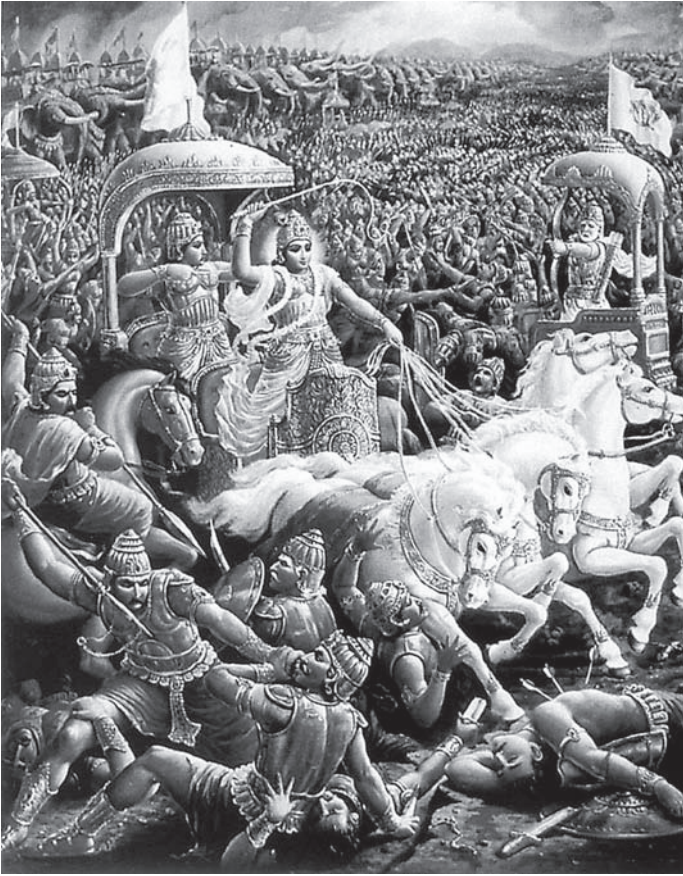
Расплата за проигрыш в кости сурова:
Двенадцать мучительных весен, без крова,

Да будут скитаться тропею лесною,
А после, с тринадцатой, новой весною,

Пусть город найдут, где в течение года
Их облик да будет сокрыт от народа.

В изгнании горя извели много...

Во время своих скитаний пандавы пережили множество приключений, они постоянно умилоствляли богов подви-

Арджуна устремляется в битву. Индийская миниатюра.

гами в их честь и в награду получали разнообразное губительное оружие. Драупади по-прежнему не заплетала волос, напоминая своим обликом о неизбежной мести. Изгнанников навещали друзья, среди которых был и Кришна, двоюродный брат пандавов по материнской линии. В особенности он привязался к Арджуне, за которого выдал свою сестру Субхадру.

Когда миновал тринадцатый год изгнания, Юдхиштхира по совету Бхимы и Арджуны отправил Дурьодхане требование возратить пандавам половину царства. Это требование доставил в Хастинапуру Кришна. Дурьодхана, успевший за время изгнания пандавов заключить союзы со многими могущественными царями, принял посланника весьма надменно. Он отказался вернуть половину царства, не согласился и выделить пандавам пять областей, по области на брата; Кришна последовательно просил у него пять городов, пять деревень, пять домов, и эти просьбы настолько рассердили Дурьодхану, что он приказал схватить Кришну и высечь его. Но Кришна сумел вырваться и покинул Хастинапуру.

Не оставалось иного выбора, кроме как объявить кауравам войну. Народы, населявшие Индию, примкнули кто к пандавам, кто к Дурьодхане. Кришна стал колесничим Арджуны (но свое войско отдал кауравам). Кунти пыталась уговорить своего первенца Карну примкнуть к пандавам и открыла ему тайну его рождения. Но Карна сказал, что обязан Дурьодхане своим высоким положением и потому не покинет его, однако пообещал, что на поле брани сражаться будет только с Арджуной. Войско пандавов возглавил Дхриштадьумна, сын царя панчалов Друпады, войско кауравов — Бхишма.

Местом битвы была выбрана равнина Курукшетра («поле потомков Куру», то есть кауравов). Это место с древнейших времен считалось легендарным; по брахманам, на равнине приносят жертвы боги, а в той же «Махабхарате» говорится, что на Курукшетру раз в месяц приходят боги и риши во главе с Брахмой. Армия пандавов выстроилась на поле в форме креста, а войско кауравов напоминало своим построением птицу с распростертыми крыльями.

Когда Арджуна увидел, что ему предстоит сражаться с дедом Бхишмой и со своим наставником Дроной, не говоря

Б. Дас Пандек. Баларама и Кришна (1865 г.).

ИНДИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ

уже о многих друзьях, остававшихся при дворе Дхритараштры, — он отбросил лук и сказал себе:

Я чувствую: мышцы мои ослабели,
Во рту пересохло и дрожь в моем теле,

Мутится мой разум, и кровь стынет в жилах,
И лук я удерживать больше не в силах.

Зловещие знаменья вижу повсюду.
Зачем убивать я сородичей буду?

Те, ради кого нам победа желанна,
Пришли как воители вражьего стана.

Наставники, прадеды, деды и внуки,
Отцы и сыны напрягли свои луки.

Зятя и племянники, дяди и братья, —
Но их не хочу, не могу убивать я!

Пусть лучше я сам лягу мертвым на поле:
За власть над мирами тремя, а тем боле

За блага земные, — ничтожную прибыль! —
Нести не хочу я сородичам гибель!

Единственным, кто смог переубедить Арджуну, оказался Кришна, раскрывший герою учение дхармы¹. Это была зна-

¹ Отказ героя от битвы — широко распространенный в эпосе мотив. Достаточно вспомнить греческого Ахилла, который в гневе уклонился от сражения с троянцами, или русского Илью Муромца, обидевшегося на князя Владимира. Однако традиционную «бытовую» причину возобновления боя (в случае

менитая «Бхагавад-гита» («небесная песнь»), которая прогна-
ла печаль Арджуны и побудила его к сражению.

Есть в чувствах телесных и радость, и горе;
Есть холод и жар; но пройдут они вскоре;

Мгновенны они... О, не будь с ними связан,
О Арджуна, ты обуздать их обязан!

Лишь тот, ставший мудрым, бессмертья достоин,
Кто стоек в несчастье, кто в счастье спокоен.

Скажи — где начала и где основанья
Несуществованья и существованья?

Лишь тот, кому правды открылась основа,
Увидел границу того и другого.

Где есть бесконечное, нет прекращенья,
Не знает извечное уничтоженья.

Тела преходящи, мертва их отдельность;
Лишь вечного Духа жива беспредельность.

Не плачь же о тех, кто слезы недостоин,
И если ты воин — сражайся как воин!

Битва продолжалась восемнадцать дней. Бхима повел свои
войска на кауравов. Арджуна вступил в поединок с Бхишмой,
Юдхиштхира — с царем племени мадров Шальей. В первый
же день сражения пандавы потеряли сотни тысяч воинов, а

с Ахиллом — гибель друга Патрокла) индийский эпос заменяет причиной «духовной», что в других эпических текстах не представляется возможным.

стрелы Бхишмы несли смерть все новым и новым жертвам. Бхишме, деду пандавов и кауравов, сражавшемуся на стороне Дурьодханы, не было равных в бою на колесницах. К исходу девятого дня битвы пандавам стало ясно, что, пока жив Бхишма, у них нет ни малейшей надежды на победу. Неожиданно Юдхитхира вспомнил, что в свое время Бхишма обещал ему всегда помочь советом; пандавы проникли под покровом ночи в лагерь кауравов, и Юдхитхира прямо спросил у Бхишмы, как того можно убить. Бхишма не стал скрывать, что он непобедим до тех пор, пока при нем остается его лук, и даже в этом случае смерть ему принесет только удар Арджуны или Кришны. Поскольку Кришна не мог воевать из-за принесенного им обета, участь сделать роковой выстрел выпала Арджуне.

На следующий день, когда Бхишма в одиночку сражался с войском пандавов, вперед выступил сын царя Друпеды Шикхандин — рожденный девочкой, но по воле богов сменивший пол. Он выстрелил в Бхишму — и тот выронил лук, а Арджуна двадцатью стрелами разбил другое оружие деда и наконец поразил стрелой его самого. На смертном одре Бхишма предсказал поражение кауравов:

В сей битве победу одержат пандавы, —
Затем, что пандавы, о милый мой, правы!

После смерти Бхишмы кауравы обратились за подмогой к Карне, сводному брату пандавов и сыну Кунти и Сурьи. По совету Карны войско кауравов возглавил Дрона, и сражение возобновилось. Дрона оказался таким же неуязвимым для вражеского оружия, каким был Бхишма, и положение пандавов ухудшалось с каждым днем. К исходу пятнадцатого дня сражения они лишились Друпеды, царя матсьев Вираты и

других союзников. И тут Кришна, зная о привязанности Дроны к своему сыну Ашваттхаману, предложил обмануть Дрону и сказать ему, что его сын погиб: «При этой вести Дрона потеряет силу, выронит свой лук, и тогда любой воин сможет его убить». Пандавы не хотели побеждать ложью, однако неудачи на поле брани вынудили их согласиться с предложением Кришны. Бхима убил в сражении слона по имени Ашваттхаман и закричал так, что было слышно по всей равнине: «Ашваттхаман умер!». Юдхистхира, которого Дрона умолял сказать, правда это или нет, подтвердил смерть Ашваттхамана. Дрона выронил лук и перестал сражаться, и сын Друпеды Дхриштадьумна обезглавил его.

Во главе войска кауравов теперь встал Карна, а младший сын Дхритараштры Духшасана вступил в поединок с Бхимой и был убит. Тем временем Карна по всему полю искал Арджуну, чтобы сразиться с ним. Описание их схватки носит поистине космический характер:

Один — слоновидный, другой — слонотелый,
Сверкали, казалось, клыки, а не стрелы!

Казалось, что поле — от падавших с гневом
Бесчисленных стрел — зашумело посевом.

Казалось, что поле войны непрерывным
Струящихся стрел заливадается ливнем.

Казалось, что стрелы и день поборолы,
Всеобщую ночь воздвигая на поле.

Пока шла эта перестрелка, на Курукшетре появился змей Ашвасена, чью мать когда-то сжег Арджуна. Решив ото-

мстить, он проник в колчан Карны и превратился в стрелу. Карна выпустил ее, но стрела, подгоняемая ненавистью змея, полетела быстрее, чем он рассчитывал, а Кришна, предугадавший развитие событий, тем временем погрузил колесницу Арджуны в землю. Стрела Карны лишь сбила с Арджуны венец, и Карна, не веря своему промаху, сразу вспомнил о проклятии Парашурамы. В тот же миг начало сбываться и другое проклятие — бога времени Калы, которого когда-то Карна оскорбил: колесница Карны начала погружаться в землю. Карна пытался вытащить ее; заметив, что Арджуна готовится выстрелить, он крикнул, чтобы тот не нарушал неписаных законов чести и не стрелял в пешего. Но Арджуна воскликнул:

Когда Драупади в одном покрывале
Тащили вы, платье с безгрешной срывали

С Духшасаной, с глупым Дурьодханой вместе, —
Ты думал о долге, законе и чести?

Когда для пандавов блужданья лесного
Окончился срок и ты не дал им снова

Воссесть на отцовском наследственном троне, —
Ты думал о долге, любви и законе?

А если не знаешь закона и долга,
Зачем языком ты болтаешь без толка?

Теперь-то закону ты вспомнил служенье,
Но поздно: погибнешь ты в этом сраженьи!

Он выстрелил в Карну из своего лука Гандивы, полученного от бога огня Агни, чудесной стрелой, которую «Махабхарата» сравнивает с ваджрой Индры. Стрела обезглавила Карну, пандавы ринулись на кауравов и обратили тех в бегство. Утром кауравы предприняли вылазку, но снова были разбиты, причем из сыновей царя Дхритараштры в живых остался только Дурьодхана. В поединке Бхима убил Дурьодхану, а войско кауравов было уничтожено; ускользнуть сумели только трое — во главе с сыном Дроны Ашваттхаманом. Ночью они пробрались в лагерь победителей и убили всех, кроме пятерых пандавов и Кришны.

Вернувшись с Курукшетры, Юдхиштхира воцарился в Хастинапуре и правил счастливо, но недолго: после нескольких лет царствования, узнав, что от лесного пожара погибли Дхритараштра, Гандхари и Кунти и что некий охотник убил Кришну, приняв его за оленя и поразив стрелой в пятку (единственное уязвимое место на его теле), он отрекся от престола в пользу внука Арджуны Парикшита и вместе с братьями и Драупади отправился в паломничество в Гималаи. Не выдержав тягот пути, первой умерла Драупади, затем погибли Сахадева, Накула, Арджуна и Бхима. Одному Юдхиштхире довелось вознестись живым на небо. Однако он до тех пор отказывался от райского блаженства, пока не избавил от мук подземного царства своих братьев. Вместе с ними и другими благородными воинами, павшими на поле Куру, Юдхиштхира навечно поселился на небе, среди богов. Так завершилась история о великой битве потомков Бхараты.

В этой битве не было ни победителей, ни побежденных — не было и не могло быть: ведь добро и зло суть одно, добрый поступок порождает злое деяние и наоборот, поэтому в конфликте нет ни абсолютно правых, ни безусловно виноватых.

Пандавы и кауравы — две стороны одной медали, два равноправных и равнозначных проявления феномена «единой нерушимой целостности» — сущности индийской мифопоэтической традиции.

«Мы знаем, что “целое” “Махабхараты” — плод творчества многих поколений, что этико-философская концепция была наложена на героическую основу эпоса в сравнительно позднее время и только тогда, когда появились потребность в ней и возможность ее художественного воплощения. Перестройка, которой подверглась “Махабхарата”, — именно вследствие своей постепенности и исторической обусловленности — была проведена с чувством такта и меры. Остались почти нетронутыми устная эпическая техника и оригинальный стиль “Махабхараты”. Героическое повествование сохранило неизменными свое содержание и сюжет, но только те же содержание и сюжет были рассмотрены и с новой точки зрения — этической. В согласии с дидактической установкой эпоса в него были включены неизвестные ему ранее разделы, однако эти разделы и формально и по существу были неразторжимо скреплены с эпическим рассказом. Не был отброшен даже тот героический пафос, который, как и любому другому эпосу, был присущ ранним версиям “Махабхараты”. Творцы поздней редакции поэмы умело использовали ее изначальный героический идеал, придав ему при этом иную окраску: они проповедовали необходимость активной, героической и в то же время бескорыстной деятельности уже не просто во имя славы и чести, но во имя исполнения высшего и непреложного морального закона. “Махабхарата” тем самым обрела философскую глубину, не утратив неувядаемого аромата сказания героического века. Художественный синтез, достигнутый в “Махабхарате”, сделал ее произведением удивительно многозначным, позволил читателю открывать в ней

все новые пласты мысли и образа. До нас дошла одна “Махабхарата”, но эта “Махабхарата” — и книга народной мудрости, и сказочный эпос, и философское наставление в законе и морали, и волнующая повесть о безвозвратно ушедшем героическом прошлом, каким оно запечатлелось в памяти новых поколений» (Гринцер).

В отличие от «Махабхараты», другой индийский эпос, «Рамаяна», относительно невелик — по своему объему он составляет лишь четверть «Махабхараты». Вдобавок эта поэма более «прямолинейна», в ней значительно меньше отступлений и вставных эпизодов, зато больше волшебства. Главная же особенность «Рамаяны» состоит в том, что эта поэма — литературное произведение; индийцы, как упоминалось выше, считают ее *адикавьей* — первым собственно литературным сочинением. «Если “Махабхарата” из эпоса героического в итоге стала эпосом героико-дидактическим, то “Рамаяна” от героического развивалась к эпосу литературному, в котором и древний сюжет, и способы описания оказались последовательно подчиненными задаче эстетического воздействия» (Гринцер).

В вишнуизме «Рамаяна» считается священной книгой, ибо повествует о земных деяниях Вишну, воплотившегося в человеке Рамачандре (Раме), — точно так же, как «небесная песнь» («Бхагавад-гита») «Махабхараты», поведенная Арджуне Кришной, другой аватарой Вишну. Но эта поэма — прежде всего рассказ не о божественных, а о человеческих свершениях и не о божественной, а о человеческой любви, той самой, что «сильнее всех начал».

Историческую основу «Рамаяны» исследователи видят в покорении ариями племен дравидийского юга, выходе ариев к океану и завоевании острова Цейлон (Шри-Ланка). Прав-

да, «Рамаяна» не именует себя ни *итихасой*, ни *пураной*, как «Махабхарата», и ее историческая основа, очевидно, — не более чем весьма искаженное эхо событий далекого прошлого.

История любви Ситы и Рамы имеет долгую предысторию, восходящую к временам, когда боги еще не покинули «срединный мир» и не удалились на небеса.

Великий подвижник Равана, по рождению принадлежавший к асурам, прославился во всех трех мирах своими аскетическими подвигами. Верховный бог Брахма рассудил, что столь усердное подвижничество не должно оставаться без награды, и предложил Раване исполнить любое его желание. Равана выбрал в дар могущество над богами и демонами-ракшасами (людей он считал недостойными своего внимания). Брахма выполнил его желание — и Равану словно подменили: он изгнал с Ланки своего сводного брата, бога богатства Куберу, остальных же богов заставил прислуживать себе (Агни был его поваром, Ваю подметал полы, Варуна носил воду и т. д.), а Индру победил и взял в плен (но потом отпустил по просьбе Брахмы). Встревоженные всемогуществом Раваны, боги пришли к Брахме и сказали: «О благословенный Господь, под твоим покровительством ракшас Равана постоянно беспокоит нас, поскольку ты даровал ему благословение. Мы беспомощны и вынуждены терпеть его страшные притеснения! Господин ракшасов, он беспрепятственно преследует жителей всех трех миров, низвергнув покровителей земли, он починил себе даже Индру. Нападая на мудрецов, якшей, гандхарвов, брахманов и другие живые существа, он попирает их ногой, твое покровительство сделало его нестерпимо горделивым. При его появлении солнце перестает светить в небе, ветер теряет свою силу, а океан, всегда украшенный гирляндами волн, затихает. О дарующий благосло-

вения, мы живем, мучимые этим несомненным ракшасом. О благословенный, придумай, как победить его!» Брахма задумался — и вдруг вспомнил, что Равана не попросил его о могуществе над людьми, то есть победить ракшаса сможет только человек.

В этот миг на совете богов появился Вишну, к которому боги и воззвали: «Ради блага всего живого во Вселенной мы обращаем к тебе свои молитвы! Монарх Дашаратха, правитель Айодхьи, добродетельный и щедрый, сияющий, как риши, имеет три жены, славных своим целомудрием и добродетелью. О Вишну, прояви себя в четырех обликах и воплотись их сыновьями! Сыграй роль смертного и в сражении победи Равану, могущественного мучителя миров, перед которым боги бессильны. Опьяненный своей безмерной силой, ракшас Равана поработил богов, гандхарвов, сиддхов и великих риши. Это чудовище изгнало из леса Нандана развлекавшихся там ганхарвов и апсар. Мы вместе с аскетами просим о его смерти. Сиддхи, гандхарвы и якши молят о защите, о господь, всегда повергающий врагов, Ты — наше высшее прибежище! Чтобы убить этого врага богов, низойди в мир людей!» Вишну согласился исполнить эту просьбу; другие боги должны были воплотиться в облике обезьян, чтобы помогать ему: «Индра создал Бали, царя обезьян, равного самому Махендре (Шиве), а Солнце, первое среди планет, породило Сугриву. Брихаспати дал рождение Таре, великой обезьяне, не имеющей соперниц и лишенной высокого разума. Сыном Дханады стал Гандхамадана, а Вишвакарман родил великую обезьяну Налу. Агни родил Нилу, сияющего, как огонь, доблестью превосходящего своего отца; близнецы Ашвины одинакового облика, наделенные красотой и богатством, породили Минду и Двividу, а Варуна дал жизнь Сушене. Шарабха стал сыном могущественного Парджаньи, тогда как любимым по-

томком Паваны (Ваю) стал Хануман, с телом твердым, как алмаз, способный летать столь же быстро, как и Гаруда».

Вишну явился царю Дашаратхе в образе чудесного существа с волосами, как львиная грива, свирепого, как разъяренный тигр, и сиявшего подобно солнцу. В руках это существо держало золотой сосуд, наполненный волшебными яствами. Существо поведало царю, что яства — плод царского жертвоприношения богам, они принесут царю сыновей и увеличат его могущество.

Старшая жена царя, Каушалья, съела половину яства, вторая, Кайкейи, — восьмую часть, младшая жена Сумитра — все остальное. Тотчас же каждая понесла дитя под сердцем. Первым родился сын Каушальи — Рама. Кайкейи родила Бхарату, а Сумитра — близнецов Лакшману и Шатругхну.

Царевичи росли, обучаясь, как подобало кшатриям, ратному делу и искусству управления государством. Однажды ко двору Дашаратхи пришел отшельник Вишвамित्रа и попросил царя отпустить с ним Раму — защищать обитель отшельника от ракшасов. Опасаясь гнева Вишвамитры в случае отказа, царь нехотя согласился, и Вишвамित्रа с Рамой и Лакшманой, который был сильно привязан к своему старшему брату, покинули Айодхью. Они переправились через Гангу, водами которой отшельник благословил братьев и предрек им великое будущее, и вступили в лес, где Рама убил первого ракшаса и получил в награду от Вишвамитры волшебное оружие богов: оно появлялось на поле боя по желанию своего владельца и всегда приносило победу.

Некоторое время спустя Вишвамित्रа позвал Раму и Лакшману с собой в царство Митхила, правитель которого Джанака готовился совершить великое жертвоприношение. От Джанаки Рама узнал о божественном луке Шивы, которым бог потрясал когда-то на жертвоприношении Дакши. Когда

Рама и Лакшмана охотятся на оленя. Индийская миниатюра (XVII в.).

его гнев остыл, он согласился передать лук на хранение царю Деварате, предку Джанаки, и теперь этот лук хранился в Митхиле.

У Джанаки была дочь, прекрасная Сита, и царь объявил, что мужем ее станет тот, кто сумеет надеть тетиву на лук Шивы. По совету Вишвамитры Рама решил попробовать свои силы:

Мудрец и Митхилы властитель вскричали: «Отменно!»
И Рама рукою за лук ухватился мгновенно.

И поднял, как будто играючи, над головою,
И туго сплетенной из мурвы стянул тетивую.

Внезапно раздался удар сокрушительный грома:
Десницей могучей царевич напруг до излома

Оружье, что Джанаки роду вручил Махадева!
В беспамьятстве люди попадали справа и слева,

Лишь царь да мудрец Вишвамित्रа да Рагху потомки
Смогли устоять, когда лук превратился в обломки.

«Воитель, сломавший божественный лук Махадевы,
Достоин моей, не из лона родившейся, девы¹.

Явил он безмерное мужество нашему дому! —
С волнением сказал государь Вишвамित्रе благому. —

А Сита прославит мой род, если станет женою
Великого Рамы, добыта отваги ценою»².

¹ Мурва — разновидность конопли, из волокон которой изготавливались тетивы луков и священные шнуры. Махадева — эпитет Шивы. Рагху — родоначальник рода Дашаратхи. Сита («борозда») поднялась из земли навстречу Дашаратхе, когда он совершал ритуальное вспахивание поля; вишнуиты считают ее воплощением богини Лакшми, а по тибетской и малайской версиям «Рамаяны» Сита — дочь Раваны, покинутая своими родителями.

² Здесь и далее цитаты из «Рамаяны» в переводе В. Потаповой.

Свадьба Рама и Ситы. Миниатюра школы пахари (XVIII в.).

Царь назвал Раму женихом Ситы. Когда из Айодхьи прибыл Дашаратха с остальными сыновьями, была сыграна свадьба. Рама женился на Сите, Лакшмана — на приемной дочери Джанаки, Бхарата и Шатругхна — на его племянницах. Некоторое время спустя вторая, любимейшая жена Дашаратхи, подзуживаемая своей служанкой, убедила Дашаратху, что называться наследником престола достоин не Рама, а ее сын Бхарата. Раму же нужно отправить в изгнание на четырнадцать лет. Дашаратха долго не соглашался, но в конце концов уступил настояниям Кайкейи. Узнав волю отца, Рама покорно принял ее и вместе с Лакшманой и Ситой покинул Айодхью и отправился в изгнание.

От тоски по сыну Дашаратха вскоре умер. Бхарата, который гостил у своего дяди, увидел вещий сон и поспешил вернуться в Айодхью. Там он узнал о смерти отца и об изгнании брата, а также — о том, какую роль во всем этом сыграла его мать, царица Кайкейи. Осыпав мать упреками, он предал со-

жжению тело отца, совершил погребальные обряды и направился на поиски Рама. После долгих скитаний он нашел брата в хижине посреди леса, рассказал ему обо всем, что произошло в Айодхье, и умолял вернуться. Но Рама отказался — ведь умерший царь не отменил свою волю, поэтому престол по праву принадлежит Бхарате. Тогда Бхарата взял сандалии Рама, изукрашенные золотом, и сказал, что станет царем, но править будет от имени Рама, а эти сандалии послужат знаком законного правителя, который рано или поздно воссядет на трон.

После этого братья расстались: Бхарата двинулся обратно в город, а Рама, опечаленный вестью о смерти отца, решил продолжить отшельничество. Но его уединение было грубо нарушено: в хижину отшельника явилась демоница-ракшаси, сестра Раваны, и стала соблазнять Раму. Когда же тот сказал, что верен жене, демоница напала на Ситу. Рама схватил ее, связал и велел Лакшмане отсечь ей нос и уши, а потом отпустить. Освобожденная ракшаси призвала на помощь своего второго брата Кхару, который с огромным войском подступил к хижине отшельника. Рама спрятал Ситу в пещере и оставил ее на попечение Лакшманы, а сам выступил против ракшасов. Своими стрелами с золотыми наконечниками он уничтожил четырнадцать тысяч демонов во главе с Кхарой, спастись удалось лишь одному, который бежал с поля боя и принес весть о гибели войска царю ракшасов Раване.

Раздумывая над тем, как отомстить Раме, Равана решил похитить Ситу и унести ее на Ланку. По велению Раваны ракшас Марича принял облик золотого оленя и появился вблизи хижины отшельника. Сита восхитилась красотой животного и попросила Раму поймать оленя. Рама отправился на охоту, олень уводил его все дальше от хижины, а тем временем Сита отправила Лакшману, который оставался с ней, на

подмогу Раме. В отсутствие обоих братьев Равана явился Сите в образе святого, но быстро сбросил личину и стал убеждать царевну покинуть Раму:

Я тот, кто мирам и насельникам их угрожает, —
Богам их, царям их, отшельникам их угрожает.

О Сита, я — Равана, демонов раджа всевластный!
Увидя шелками окутанный стан сладострастный

И негу твоей отливающей золотом кожи,
Делить перестал я с несчетными женами ложе.

О робкая, зваться ты будешь царицею главной,
Как Ланка зовется столицею великославной.

По рощам ты станешь гулять, богоизбрана мною,
Расставшись охотно с обителью этой лесною.

Толпой пяти тысячной будут всечасно служанки
Творить угожденье супруге властителя Ланки.

Сита отказалась прислушаться к его уговорам, и тогда Равана принял свой истинный облик — десятиглавого исполина. Левой рукой притянул Ситу за волосы, а правой обхватил ее бедра, вскочил на стоявшую неподалеку колесницу, и та взмыла в небо и понеслась в сторону Ланки.

Рыдания Ситы пробудили старого царя ястребов Джатайю, который некогда водил дружбу с Джатаратхой. Ястреб напал на колесницу Раваны, ударами клюва убил коней и возничего, расколол лук и щит царя демонов и разбил саму колесницу. Однако Равана успел пронзить его тысячей стрел,

а потом отрубил ему лапы и крылья, после чего подхватил Ситу на руки и полетел дальше. Когда они пролетали над горной цепью, Сита вдруг заметила на одной из вершин пятерых обезьян. Она оторвала от своего платья желтый лоскут и бросила его вниз — в надежде, что обезьяны подберут этот лоскут и передадут его Раме.

Между тем Рама с Лакшманой вернулись к хижине и обнаружили, что в ней пусто. Охваченный отчаянием, Рама принялся спрашивать у окрестных деревьев и обитателей леса, что случилось с Ситой, но все хранили молчание; только стадо оленей убежало на юг и тут же возвращалось. Братья наконец догадались, что олени указывают им дорогу, и поспешили в том направлении. Вскоре они наткнулись на обломки золотой колесницы, среди которой лежал умирающий Джатайя. Ястреб поведал, что Симу унес Равана, и предрек Раме победу над демоном. Продвигаясь на юг, братья освободили от проклятия ракшаса Кабандху, который в предыдущем рождении был полубогом. Прежде чем вознестись на небо в колеснице, запряженной лебедями, спасенный посоветовал Раме идти к озеру Пампа, в пещере на берегу которого скрывается утративший свое царство повелитель обезьян Сугрива. Этому существу было суждено помочь сыновьям Дашаратхи спасти Ситу.

Сугрива лишился престола по вине своего брата, коварного Бали, и поначалу, заметив Раму с Лакшманой, он заподозрил в них лазутчиков Бали, а потом выслал им на встречу Ханумана, сына обезьяны и бога ветра Ваю, способного летать по воздуху и принимать любое обличье.

Ханумана нередко называли лучшим среди обезьян. Он славился чудовищной силой, выдергивал из земли деревья и обладал способностью делаться невидимым. Едва родившись,

он ощутил острый голод, увидел в небе солнце и принял его за съедобный плод. Он прыгнул в небо, светило в испуге бросилось бежать, и только вмешательство Индры, метнувшего в Ханумана молнию, остановило погоню. Ваю, разгневанный тем, что с его сыном столь жестоко обошлись, проник во внутренности богов, и всех небожителей стали мучить колики. Индра взмолился о пощаде и посулил даровать Хануману бессмертие; только тогда Ваю прекратил терзать богов, а Хануман таким образом стал бессмертным. О себе он говорил так: «Я сын Ваю, который крушит горные вершины и дружит с огнем. Могущественный и бесконечный, он гуляет по всей вселенной. Великая душа, он стремителен и быстр. Тысячу раз я, не останавливаясь, могу обойти огромную гору Меру, достигающую небес. Своими сильными руками, расплескивая море, я могу затопить мир с его горами, реками, озерами, а могучими бедрами и ногами я заставлю океан, обитель Варуны с ее гигантскими обитателями, выйти из берегов. Пока почитаемый всеми Гаруда, питающийся змеями, один раз пересечет вселенную, я могу тысячу раз обежать вокруг него. Более того, одним прыжком я могу достать славное солнце, появляющееся на небосводе в ореоле лучей, прежде чем оно скроется на западе. Я могу прыгнуть выше звезд и планет, иссушить океан и расколоть землю. Горы разрушатся, не выдержав тяжести моих шагов, безграничной силой своего прыжка я заставлю море выйти из берегов».

У. Гобл. Рама и Хануман (XIX в.).

Узнав, кто такие Рама и Лакшмана, Хануман пригласил их к Сугриве. Тот рассказал братьям о своей беде, сыновья Дашаратхи поведали о своей. Было решено, что Рама поможет Сугриве победить коварного Бали, а Сугрива, в свою очередь, поможет Рама отыскать Ситу. Рама сдержал свое слово, однако Сугрива, вновь воцарившись над обезьянами, не спешил выполнять обещание. Так минул год; наконец рассерженный Рама послал к Сугриве своего брата:

Царевич! Слетаются птицы к озерам спокойным.
Черед между тем наступает раздорам и войнам.
Для битвы просохла земля, затвердели дороги,
А я от Сугривы доселе не вижу подмоги.

Напоминание подействовало, Сугрива стал созывать своих подданных и союзников-медведей. Собравшееся войско разделили на четыре части — по сторонам света. Возглавить южный отряд выпало наследнику Сугривы Ангаде и Хануману. Рама дал последнему свой именной перстень, по которому Сита должна понять, что Хануману можно доверять. Северный, восточный и западный отряды вернулись через месяц с неутешительными вестями; южный же отряд продолжал движение и наконец вышел к океану. Там на обезьян едва не напал коршун Сампати, родной брат ястреба Джатайи, но недоразумение быстро уладилось. Коршун сообщил, что Равана унес Ситу на остров Ланка, посреди которого стоит город с царским дворцом: «Сын Вишравасу и брат Куберы, этот демон по имени Равана живет в городе Ланка, возведенном Вишвакарманом. Остров Ланка лежит в ста *йоджанах*¹ отсю-

¹ Йоджана — индийская мера длины, равная приблизительно 13–14 км.

да посреди океана. Он окружен золотыми стенами, воротами и валами из золота *канчана*, величественные дворцы с золотом *хема* украшают его. Огромные стены, сияющие, как солнце, окружают его. Там находится несчастная Ваидехи, облаченная в шелковые одежды. Равана заточил ее в своих покоях под охраной демониц. Там вы найдете Ситу. В четырехстах милях отсюда на южном берегу моря живет Равана. О обезьяны, скорее поспешите туда и явите вашу доблесть! Неведомое чувство подсказывает мне, что, увидев это место, вы вернетесь. Первыми путь туда преодолели сорокопуты с раздвоенным хвостом и все, питающиеся зерном. Вторыми были те, кто питаются насекомыми и фруктами; третьими были петухи, а четвертыми — цапли, ястребы и хищники; пятыми стали стервятники, шестыми — сильные, молодые и красивые лебеди, а последними — ястребы». Едва он это промолвил, у него отросли крылья, когда-то опаленные солнцем; так сбылось предсказание отшельника, который некогда предрек Сампати: «Когда ты встретишь посланцев Рамы, разыскивающих дивную царицу Митхилы, и поможешь им чем-нибудь, твои крылья снова станут длинными и сильными».

Океан казался непреодолимой преградой, поскольку обезьяны не умели плавать, а перепрыгнуть расстояние в сто йоджан никто из них был не в состоянии. Но тут Хануман, умевший произвольно менять облик, увеличился в росте до исполинских размеров, уперся ногой в гору Махендра — и прыгнул. «Под тяжестью шагов Ханумана из горных трещин хлынула вода, словно сукровица на висках у слона во время гона, а вместе с нею потоки золота и серебра. От скал стали отрываться громадные валуны с красным мышьяком, напоминая жаровню в клубах дыма. Обитатели горных пещер, искалеченные и задохнувшиеся, с криком выскакивали наружу, поднятый ими невероятный шум заполнил вселенную.

Великие змеи, раскрыв свои капюшоны, извергали пламя и кусали скалы своими клыками. Огромные скалы трескались от этого яда и, падая в огонь, разлетались на тысячи кусков. Лечебные травы на склонах горы, залитые ядом, утратили свою силу. Аскеты и видьядхары со своими девами бежали в ужасе, думая, что какие-то великаны раскалывают гору. Они покинули свои золотые кушетки, побросали бокалы и изящные золотые сосуды, позабыв о бесценных винах, изысканных соусах и всевозможных яствах, шкурах и мечах с рукоятками из золота канака. Охмелевшие от вина, с золотыми цепями на шеях, украшенные драгоценностями, гирляндами и красным сандалом, с глазами прекрасными, как голубые лотосы, небожители вознеслись в воздух. Сверкая нитками жемчуга, кольцами и браслетами, они изумленно улыбались, паря в небесах рядом со своими возлюбленными. Махариши и видьядхары застыли, глядя на великое чудо».

Во время полета Ханумана подстерегало множество опасностей. Меняя размеры тела, он сумел ускользнуть от разверстой пасти прародительницы змей Сурасы, затем счастливо избежал гибели в лапах ракшасы Симхики, умевшей хватать живые существа за отбрасываемую ими тень. Наконец он увидел перед собой остров Ланка.

Как в небе осеннем густых облаков очертанья,
Белеют в сиянье луны исполинские зданья.

Достойное место нашли бы в столице Куберы
Их башни и своды порталов, прекрасных сверх меры.

Как в царстве змеином подземная блещет столица,
Так сонмом светил озаренная Ланка искрится.

Хануман поклоняется Рама. Индийская миниатюра.
Рядом с Рамой — Сита и Лакшмана.

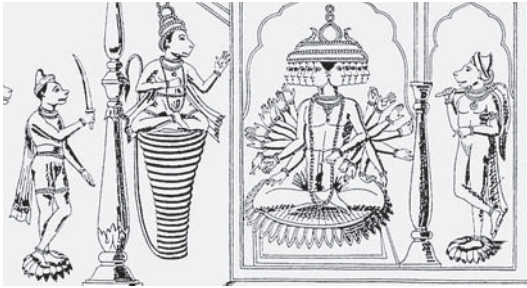
Под стая Амаравати — Индры столице небесной,
Стеной золотой обнесен этот остров чудесный
От ветра гудит, в океан обрываясь отвесно.

Кольшутся стяги, и кажется музыкой дивной
Висящих сетей с колокольцами звон переливный.

Когда наступила ночь, Хануман проник в город и, миновав по пути множество уродливых видом ракшасов, пробрался в царский дворец. Чтобы отыскать Ситу, ему пришлось приложить немало усилий и потратить немало времени: дворец Раваны был чрезвычайно велик. Очувшившись в опочивальне Раваны, Хануман было решил, что нашел Ситу, но это оказалась Мандодари — старшая жена царя ракшасов. Лишь покинув дворец и проскользнув мимо стражи в священную рощу, он отыскивал супругу Рамы: она находилась в роще в окружении демониц-ракшаси. Наутро Хануман стал свидетелем очередных уговоров Раваны, обращенных к Сите¹; когда демон наконец удалился, Сита, отчаявшаяся и измученная, решила покончить с собой и приблизилась к дереву, в ветвях которого прятался Хануман. Царь обезьян окликнул ее и показал перстень Рамы. Он предложил Сите сесть к нему на спину, уверяя, что перенесет ее через океан, но она отказалась и дала Хануману драгоценный камень, наказав передать Раме: «Пусть сыновья Дашаратхи поскорее придут ко мне на помощь со своим обезьяньим войском».

Прежде чем отправиться в обратный путь, Хануман разорил священную рощу Раваны, разрушил в городе множество

¹ Равана не мог взять Ситу силой: некогда Брахма проклял его за то, что он насильно овладел апсарой Панджикастхалой, и предрек, что в следующий раз от такого поступка голова Раваны разорвется на тысячу частей.

Дж. Хиггинботам. Равана и Хануман (1864 г.).

дворцов и перебил многих ракшасов, отделавшись сам всего лишь подпаленным кончиком хвоста. Этим опаленным хвостом, «сопричастным огню», он поджег уцелевшие дворцы, и всю Ланку объяло пламя пожара. А потом оттолкнулся от вершины горы Аршита и с ужасающим ревом, от которого содрогнулся весь остров, взлетел в небо.

Он благополучно добрался до материка, не мешкая отправился к Рама, передал тому драгоценный камень и рассказал обо всем, что видел и что сделал. Рама повел войско к океану. Узнав об этом, Вибхишана, младший брат Раваны, просит царя вернуть Ситу Рама, пока не стало слишком поздно: «Сила Рама необорна, а месть — ужасна». Но Равана не пожелал прислушаться к его словам, тогда Вибхишана с четырьмя верными спутниками бежал с острова и примкнул к Рама. Восхищенный его поступком, Рама назначил Вибхишану грядущим правителем Ланки.

По совету Вибхишаны Рама совершил поклонение океану, и Владыка вод открыл Рама, что в его войске есть обезьяна Нила (сын божественного зодчего Вишвакармана), которой под силу построить мост от материка до острова. Еще Владыка вод пообещал, что океанские воды будут поддерживать этот мост. Не прошло и пяти дней, как мост длиной

в сто йоджан был построен, и войско Рамы переправилось на Ланку.

Рама отправил к Раване посла, предлагая в последний раз решить дело миром, но Равана приказал схватить посланника (тот сумел вырваться и бежать, сорвав золотую крышу со дворца царя ракшасов). Стало очевидным, что битва неизбежна. Схватка началась ночью, и поначалу преимущество было на стороне обезьяньего войска, но затем в бой вступил сын Раваны Индраджит, который своими чудесными стрелами «нарача» и «ардха-нарача» смертельно ранил Раму и Лакшману. Сыновей Дашаратхи спасло только неожиданное появление божественной птицы Гаруды:

Волшебным огнем воссиял из потемок пернатый
Божественный Гаруда, этот потомок Винаты.

И змеи, что стрелами были в руках чародея,
Змеиной природе противиться дальше не смея,

Проворно из ран ускользнули при виде Супарны.
Ведь змей пожирателем издавна слыл Огнезарный!

Царь птиц, наклоняясь над мужами в зияющих ранах,
Безмолвно коснулся перстами их лиц осиянных.

И зажили раны лежащих на доблести ложе
Оделись тела золотистой атласистой кожей,
Отваги и силы обоим прибавилось тоже¹.

¹ Вината — жена риши Кашьяпы и мать Гаруды. Супарна — эпитет Гаруды.

Узнав о чудесном исцелении сыновей Дашаратхи, Равана сам повел в бой своих ракшасов. Битва закипела с новой силой. От рук Раваны пострадали Сугрива и мостостроитель Нила, был тяжело ранен Лакшмана, пораженный стрелой, которую некогда даровал Раване сам Брахма; от верной смерти Лакшману спас Хануман, в последний момент сумевший отвести от юноши копьё Раваны. После этого Хануман вынес Лакшману из битвы, а против Раваны вышел Рама. Своими стрелами он убил колесничего, разбил саму колесницу, расколол щит и лук царя ракшасов, сбил с головы Раваны царский венец — но не стал наносить смертельного удара и великодушно отпустил Равану.

Дж. Хиггинботам. Смерть Раваны (1864 г.).

Царь ракшасов обратился к последней надежде — своему брату Кумбхакарне, силы которого боялись даже боги; поэтому они наслали на Кумбхакарну великий сон, от которого тот пробуждается раз в шесть лет, чтобы утолить голод. Равана испробовал все средства, чтобы разбудить брата, но его попытки так и остались бы тщетными, если бы Кумбхакарна не проснулся самостоятельно — от голода. Утолив голод, Кумбхакарна выехал на битву, и обезьяны в страхе бежали перед ним, но потом все же устыдились и вернулись на поле брани — несмотря на то что Кумбхакарна продолжал сеять опус-

ИНДИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ

тошение в их рядах. Предел его подвигам положил меткий выстрел Рамы:

Все стороны света, летящая неотвратимо,
Наполнила блеском стрела, пламеня без дыма.

И, видом своим устрашая, как Агни ужасный,
Настигла она Кумбхакарну, как бог огневластный.

И с парой ушей Кумбхакарны кувшинообразных,
И с парой красиво звенящих подвесок алмазных,

С резцами, с клыками, торчащими дико из пасти,
Мгновенно снесла она голову сыну Пуластыи.

Сверкнула в серьгах голова исполинская вроде
Луны, что замешкалась в небе при солнца восходе.

Упала она, сокрушила жилища и крепость,
Как будто хранила в себе Кумбхакарны свирепость.

Оправившийся от ранения Лакшмана убил Индраджита, снеся ему голову стрелой самого Индры. Разгневанный гибелью сына, Равана вновь выехал на поле битвы и в жаркой схватке смертельно ранил Лакшману. Но Хануман быстрее молнии помчался в Гималаи, где растут чудесные травы, возвращающие дыхание жизни. Травы прятались от него, поэтому он вырвал из земли и принес на Ланку гору целиком, а предводитель медведей Джамбаван отыскал травы и воскресил ими Лакшману.

В этот миг в ход сражения вмешались боги: Индра послал Раме свою колесницу. Поединок Рамы с Раваной заставил всех остальных замереть в изумлении:

На ракшаса и человека в немом изумленье
Два войска глядели, внезапно прервав наступленье.

Сердца у бойцов колотились, но замерли руки,
Сжимавшие копья, дубины, секиры и луки.

И зрелищем странным казались огромные рати,
Что, двух вожаков созерцая, застыли некстати.

В конце концов Рама поразил Равану стрелой, когда-то
врученной Брахмой Индре, дабы тот завладел тремя мирами.
Впоследствии эта стрела хранилась у мудреца Агастья, а он
передал ее Раме.

В ее острие были пламя и солнца горенье,
И ветром наполнил создатель ее оперенье.

А тело стрелы сотворил из пространства. Ни Меру,
Ни Мандаре не уступала она по размеру.

Стрела златоперая все вещества и начала
Впитала в себя и немислимый блеск излучала.

Окутана дымом, как пламень конца мирозданья,
Сверкала и трепет вселяла в живые созданья.

Со смертью Раваны битва закончилась. Рама, как и обещал, сделал Вибхишану правителем Ланки, а сам попросил Ханумана найти Ситу. Тот привел Ситу к мужу, но Рама отказался принять ее: женщина, столь долго пребывавшая в доме другого мужчины, не может быть вновь принята мужем высшего рода. Решено было устроить испытание для доказательства невинности Ситы. Она попросила сложить погреб-

Дж. Хиггинботам. Сита и Рама (1864 г.).
Позади Рама стоит Лакшмана.

бальный костер. Едва пламя вспыхнуло, из него возник громадный человек в багровых одеждах — сам бог Агни — с Ситой на руках. Невинность Ситы была доказана; Рама с Ситой, Лакшманой и друзьями взошел на летающую колесницу Пушпаку, когда-то захваченную Раваной у Куберы, и отправился домой.

Бхарата уступил брату престол, и Рама венчался на царство.

Как замечал П.А. Гринцер, видимо, именно здесь заканчивалась древняя «Рамаяна», однако поздние сочинители «литературного периода» прибавили к поэме еще одну книгу, повествующую о последующей судьбе Рама и Ситы.

Рама счастливо правил Айодхьей на протяжении десяти тысяч лет. Но вот среди его подданных началось брожение: люди твердят, что царю не стоило забирать назад жену, оскверненную пребыванием у ракшаса. Не зная, как справиться с этим недовольством, Рама отослал Ситу в тайное изгнание в лесную обитель отшельника Вальмики. Сопровождал Ситу Лакшмана; он и открыл царице истинную причину ее изгна-

ния — а между тем Сита носила под сердцем наследника Рамы. Рама продолжал править в Айодхье, а Сита жила у Вальмики, благополучно разрешившись от бремени двумя сыновьями — Кушой и Лавой. Когда мальчики подросли, Вальмики обучил их «Рамаяне».

Настал день, когда Рама должен был совершить жертвоприношение коня (*ашвамедха*) в знак того, что достиг вершин могущества. На празднество прибыли Вальмики и Сита с сыновьями. Рама признал сыновей и объявил во всеуслышание, что никогда не сомневался в верности жены, а отослал ее, дабы унять брожение подданных: «Пусть же она докажет свою невинность народу!» По слову царицы земля разверзлась и Сита скрылась в ее недрах. Опечаленный новым расставанием с супругой, Рама передал царство сыновьям, а сам сделался подвижником в ожидании того мгновения, когда смерть лишит его телесного облика. После смерти он вознесся на небо, где вновь повстречал Ситу — уже навсегда.

Так заканчивается поэма о любви Рамы и Ситы и о низвержении Раваны.

В XVI в. индийский поэт Тулси Дас переложил «Рамаяну» в своей поэме «Море подвигов Рамы». В этой поэме подробно описано утопическое «царство Рамы» — гармония взаимоотношений правителя и подданных на фоне безукоризненного соблюдения всех кастовых различий и ограничений,

У. Гобл. Сита находит Раму (XIX в.).

ИНДИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ

всеобщее благоденствие, не знающее бедности, лишений и страданий. Метафора стала настолько популярной, что сегодня упоминания о «царстве Рамы» нередко можно встретить в выступлениях политиков. В религиозной философии оно противопоставляется Калиюге — этому «смутному времени», когда дхарма стоит всего-навсего на одной ноге, а люди погружены в лжи, ненависти и невежестве.

Две поэмы, два величайших творения человеческого духа. Два свидетельства о тех временах, когда космос, сотворенный богами и казавшийся безвременным и неизменным, начал оскудевать, изнашиваться и ветшать. О временах, когда бессмертные боги удалились из мира, уступили его существам из плоти и крови; о временах, когда, говоря словами М. Элиаде, пролегла граница между сакральным и мирским. «Сакральное и мирское — это два способа бытия в мире, две ситуации существования, принимаемые человеком в ходе истории. Эти способы бытия в мире представляют интерес не только для истории и социологии, не только как объект исторических, социологических и этнографических исследований. Ведь священный и мирской способы существования свидетельствуют о различии положения, занимаемого человеком в космосе». Восстановить прежнее, «полноценное» состояние мироздания был призван ритуал, игравший — и продолжающий играть — столь существенную роль в индийской мифопоэтической традиции. «Соприродный акту творения, ритуал как бы соединял изначальное, божественное время-пространство с человеческим» (Альбедиль). Важнейшим ритуалам индийцев, древних и современных, посвящена следующая глава нашей книги.

Глава 6

«ЗАЖЖЕННЫЙ, ДАЙ НАМ БОГАТСТВО НА СЧАСТЬЕ»: ритуал в индийской культуре

Миф и ритуал. — Космический закон рита. — Вечное возвращение. — Новогодние ритуалы. — Пуруша. — Космогоническое жертвоприношение. — Строительные ритуалы. — Возведение алтарей. — Агничаяна. — Шраута-ритуалы. — Раджасуя. — Ваджапея. — Ашвамедха. — Жрецы. — Брахманическая обрядность и ритуалы брахманов. — «Духовное жертвоприношение» упанишад. — Ашрамы. — Четыре стадии развития личности. — Веды и упанишады. — Аскетизм. — Яджна и пуджа. — Индийские храмы. — Свастика и лотос. — Магия плодородия и магические ритуалы. — Имя как священнодействие. — Три пути к истине. — «Радостные проявления народного духа». — Лунный календарь. — Ракхи пурнима. — Дашара. — Дивали. — Холи. — Шиваратри. — Ганеша-чатуртхи. — Раманавами и Джанмаштами. — Датта Джаянти. — «Еретические праздники».

Пожалуй, никакая другая мифопоэтическая традиция не связана с ритуалом столь тесно, как традиция индийская. Для носителей индийской культуры не существовало вопроса,

который вот уже третье столетие, с момента возникновения мифологии как научной дисциплины, изучающей мифы, вызывает споры между исследователями: что возникло раньше — миф или обряд? Индийцу, воспринимавшему миф и обряд как единое, неразрывное целое, этот вопрос показался бы бессмысленным.

В ведийский период, когда в обществе господствовало представление об универсальном космическом законе рита, который одновременно являлся для ариев и законом этическим, регулирующим все общественные отношения, — в ведийский период неразрывность мифа и ритуала ощущалась наиболее полно. «Современные исследователи архаичной культуры пришли к убеждению о том, что ритуал занимает центральное место в жизни архаичных коллективов, определяя цель и смысл этой жизни и давая правила ее организации во все ключевые моменты. Для ведийского ария как члена такого коллектива, принадлежащего к традиционной культуре, не было выбора в образе жизни и типе поведения — все регулировалось ритуалом и обычаями, переходящими из поколения в поколение от так называемых “отцов” (питаров) — родоначальников семей, которым принадлежали наиболее древние мандалы РВ и след которых уходил в мифологическое прошлое. Ритуал не требует для себя мотивировок в силу своей прагматичности, поскольку вполне достаточной является ссылка на положительный опыт предков. Служа каналом для передачи информации, ритуал пронесит опыт предков к потомкам» (Елизаренкова).

Эта «ссылка на опыт предков» — не что иное, как проявление идеи «вечного возвращения», исследованной М. Элиаде, идеи цикличности мироздания, раскрывающейся как регулярный распад космоса, торжество хаоса и осуществление нового акта творения для создания упорядоченного мира.

В мифологии эта идея цикличности выразилась в представлении о дне и ночи Брахмы; в обрядности она получила свое выражение в праздновании наступления нового года.

Для архаического сознания настоящее есть не более чем повторение изначальных архетипов. То, что было создано в процессе творения во «время оно», воспроизводится вновь и вновь в новогоднем ритуале, участники которого тем самым как бы заново входят в «изначальный» мир и оказываются внутри мифа. «Периодическое возрождение Времени предполагает более или менее явно — особенно в исторических цивилизациях — новое Сотворение, иначе говоря, повторение космогонического акта... Любой Новый год — это возобновление Времени с его начала. В конце года и в преддверии Нового года повторяются мифические мгновения перехода от Хаоса к Сотворению Мира» (Элиаде). Как писала Т.Я. Елизаренкова, новогодний ритуал был, по-видимому, самым крупным празднеством в обществе ведийских ариев. «Помимо обычных жертвоприношений: сооружения жертвенного костра, алтаря, совершения жертвенных возлияний, принесения жертв и исполнения хвалебных гимнов (что считалось не менее важной частью ритуала почитания богов, чем подносимые им материальные приношения), — устраивались специальные ритуальные со-

Богиня Ганга.
Бронза (XII в.).

стызания в поддержку возобновления жизни в новом году. Наряду с военными состязаниями и гонками колесниц, первостепенную роль играли словесные поединки поэтов-жрецов, наградой же победителю были все те жизненные блага, на которые может рассчитывать ведийский арья, живя в мире, организованном по закону рита».

Жертвоприношения в канун нового года уподоблялись знаменитому жертвоприношению Пуруши: принося свои жертвы, арии опирались на «модель», установленную богами, которые расчленили первочеловека Пурушу и создали из его тела мир:

Из этой жертвы, полностью принесенной,
Было собрано крапчатое жертвенное масло.
Он сделал из него животных, обитающих в воздухе,
В лесу и (тех), что в деревне.

Из этой жертвы, полностью принесенной,
Гимны и напевы родились,
Стихотворные размеры родились из нее,
Ритуальная формула из нее родилась.

Из нее кони родились
И все те (животные), у которых два ряда зубов;
Быки родились из нее,
Из нее родились козы и овцы.

Далее гимн гласит:

Дух его луной обернулся
солнце оком его сияет
губы стали Агни да Индрой
обратилось ветром дыханье.

Воздух пуп его земля ноги
из главы же небо явилось
ухо стало странами света
так богами был мир устроен.

Семь поленьев в срубе костровом
трижды семь в костре для сожженья
боги ради жертводаянья
привязали Пурушу-жертву.

Жертвой в жертву жертве боги воздали
так впервые было жертводаянье
возвратилась эта сила на небо...

Космогонический характер носили и ритуалы, как их назвал М. Элиаде, строительные. «Все ритуалы имитируют божественный архетип, постоянная их реактуализация имеет место в тот же мифический вневременной момент. Однако строительные ритуалы открывают нам еще имитацию, а значит — реактуализацию космогонии. Со строительством каждого дома начинается “новая эра”. Всякое строительство есть абсолютное начало, то есть стремится воссоздать первоначальный момент, полноту настоящего, не содержащего ни малейшего следа “истории”. Строительство является новой организацией мира и жизни. Современному человеку достаточно было бы лишь немного больше восприимчивости к чуду жизни, чтобы при строительстве нового жилища или вселении в него вновь обрести ощущение обновления (точно так же, как Новый год сохраняет еще в современном мире значение конца прошлого и начала “новой жизни”». Эта «строительная имитация» божественного деяния проявлялась, в частности, при возведении алтарей (храмов арии еще не стро-

или). Строительство алтаря начиналось с установки жертвенного столба (*юпа*) — аналога мировой оси или мирового дерева. Рядом с юпой сооружался сам алтарь, точнее, три алтаря, строго ориентированных по линии «восток—запад» (*прачи*). Первый (восточный) алтарь был квадратным и символизировал небесный мир; второй (западный) алтарь был круглым и олицетворял мир земной; третий, полукруглый алтарь помещался к югу от первых двух и символизировал воздушное пространство между небом и землей. В «Шатапатха-брахмане» говорится, что вода, в которой замешивают глину для строительства алтаря, есть изначальная вода; глина, служащая основанием алтаря, есть сама земля; боковые стенки алтаря обозначают воздух. Кирпичи алтаря называются днями: «Алтарь огня есть год. Ночи — камни его ограды, их 360, потому что в году 360 ночей; дни — кирпичи, потому что этих кирпичей 360, а в году 360 дней». Через строительство алтаря воссоздается космическое время: «Алтарь огня имеет пять слоев (каждый слой — это время года), пять времен года составляют год, и Агни (алтарь) есть год. Праджапати же, распавшийся на куски, есть год, и пять частей его тела, распавшегося на куски, — времена года. Пять времен года, пять слоев. И когда кладут слой на слой — это из времен года строят Праджапати. Так что эти пять частей его тела, которые суть времена года, они суть восточные страны, пять восточных стран, пять слоев. И когда кладут слой на слой — это из восточных стран строят Праджапати, который есть год».

Сооружение алтаря Агни — *агничаяна* — длилось около года и сопровождалось многочисленными обрядовыми действиями. В жертву богу приносили пять животных, их головы замуровывали в основании алтаря, а тела бросали в ту воду, в которой замешивали глину для кирпичей. Самых кирпичей требовалось 10 800 штук, причем каждый получал

Речная богиня Ямуна. Резьба по камню (IX в.).

свое наименование и символическое значение (так, «Шатапатха-брахмана» называет два из этих кирпичей «временами года») и устанавливался в кладку с определенными ритуалами и произнесением соответствующих заклинаний. Как гласит ригведийский гимн:

Этот алтарь — крайняя граница земли.

Это жертвоприношение — пуп мироздания.

Жертва соединяла небо и землю, мир богов и мир людей. «Боги живут тем, что жертвуется им здесь, внизу; люди живут дарами, которые они получают с небес». Эти отношения «кругового обмена» дарами поддерживали функционирование закона рита. Причем жертвы богам приносились как во время собственно жертвоприношений, так и в ходе осуществления иных *социальных* действий: например, убитые враги считались жертвами Индре (ведь Индра незримо возглавлял войско ариев), а покойники, сгоравшие на погребальных кострах, толковались как жертва Агни.

Особую категорию ведийских жертвоприношений составляли *шраута* (торжественные жертвоприношения). Эти жертвоприношения были весьма масштабными и по размаху намного превосходили жертвоприношения домашние — *грихья*. К числу шраута относились, среди прочих, такие обряды, как *раджасуя*, *ваджанья* и *ашвамедха*.

Ритуал царского посвящения раджасуя совершался над кшатрием при вступлении на престол. Прежде чем получить власть, будущий царь в течение года символически возвращался в «зачаточное» состояние и «вызревал», как вызревает зерно в земле; затем он рождался заново, заключая символический брак с варной жрецов-брахманов или с народом. От него требовалось совершить ряд церемониальных действий:

Девы и Шива. Песчаник (XIII в.).

захватить чужое стадо, а потом вернуть скот владельцу; сыграть в кости с четырьмя противниками и выйти из игры победителем (ср. сюжет с игрой в кости на царство в «Махабхарате»); получить от жрецов порцию ударов палками и т. д. Получив посвящение, царь становился на трон и поднимал руки, как бы олицетворяя собой мировое древо, соединяющее небо и землю, после чего делал по шагу в каждую сторону, тем самым обозначая свою власть над четырьмя сторонами света.

Ритуал обновления царской власти ваджапея предусматривал гонки на колесницах с обязательной победой в них царя. После окончания состязаний царь поднимался по ступеням на жертвенный столб (юпа), касался рукой его навершия в форме колеса и провозглашал: «Мы достигли неба!», потом восходил еще выше и произносил: «Мы стали бессмертными». Жрецы, стоявшие с четырьмя сторона юпы, подавали царю

на длинных шестах мешочки с пищей; царь вкушал пищу, возвышаясь над наверхием юпы, и тем самым приобщался к неиссякаемому божественному источнику силы, что обещало его державе благоденствие до окончания года, по истечении которого совершался новый ритуал.

Ритуал жертвоприношения коня ашвамедха называли царем всех обрядов. Приготовления к этому обряду занимали около года. Жертвенного коня выпускали на волю, предварительно совершив омовение животного в воде и закладывая собаку — олицетворение злой судьбы. На протяжении года этот конь пасся под охраной военного отряда, которым командовал старший сын царя; правители тех земель, по которым проходил конь, добровольно изъявляли покорность его владельцу. Во дворце царя тем временем совершались различные обряды, предписанные «Яджурведой». Когда конь возвращался, происходило ритуальное удушение животного: три жены царя умащивали и украшали каждая свою часть тела коня и с помощью трех игл — золотой, серебряной и железной — делили это тело на три части; голова и грудь животного олицетворяли духовную энергию, середина — физическую силу, круп — домашний скот. В «Брихадараньяка-упанишаде», впрочем, о символическом расчленении коня говорится иначе: «Год — это тело жертвенного коня, небо — его спина, воздушное пространство — его брюхо, земля — его пах, страны света — его бока, промежуточные стороны — его ребра, времена года — его члены, месяцы и половины месяца — его сочленения, дни и ночи — его ноги, звезды — его кости, облака — его мясо, пища в его желудке — это песок, реки — его жилы, печень и легкие — горы, травы и деревья — его волосы, восходящее солнце — его передняя половина, заходящее — его задняя половина». Старшая из царских жен ложилась рядом с умерщвленным конем, жрец накрывал их покрывалом, что

символизировало брак царицы и коня и процветание державы. Совершившего сто ашвамедх считали способным низвергнуть Индру и обрести власть над тремя мирами.

К шраута принадлежал и обряд выжимания сомы — не повседневный (простой обряд выжимания совершался трижды в день), а торжественный, совершавшийся в канун нового года; напиток, полученный в новогодье, жертвовался Индре как победителю Вритры и установителю основ мироздания. Также к шраута причислялись инициационные обряды («второе рождение»), брачный обряд — земное воплощение иерогамии, божественного брака, и обряды погребения.

За соблюдением обрядов следили жрецы, действовавшие «по образу и подобию» божественного жреца (*пурохиты*) Агни, первым совершившего жертвоприношение. Главные жрецы звались *ритвиджами*, их помощники *хотары* читали гимны «Ригведы», *удгатары* исполняли песнопения из «Самаведы», *адхварью* производили необходимые действия и произносили жертвенные формулы. Жрецы-*брахманы* молча надзирали за ритуалом, исправляя ошибки и тем самым «исцеляя» жертвоприношение — ведь любая оплошность грозила непредсказуемыми и крайне нежелательными последствиями.

С течением лет ритуалы становились все более сложными, изощренными, эзотерическими; все нюансы жертвоприношений знали только брахманы, которые поэтому приобретали все большую власть в арийском обществе. Считалось, что надлежащим образом проведенный ритуал возвышает жреца до положения божества и дает ему магическую силу и власть над остальными людьми. Как сказано в «Яджурведе»: «Два рода богов посещают дом жертвователя: одни пьют сому, другие не пьют сому; одни съедают пожертвованное, другие не съедают пожертвованное. Одни — брахманы, другие — боги, убажжаемые жертвоприношениями».

В период, который иногда называют «периодом брахманизма», ритуал из средства общения человека с богами и инструмента «кругового обмена» превратился в самоцель, как выразился М. Мюллер, в «теологическое пустословие». Брахманский обряд — строго предписанные действия, совершаемые в строго определенной последовательности в строго определенное время и имеющие строго определенную длительность. Чем дальше, тем больше обособливались друг от друга мир сакральный и мир обычный, мирской: «Двойкий поистине мир этот: истина и ложь составляют его, и нет третьего. Поистине, боги — это истина, человек же — ложь». Святость вед, подкрепленная авторитетом брахманов, не подвергалась сомнению — пока не возникли «еретические» учения буддизма и джайнизма и пока не сложились «завершения вед», то есть упанишады. При этом «богатая ритуалистическая традиция не отмерла вместе с древними текстами; под ее воздействием складывалось мировоззрение индийцев. С ритуалистикой оказались тесно связаны традиционные индийские науки: астрономия была необходима для выбора времени жертвоприношений; геометрия — для устройства алтарей; индийская логика приспособлялась в первую очередь к объяснению ритуальных процедур; то же касается фонетики, грамматики и других лингвистических штудиях. По ритуальной модели строились города и писались политические трактаты, по ней же строились отношения между людьми. Сама жертва стала пониматься расширительно; ее разновидностями стали считаться кормление брахмана, угощение, предлагаемое гостю, различные дарения и раздачи, причем не только имущества, но и части личности, если можно так выразиться. Так, аскетизм рассматривается как форма жертвы собою, самопожертвования. И вся жизнь человека стала расцениваться как непрерывная цепь жертвоприношений, заключи-

тельным актом которой является сожжение тела усопшего на погребальном костре... Со временем именно жертвенно-ритуальная деятельность стала ведущей формой поведения, которая во многом определила специфический тип индийской культуры» (Альбедиль).

Упанишады обосновывали необходимость «внутреннего ритуала», то есть ритуала, совершаемого в глубине души, и подчеркивали его приоритет перед брахманическим внешним ритуалом, приоритет «содержания» над «формой». «Позиция безропотного принятия постепенно уступила место вопроша-

Шива, Сканда и Парвати. Бронза (X–XI вв.).

нию, — писал индийский ученый Р.Н. Дандекар. — Учители упанишад переместили акцент с формы религии на ее истинный дух. Ритуализм брахман уступил место спиритуализму упанишад».

Упанишады противопоставляют обрядности как средству достижения наивысшего блаженства подвижничество, аскетизм, *мокшу* (освобождение из круговорота рождений и смертей); именно в упанишадах получает окончательное оформление учение о четырех стадиях развития личности (*ашрамах*). Эти четыре стадии таковы: *брахмачарин* (ученик), *грихастха* (домохозяин), *ванапратха* (отшельник) и *санньясин* (странник-аскет). Причем, как сказано в «Законах Ману», «Ученик, домохозяин, отшельник и аскет — эти четыре отдельные ашрамы имеют своим исходным пунктом ашраму домохозяина. Все они, пройденные последовательно согласно шастрам (законам), ведут брахмана, поступающего, как указано, к высшей цели. Из всех них согласно правилам вед и священного предания домохозяин считается наилучшим, ибо он эти три содержит. Как все реки находят пристанище в океане, так и пребывающие во всех этих ашрамах находят пристанище у домохозяина». Как домохозяин, человек продолжал соблюдать домашний культ и совершать домашние жертвоприношения¹, но, переходя на следующую ступень разви-

¹ Ср. в тех же «Законах Ману»: «Пусть домохозяин исполняет на огне, зажженном на свадьбе, домашние обряды согласно правилам, пять [великих] жертвоприношений и [готовит на нем] ежедневную пищу. У домохозяина [есть] пять вещей, могущих вызвать смерть, — очаг, точильный камень, метла, пес-тик со ступкой и сосуд для воды; употребляя их, он опутывается [сетями греха]. Для искупления в должном порядке [прегрешений, совершенных посредством] всех этих [пяти], великими риши предписано для домохозяина ежедневное [ис-

тия, он приобретал новое знание не о культе, а о жизни. Кредо упанишад сформулировано в «Брихадараньяке»: «Веди меня от небытия к бытию. Веди меня от тьмы к свету. Веди меня от смерти к бессмертию» — то есть к изменению существования. То же кредо устами Кришны провозглашает и «Бхагавад-гита»:

Начетчики, веды читая бесстрастно,
Болтают цветисто: «Лишь небо прекрасно!

Исполните все предписанья, обряды —
Достигнете власти и райской отрады!»

Но разум, что к власти исполнен пристрастья,
Не знает самадхи¹ — восторга и счастья!

Относятся веды к трем гунам — к трем свойствам
Природы со всем ее бранным устройством.

Отвергни три гуны, стань вольным и цельным!
Избавясь от двойственности, с беспредельным

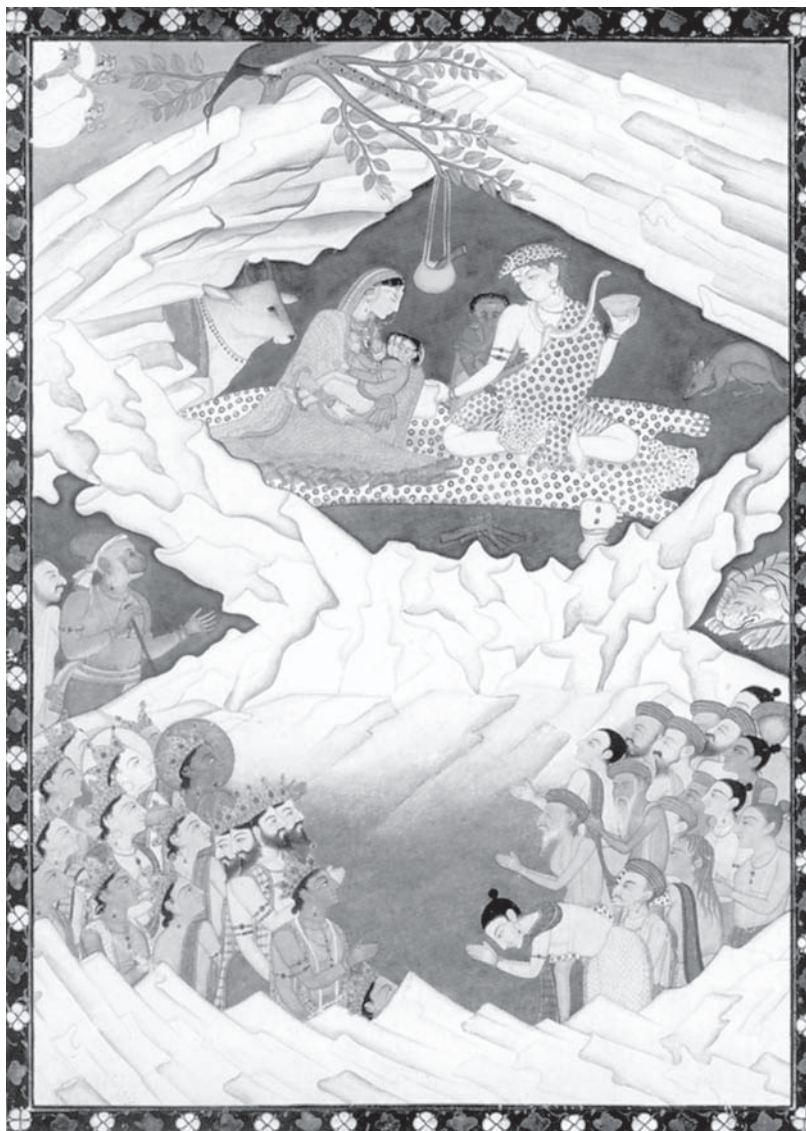
Сольешься и собственности не захочешь,
Себя, Вечной Сущности предан, упрочишь.

полнение] пяти великих жертвоприношений: обучение — жертвоприношение Брахме, тарпана — жертвоприношение предкам, хома — богам, [приношение] бали — духам, гостеприимство — жертвоприношение людям. Кто как только может, не пренебрегает [исполнением] этих пяти великих жертвоприношений, тот не пятнается грехами, [совершенными] вещами, могущими вызывать смерть, даже если всегда живет в доме».

¹ Самадхи — глубокая сосредоточенность в медитации, «йогический экстаз», в котором достигается полное слияние медитирующего с объектом медитации, то есть новое бытийное состояние.

Разумеется, нельзя утверждать, что упанишады отвергают ведийский ритуал; напротив, в той же «Чхандогья-упанишаде» совершение жертвоприношений называется обязательным. При этом неоднократно говорится, что обряд, чтобы оказаться эффективным, должен сопровождаться надлежащим знанием — не умением, как в брахманизме, а знанием, идущем из сердца. «Подобная проповедь должного знания и почитания — своего рода внутреннего ритуала с изложением его содержания — занимает гораздо больше места в сравнении с описаниями внешнего обрядового ритуала... Из всех свидетельств о ритуале лишь около 20% относятся к традиционной ведийской обрядности и около 80% к обрядности внутренней» (Сыркин).

Брахманы совершенствуются, отправляя жертвоприношения и изучая священные тексты; подвижники и аскеты движутся к освобождению через жестокое самоограничение, внутреннюю дисциплину и размышления над законами бытия. Считалось, что в результате аскетических подвигов возможно приобрести сверхъестественные способности, видеть одновременно прошлое, настоящее и будущее, подниматься в небеса и говорить с богами и т. д. (Вспомним, кстати сказать, что и боги не чуждались аскезы: именно своей аскезой Парвати покорила Шиву, а змей Шеша, потрясенный танцем того же Шивы, много лет совершал аскетические подвиги, чтобы быть снова допущенным к лицезрению этого танца). Аскетическая практика, вкупе с распространением буддизма и джайнизма, отрицавших святость и авторитет вед, заставила, если позволительно так выразиться, ритуал потесниться: он постепенно перестал играть определяющее значение в жизни индийцев — хотя многочисленные обряды, наподобие шрадхи (погребальных традиций), бытуют и по сей день. Как отмечали многие исследователи, для индуизма, который пришел

Парвати и Шива на горе Меру. Индийская миниатюра (XVIII в.).

на смену ведийской религии и брахманизму, характерно чрезвычайное разнообразие верований и форм богочитания, поэтому создать обобщенный образ индуиста невозможно. «Он может принадлежать только к какой-либо касте, совершая обряды в соответствии со своим общественным положением и возрастом» (Альбедиль). Приверженцы одной из философских школ индуизма, *мимансы*, до сих пор считают ритуал более важным для познания истины, нежели размышление. Согласно учению мимансы, жертвоприношение — то самое действие, которое создает вселенную, придает смысл человеческой жизни и олицетворяет собой высшую значимость. Дхарму миманса толкует как неукоснительное выполнение ритуалов. С другой стороны, известна школа чарваки, полностью отрицавшая богов, священные писания и ритуал.

«Если европейские мыслители, сменяя один другого, критиковали и опровергали своих предшественников, то в индуизме картина была иной: с глубокой древности там была заложена прочная основа для альтернативных философских взглядов, и вся последующая философская деятельность стала лишь развитием и углублением этих древних интуиций — все последующие философы не предлагали радикально новых систем, а поддерживали уже существующую систему в том или ином ее аспекте. В результате индийское умозрение сохранило живую и действенную связь с теми или иными формами традиционной религии и даже с глубинными мифологическими пластами, в то время как, например, античная философия довольно быстро ее утратила» (Альбедиль).

Когда брахманический «формализм» изжил себя, на смену ритуалу (*яджня*) как повсеместно распространенной «сфере деятельности» брахманов пришел культ (*пуджа*). Достаточно долгое время они существовали параллельно — совер-

шая жертвоприношения, арии поклонялись и святым местам (горы, реки), животным (коровы, змеи, обезьяны), деревьям и растениям, камням. Храмов древние арии не знали: жертвоприношения совершались на специально устроенных жертвенных площадках (*ягашала*) или на алтарях (*веди*), причем, как упоминалось выше, церемонии возведения алтарей строго регламентировались сводами правил и сами по себе составляли весьма сложные ритуалы. Храмы в Индии начали возводить, по-видимому, не ранее III–II вв. до н. э. — во всяком случае, именно этим периодом археологи датируют самые ранние из обнаруженных в Индии руин храмовых построек. Эти храмы высекались в скалах или в пещерах, а их «наружные поверхности» украшались затейливой резьбой. Каждый храм состоял из трех помещений — входного (*антарала*), главного (*мандапам*) и святилища (*гарбхагриха*). Среди пещерных храмов наиболее известны, пожалуй, храмы Аджанты и Эллары. Большинство «обычных», наземных храмов было построено позже, в эпоху Гуптов (IV–VI вв.).

Современный тип индуистского храма существует приблизительно с VI в. Период X–XIII вв. был отмечен в центре и на юге Индии усложнением храмовой архитектуры (к этому периоду принадлежит, например, знаменитый комплекс Каджурахо), а на севере полуострова в это время храмы не столько строились, сколько разрушались завоевателями-мусульманами.

Строительство храма, как правило, начиналось с выбора места (как и во всех других культурно-исторических традициях, индийские храмы ставились на святых местах) и освящения пространства. Основой храма служила *мандала* — символическая проекция мироздания, определявшая пропорции будущего храма и задававшая строительству космогоническую направленность. Возведение храма трактовалось и как

поднятие земли из изначальных вод; об этом мифоисторическом событии напоминал храмовый пруд для ритуальных омовений. «Каждый храм в конечном счете может рассматриваться как модель мира, а храмовое пространство, отделенное от остального мира оградой, с самого начала строительства выделяется как участок идеального космоса, насыщенный особой магической силой» (Альбедиль).

Символическим значением обладает не только храм в целом, но и материалы, из которого он возводится. Так, обожженный кирпич, при кладке которого произносятся мантры, олицетворяет сочетание неба и земли, скрепленное священной речью (ср. выше о кирпичях в ведийских алтарях). У входа в храм обычно сажают дерево — воплощение мирового древа, пронизывающего все три мира. Территория храма обносится храмовой оградой, отделяющей мирское (наружное) от сакрального (того, что внутри ограды).

Пуджа означает поклонение божеству в образе символа, его представляющего, либо статуэтки этого божества. Считается, что и в олицетворении бога, и в его статуэтке присутствует часть божественной силы. Правила совершения пуджи определяются многочисленными специальными текстами — разъяснениями храмовых ритуалов, астрологическими справочниками с указанием точных дат совершения обрядов, сборниками магических формул и т. д.

Важнейшие символы индуизма, «представляющие» богов, — это свастика и лотос. Свастика — древнейший солярный символ, *тетраскеле* («четвероногое»), известный практически у всех народов мира «крюкообразный крест». Среди многочисленных толкований свастики — вращающееся солнце, испускающий лучи круг полуденного солнца, солнечная колесница, полюс (центр) и вращение звезд вокруг него, четыре стороны света, четыре фазы луны, четыре ветра, четыре

Храм в Бенаресе (Варанаси) на берегу Ганга.

времени года, движение вихря, вращение колеса сансары, крест как четыре угла квадрата, над которыми движется по кругу солнце, превращая их в круг (то есть округляя квадрат и делая квадратом круг), крест как сочетание вертикальной и горизонтальной линий, духа и материи, четыре ступени существования. Как олицетворение движения солнца свастика имеет два направления — прямое (посолонь) и обратное (противосолонь). Движение посолонь (благое) трактуется как выражение мужской энергии, движение противосолонь (дурное) — как выражение энергии женской. Правосторонняя свастика толкуется как знак господства над материей, а левосторонняя — как господство материи над духом. Вследствие

негативных коннотаций обратная, левосторонняя свастика также толкуется как символ черной магии (любопытно, что эмблемой нацистского Третьего рейха была именно левосторонняя свастика).

Еще одно толкование свастики — олицетворение человека с двумя руками и двумя ногами, или соединение динамического и статичного, подвижного и неподвижного, гармонии и равновесия, центробежного и центростремительного движений, вдоха и выдоха, начала и конца.

По мнению выдающегося немецкого психолога В. Райха, свастика «действует на подсознательные эмоции наблюдателя. Свастика — не что иное, как изображение обвившихся друг вокруг друга людей, схематическое, но в то же время вполне узнаваемое. Одна линия означает половой акт в горизонтальном, другая — в вертикальном положении. Можно предположить, что этот символ будоражит скрытые от нас самих струны в организме, притом тем больше, чем меньше удовлетворен человек, чем более он похотлив. Если же приписать этому знаку дополнительно идею верности и чести, то он сумеет удовлетворить и моральные сомнения и будет тем более охотно принят».

В буддизме свастика называется «печатью сердца»; по легенде, она была запечатлена на сердце Будды. Изображения свастики кладут на сердца посвященных после их смерти.

Что касается лотоса, то этот цветок как бы представляет собой модель мироздания: он существует одновременно в трех сферах бытия — в воде, на земле и в воздухе. Благодаря этой «тройственности» лотос метафорически толкуется как олицетворение человеческой природы, пребывающей одновременно в материальном, духовном и интеллектуальном мирах.

Лотос — цветок, возникший из пупа Вишну; согласно мифу, из этого цветка появился творец мироздания Брахма.

По Е.П. Блаватской, это цветок олицетворяет вселенную, возникающую из неподвижного перводвигателя. Мистическая география индуизма соотносит плавающий по воде лотос с землей, плывущей в мировом океане; в этой модели чашечка цветка олицетворяет священную гору Меру, а лепестки означают четыре стороны света.

В буддизме лотос признается священным растением. У Будды Гаутамы «глаза лотоса. ноги лотоса и бедра лотоса». Учитель, распространивший буддизм в Тибете, носил имя Падмасамбхава («возникший из лотоса»). Бодхисатву Авалокитешвару в одной ипостаси зовут Падмапани («державший в руках лотос»), и цветок в его руках есть выражение сострадания. В другой ипостаси его зовут Падманартешвара («бог танца с лотосом»). Лотос также символизирует познание, позволяющее соскочить с колеса перерождений и достичь нирваны.

«Конкретная» символика лотоса определяется количеством его лепестков. Пятилепестковый — пять чувств, пять миров, рождение, инициация, смерть. Семилепестковый — семь небес, семь планет, семь дней недели. Восмилепестковый — «сердце бытия», место пребывания Брахмы. Девятилепестковый — человек. Двенадцатилепестковый — вселенная. «Тысячелепестковый» лотос с треугольником посередине — последнее откровение.

В ходе пуджи божеству предлагается угощение (*найведья*), которое затем как бы возвращается людям освященным (*прасад*). Само богослужение состоит обычно из четырех основных обрядов, совершаемых рано утром, в полдень, вечером и в полночь, а также двух дополнительных церемоний — дополуденной и послеполуденной. Необходимая составляющая богослужения — обряд *дипарадвей* («служение светом»), при котором перед изображением божества совершают круговые движения светильником.

Эротические скульптуры и изображения, украшающие собой стены и фасады многих индийских храмов, олицетворяют служение божеству в слиянии влюбленных; кроме того, они так или иначе связаны с магией плодородия, поэтому их присутствие в храмах, утверждающих жизнь во всех ее проявлениях, вполне уместно.

Раз уж была упомянута магия, стоит остановиться на этом вопросе подробнее, тем паче что магические обряды сыграли в развитии индийской культуры немаловажную роль. Священная книга магических обрядов и магических заклинаний — «Атхарваведа» — представляет собой собрание магических текстов, которые группируются вокруг огня домохозяйина (грихастхи) и круга обязанностей жрецов; «цель этих заклинаний — чисто профаническая, их основа отражает древнейшие народные верования не только ариев, но и доарийского субстрата Индии» (Елизаренкова). В «Атхарваведе» мы находим заклинания на все случаи жизни — заговоры против болезней и против яда, заговоры против нечистой силы, колдунов, реальных врагов, дурных примет и снов. Стихийных несчастий и бед, заговоры-искупления и заговоры-проклятия, любовные заговоры и целебные заговоры, заговоры, связанные с браком и потомством, и заговоры, связанные с царской властью; «имя им — легион».

Ведийская религия насквозь проникнута магией. Одни и те же ритуалы могли использоваться как в религиозных, так и в магических целях, даже когда речь шла о высоком культе типа посвящения царя и восхваления Индры. Примером текста такого «комбинированного действия» может служить заговор-обращение к Агни:

Запряженный спереди, вези, о Джатаведас!
О Агни, узнай, как это делается!

Ты, целитель, создатель целебного средства.
С тобою получим мы корову, коня, человека.

Так сделай это, о Агни Джатаведас,
Согласный со всеми богами:
Кто б нами ни играл, кто б ни пожирал нас —
Пусть рухнет его ограда!

Проткни глаза! Проткни сердце!
Рассеки язык! Раздроби зубы!
Какой бы пищача его ни пожирал,
О Агни, о самый юный, размозжи его!

Вот, Агни, твои дрова,
Перемалывающие пищачей.
Обрадуйся ты им
И прими их, о Джатаведас!

Охвати пламенем, о Агни,
Дрова из дерева тарштагха!
Да покинет форму свою пожиратель падали,
Что хочет схватить мясо этого человека!¹

Ошибки, допущенные во время жертвоприношения, исправлялись жрецом-брахманом при помощи магических заклинаний. Да и сам ритуал жертвоприношения в известной степени представлял собой магическое действие, поскольку являлся по сути попыткой жертвователя напрямую оказать влияние на богов.

Мировоззрение древних ариев было в значительной степени магическим, и проявлялось это, не в последнюю очередь,

¹ По индийскому комментарию, заговор сопровождается магические обряды изгнания демонов различными возлияниями в жертвенный костер.

Сарасвати.
Индийский рисунок.

в вере в силу слова: поэтому придавалось такое значение элементам речи, прежде всего — имени.

Для древних связь между именем и личностью, которую оно обозначало, являлась не произвольной ассоциацией, а чем-то вроде материальных уз, благодаря чему оказывать через имя магическое воздействие на человека было ничуть не труднее, чем через ногти, волосы или любую другую часть тела. Это яркий пример *контагиозной* магии, по которой вещи, однажды бывшие в контакте, находятся в нем постоянно. Что бы колдун ни проделывал с тем или иным предметом, принадлежащим определенной личности, это неминуемо скажется на человеке. По утверждению Дж. Фрэзера, «многие из первобытных людей считали имена существенной частью самих себя и прилагали немало усилий, чтобы утаить свои истинные имена и тем самым обезопаситься от злоумышленников».

У древних египтян на каждого человека приходилось по два имени: истинное (большое) и доброе (малое). Доброе имя знали все, тогда как большое держалось в глубокой тайне. По два имени было и у индийских брахманов. Одно предназначалось для повседневного пользования, а второе было известно, кроме самого человека, лишь отцу и матери.

В обиходе употреблялись также прозвища и вторичные имена, которые не считались частью человека. Так, взросло-

го мужчину называли именем его ребенка, ибо предполагалось, что у детей врагов нет, и, следовательно, никакие опасности, связанные с колдовством, им не грозят.

Учитывая стремление людей защититься от колдовских чар, легко объяснить возникновение различных табу на произнесение имен. Можно выделить следующие запреты: на имена родственников, покойников, правителей и других священных особ, а также на имена богов.

Основой табу на имена покойников являлся суеверный страх перед мертвыми. Люди боялись потревожить души умерших. Имя покойника «забывалось», а родственники, если их имена звучали похоже, немедленно брали себе новые из опасения, что знакомые звуки могут привлечь умершего к прежнему жилищу. Если имя покойника совпадало с названием какого-либо предмета общего пользования, последний незамедлительно переименовывался.

Шива и жены мудрецов. Иллюстрация к пуранам (XVIII в.).

Имена вождей и жрецов держались в секрете потому, что враги, узнав их, могли навредить правителям, а через них — и всему племени.

Имена божеств имели для людей очень большое значение, ибо связывались с могуществом сверхсил. Обычно у божеств было много имен. Так, у верховного бога вавилонского пантеона Мардука их насчитывалось около пятидесяти, и все они знаменовали его победу при сотворении мира над персонификацией хаоса, Тиамат, и ее воинством. Впрочем, считалось, что свои истинные имена боги тщательно скрывают, дабы не допустить, чтобы люди приобрели над ними неограниченную власть. Индра, Агни, Брахма, Шива, Вишну, как и их многочисленные эпитеты, — все это лишь «прозвища», лишь явленные имена, доступные для людей; истинные же имена богов остались неведомыми.

Помимо магии слов древние индийцы верили в магию действий — точнее, в магию заклинательных процедур и магических жертвоприношений. Заклинательные процедуры, в терминологии современных этнографических работ, бывали несимволическими (реальными) и символическими. Первые предусматривали «бытовые» действия: присыпание ран песком с чтением заклинаний, внесение кувшина с водой в новый, еще не заселенный дом, приготовление различных амулетов и т. п. Символические процедуры выражались в том, что заклинатель, к примеру, отсылал наложенное на человека проклятие обратно к тому, кто это проклятие наложил, или находил дыхание умирающего у ветра, зрение — у солнца и т. д. Что касается магических жертвоприношений, то, как писала Т.Я. Елизаренкова, «ритуал жертвоприношения взят магией из религиозной практики, однако этот ритуал используется совсем в иных целях, что отражается и на его материальном воплощении. В целом сохраняется принятая в обря-

дах *шраута* форма ритуала: раскладывается жертвенный костер, зажигается огонь, в него совершаются возлияния, произносятся мантры. Но только в целях магии жертвенный костер должен быть обращен к югу — стороне царства мертвых (а не к востоку или северо-востоку — области богов); вместо коровьего топленого масла (корова — священное животное) совершается возлияние растительным маслом, особенно приготовленным из растения *ингида*; вместо того чтобы брать все правой рукой, как это делает жрец в обычном ритуале, заклинатель все берет левой и т. д. В таких случаях, как магическое жертвоприношение, буквальные действия неотделимы от символических».

Магические ритуалы, совершавшиеся заклинателями в соответствии с определенным распорядком и по определенным, зафиксированным в священных текстах правилам, открывали перед человеком, их осуществлявшим, дорогу к могуществу — но не «дорогу к храму». Последнюю были способны открыть только обряды, направленные не вовне, а внутрь себя. Заклинания, подобные этому:

Тот ларь, из которого мы извлекли Священное Знание, —
 В него мы замыкаем его снова.
 Исполнилось желанное силой заговора.
 Помогите мне здесь, о боги, этим жаром! —

не могли указать путь в Абсолюту, потребность в котором ощущалась индийской культурой все настоятельнее. Этот путь смогли указать только самые «метафизические» индийские тексты — упанишады.

«Индуизм предоставляет своим приверженцам самые разнообразные возможности для проявления религиозных

чувств; кажется, в нем есть все мыслимые божественные манифестации, пригодные для почитания адептов: бога почитают и как абстрактный символ, и как владыку мира, и как отца, и как возлюбленного, и как младенца, и как брата. Толь же многообразны и формы постижения и почитания божеств — от медитации и повторения священного слога Ом до обмазывания себя пеплом или сажей и подражания ржанию осла. Поклоняются божественным проявлениям в книге, знаке, творениях природы, звуке, дыхании, молчании; в храме или вне его. Каждый волен выбрать ту дорогу к богу, которая ему ближе, и она не будет считаться лучше или хуже остальных. Брахман может изощряться в философских спорах, аскет — истязать свою плоть, деревенский жрец — обагрять руки кровью жертвенных животных, философ — предаваться размышлениям, йог — делать необходимые упражнения, мирянин — совершать требуемые ритуалы и т. п.» (Альбедиль).

Но в этом многообразии — хаотическом и одновременно упорядоченном — выделяются три пути постижения божества, те самые пути, о которых поведал Арджуне перед битвой на Курукшетре его божественный возничий Кришна:

Для жаждущих с Сущностью Вечной слиянья
Есть йога познания и йога деянья.

В бездействии мы не обрящем блаженства;
Кто дела не начал, тот чужд совершенства...

Однако без действий никто не пребудет:
Ты хочешь того иль не хочешь — принудит

Природа тебя; нет иного удела,
И, ей повинуюсь, ты делаешь дело.

Кто, чувства поправ, все же помнит в печали
Предметы, что чувства его услаждали, —

Тот, связанный, следует ложной дорогой;
А тот, о сын Кунти, кто, волею строгой

Все чувства поправ, йогу действия начал, —
На правой дороге себя обозначил.

Оковы для мира, — бездушны и мертвы
Дела, что свершаются не ради жертвы.

Но тот, кого Атман насытил всецело,
Кто в Атмане счастлив, — свободен от дела.

В сей брэнной юдоли не видит он цели
В несделанном деле и в сделанном деле.

Он самопознания выбрал дороги,
В ничьей на земле не нуждаясь подмоге.

Как действуют в путах деяний невежды, —
Пусть так же и мудрый, исполнен надежды,

К делам не привязан, с душой вдохновенной,
Деянья свершает для блага вселенной.

Кто светится внутренним счастьем, — не внешним! —
Тот с Высшим и в мире сливается здешнем.

Подвижник, живя ради блага людского,
Избавясь от двойственности и сурово

Свой гнев обуздав, уничтожит обманы,
Грехи, заблужденья, — достигнет нирваны:

Мудрец, от земных отрешенный желаний
И с Атманом слитый, — приходит к нирване.

Избавясь от страха, мудрец безупречный
Приходит к свободе и высшей, и вечной.

Познавши меня, всех миров господина, —
Того, кто есть подвига первопричина,

Кто жертвы вкушает, любя все живое, —
Мне предан, подвижник пребудет в покое!

Эти три пути, или три йоги, получили названия, соответственно, *карма-йоги*, или пути деяния, *джняна-йоги*, или пути познания, и *бхакти-йоги*, или пути богопочитания¹.

¹ Следует отметить, что слова «йога» используется в данном случае не в привычном для современного европейца значении «комплекс гимнастических упражнений с философской подоплекой», а в своем исконном значении «связывание, соединение, тождество». Как писал в комментариях к русскому изданию «Махабхараты» Б. Захарьин, «само слово “йога”, производное от корня “йудж” — “запрягать” — и буквально означающее “ярмо” (близкое по значению и звучанию русскому “иго”) можно трактовать как стойкость в мыслях и поступках, обретаемую соблюдением жестких ограничений и направленную на достижение определенной цели (освобождения). Позднее развилось и абстрактное понятие “соединение”, “связывание”, употребляемое

Дж. Хиггинботам. Ганеша и Сарасвати (1864 г.).

Первый путь означал следование дхарме и совершение праведных деяний в мирской жизни, то есть исполнение общественного долга, а также обретение равновесия между внутренним состоянием и внешними событиями. Следование карма-йоге, как считалось, обеспечивает благополучие в этой и последующих жизнях и ведет к мокше (конечному освобождению). Идея карма-йоги была в известной степени революционной, поскольку до Кришны и «Бхагавад-гиты» деяние признавалось главным препятствием на пути к освобождению: совершая деяния и думая об их плодах, человек неизбежно продолжает «накапливать» карму, то есть обрекает себя на бесконечное перерождение в круге сансары. По Кришне, жертва и служение избавляют от кармы и открывают дорогу к свободе.

в различных областях знания. Йога может подразумевать и самостоятельную философскую систему, но чаще она понимается как техника (совокупность приемов и средств) благого поведения и медитации».

Впрочем, с путем деяния неразрывно связан путь познания: первый предназначен для тела, второй — для духа. По «Гите», препятствием для избавления от кармических уз является не деяние, а желание (подверженность страстям); поэтому необходимо подавить в себе всякое желание действовать и всякое ожидание результата. Пускай действует тело, дух же должен пребывать в покое и отрешиться от желаний. Это возможно лишь через медитацию, через обретение знания об Абсолюте и постижение единства Атмана и Брахмана: «Вот мой Атман в сердце, меньший, чем зерно риса, чем зерно ячменя, чем горчичное семя, чем просяное зерно, чем ядро просяного зерна; вот мой Атман в сердце, больший, чем земля, больший, чем воздушное пространство, больший, чем небо, больший, чем эти миры. Содержащий в себе все деяния, все желания, все сущее, безгласный, безразличный — вот мой Атман в сердце, это Брахман. Кто полагает: “Уйдя из жизни, я достигну его”, у того, поистине, не будет сомнений» («Чхандогья-упанишада»). Систематизацией особенностей этого пути занималась веданта — одна из наиболее известных философских школ индуизма; священными текстами, в которых изложена «методика» прохождения джняна-йоги, являются упанишады. Как писала М.Ф. Альбедиль, «идуший этим путем может позволить себе асоциальное поведение, не боясь осуждения окружающих, а также вести монашеский образ жизни».

Бхакти-йога предполагает бесконечную преданность божеству, непосредственное приобщение к подлинному бытию; путь «разумного сердца» — божество очищает мысли и душу человека и направляет его к высшему знанию и истинному просветлению¹.

¹ Идею всепоглощающей любви к божеству особенно горячо проповедовало североиндийское религиозное течение бхакти, которое было весьма популярно в Индии на протяжении европей-

Эти три пути можно без преувеличения охарактеризовать как «психические ритуалы», как завершение длительной эволюции *философии ритуала* в индийской культуре: от жертвоприношения, понимаемого как повторяющееся вновь и вновь творение и обновление мироздания, через брахманическую обрядность, подменившую содержание абсолютизированной формой, и через аскетизм, фактически диктовавший торжество той же самой формы (в данном случае умерщвления плоти) над содержанием (достижением просветления), к «внутренней жертве», через которую только и возможно приобщиться к высшему знанию, вырваться из круга сансары и обрести бесконечный покой нирваны.

Рассказывая об обрядности той или иной традиционной культуры, никак нельзя обойти вниманием народные религиозные праздники, эти, по выражению А.Н. Афанасьева, «радостные проявления народного духа». Индийская традиция насчитывает сотни религиозных праздников. «Для индусов каждый день — праздник. Задайся он целью соблюдать все религиозные праздники, ни на что другое у него просто не хватило бы времени» (Томас).

ского Средневековья. Эта «универсальная религия» утверждала, что люди равны между собой в проявлении любви к боже-ству, поэтому кастовые различия не имеют значения. С бхакти связано и начала регулярных храмовых богослужений. Известнейшие представители этого течения — Шри Рамакришна и Свами Вивекананда. Рамакришна провозглашал, что все существующие в мире религии одинаково истинны, ибо ведут к одной и той же цели — постижению высшей реальности, — но разными путями. Вивекананда, ученик Рамакришны, сделал идеи учителя известными за пределами Индии, стал своего рода «летописцем» Рамакришны и индийской культуры; как писал Р. Тагор: «Если хотите узнать Индию, читайте Вивекананду».

Даты всех народных праздников в Индии определяются по лунному календарю, основанному на изменении фаз луны и на прохождении ночным светилом тех или иных созвездий во время своего движения по небосводу¹. Месяцы обычно начинаются с новолуния (*амавасья*) или с полнолуния (*пурнима*); еще с арийских времен эти дни считались днями жертвоприношений, когда подносились дары Индре, Агни и Соме. В каждом месяце две половины — светлая (*шукла*) и темная (*кришна*); светлая половина месяца начинается с новолуния и длится 15 лунных суток (*титхи*), темная половина начинается с полнолуния и длится те же 15 лунных суток.

Христианское летосчисление в Индии было введено англичанами в XVIII в., однако в некоторых районах полуострова до сих пор используются древние способы определения времени, а лунный календарь повсеместно служит для установления дат и времени совершения обрядов.

Как говорится в пуранах, Вишну определил по четыре главных праздника для каждой из четырех варн: брахманы должны праздновать Ракхи пурнима, кшатрии — Дашару, вайшьи — Дивали и шудры — Холи.

Брахманический праздник Ракхи пурнима отмечается в месяце шраван (июль—август). Он посвящен Варуне как богу вод. На морском побережье и по берегам рек и других водоемов устраиваются ярмарки, происходят ритуальные омовения и приносятся подношения Варуне. Чаще всего в качестве жертвы божеству в воду бросают кокосовые плоды, поэтому этот праздник также носит название Нарали пурнима («кокосовое полнолуние»).

В этот день представители высших каст, в особенности брахманы, обновляют свои священные шнуры, символизирующие их принадлежность к тому или иному сословию. А жен-

¹ Созвездия, через которые проходит Луна, называются *накшатрами*, или «лунными домами».

Хануман. Индийская миниатюра (XVII в.).

щины подносят своим братьям амулеты «ракхи» — из шелковых нитей, золотой или серебряной проволоки, украшенные кораллами, жемчугом, драгоценными камнями или золотыми бусинами «в соответствии с достатком семьи» (Томас). Некоторые женщины, желая оказать особую честь людям, с которыми они не связаны кровными узами, и показать, что считают этих людей своими братьями, подносят амулеты мужчинам, не приходящимся им родственниками.

Дж. Хиггинботам. Дурга и Махиша (1864 г.).

Праздник Дашара начинается в первую ночь месяца ашвин (конец сентября — начало октября) и продолжается десять дней. Этот праздник представляет собой кульминацию празднования Наваратры («девятиночья») — служения богине Деви в ее многочисленных ипостасях: Шакти, Дурга, Кали, Парвати, Сати и других. Богиню олицетворяет незамужняя девушка, которая «должна быть здоровой, красивой и не иметь изъянов. Она должна принадлежать той же касте, что и ее почитатели. Принято поклонение одной девушке в течение девяти ночей или девяти разным девушкам в каждую из девяти ночей» (Томас). В Бенгалии Дашара посвящается Дурге: после совершения молитв статую богини подхватывают на плечи, несут к водоему и торжественно опускают в воду. В других районах страны Дашара посвящается трем ипостасям богини: первые три ночи «отдаются» Дурге, вторы три — Лакшми, а последние — Сарасвати. В Северной Индии и в Дели Наваратра и Дашара считаются праздником Рама. По легенде, перед битвой на острове Ланка Рама девять суток подряд соблюдал пост, чтобы добиться благосклонности Дур-

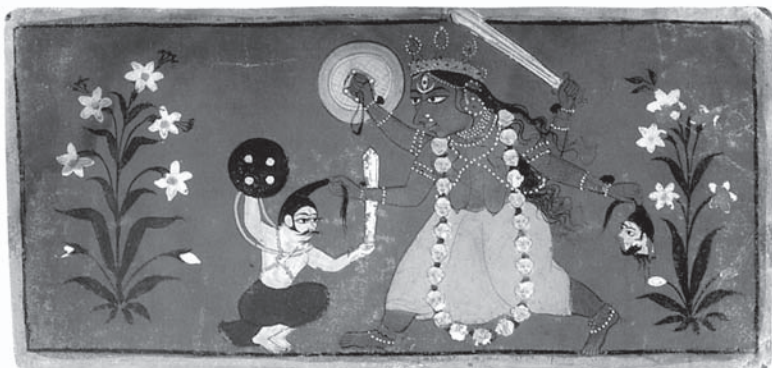
ги. Но восьмой день этого поста Рама убил Равану, в девятый день совершило благодарственное жертвоприношение, а на десятый — отправился в обратный путь в Айодхью. Поэтому в последние три дня праздника сжигаются чучела Раваны, его брата Кумбхакарны и сына Индраджита, побежденных Рамой.

П. Томас описывает церемонию Дашары при царском дворе: «Ранним утром совершаются придворные церемонии поклонения трону. За ними следует парад слонов, лошадей и колесниц. Слоны и лошади проходят мимо штандарта, поворачиваются к махарадже, который по данному случаю находится на возвышении, и приветствуют его согласно церемониалу. В конце парада брахманам принято дарить небольшие суммы денег или одежду. На этом утренняя часть торжества завершается.

Дж. Хиггинботам. Лакшми (1864 г.).

Приблизительно в три часа дня вся армия княжества, состоящая из артиллерии, кавалерии и пехоты, в полном обмундировании готова принять участие в большой процессии. Слоны, числом примерно до ста, выстраиваются перед дворцом в соответствии со званием сардаров, которым была оказана честь восседать на них, а дворцовый распорядитель и его помощники заняты тем, что выкрикивают имена, под которыми были зарегистрированы животные, и рассылают их по местам жительства сардаров, для которых они предназначены. Все участники (сардары) являются во дворец в должное время в сопровождении конных ординарцев и вооруженные серебряными жезлами. Вы-

Кали. Индийская миниатюра (ок. 1650 г.).

страивается вся армия: одна часть впереди дворца для участия в шествии ординарцев как свита махараджи, и часть на “площади Дашары”, где должно происходить само жертвоприношение.

Как только все готово, слон, несущий на себе штандарт, направляется к главным воротам дворца. Кроме штандарта на нем везут данку — боевой барабан. На несколько минут воцаряется молчание, и все стоят в ожидании скорого прибытия махараджи. Как только слон махараджи показывается из главных ворот, по команде главного военачальника раздаётся барабанный бой. Получив этот сигнал, несколько избранных сардаров, которые удостоены чести направить слонов в ворота крепости и сопровождать махараджу, один за другим покидают строй. Остальные, которые должны ждать за пределами крепости, присоединяются к процессии. Две-три мили пышная процессия, за которой следуют зрители, продвигается со всей помпой.

На границе города махараджа спешивается и садится на ковер, расстеленный под деревом Шани, где уже завершены все приготовления к принесению жертвы. В конце обряда

махараджа срезает мечом плод горлянского дерева, что символизирует жертвоприношение животного, бывшее в древности частью церемонии. После жертвоприношения сардары захватывают ветки дерева Шами, величая их “золотыми”. После этого махараджа, а вслед за ним и сардары, восходят на своих слонов. Властитель приветствует великолепный салют, а непосредственно перед его отбытием во дворец приносится в жертву буйвол, как напоминание о победе Дурги над демоническим буйволом Махишей. На обратном пути шествие встречают костры, фейерверки и громкие крики “Шриман махараджа виджан бхава” (“Да победит махараджа!”). После приезда махараджи во дворец устраивается еще один церемониал, и награды распределяются согласно званиям».

По замечанию того же П. Томаса, в день Дашары дети начинают учиться; также это день поклонения книгам (Сарасвати — богиня красноречия и мудрости).

Праздник Дивали приходится на конец месяца ашвин и начало месяца картик (конец октября —

Богиня Ума (Парвати).
Статуэтка (XI в.).

начало ноября) и также продолжается несколько дней. По одной из легенд, в этот день в 58 г. до н. э. взошел на престол мудрый царь Викрамадитья, от которого берет начало «эра Викрама». По другой легенде, в этот день Вишну в аватаре Ваманы отнял власть над тремя мирами у царя Бали — или победил ракшаса Наракасуру. Третья, наиболее популярная легенда гласит, что в этот день венчался на царство Рама и что в ознаменование этого события по всей стране зажгли множество огней (отсюда и название праздника — от «дива-пали», «вереница огней»)¹.

Первый день праздника называется Дхана-трайодаши («поклонение богатству»). В этот день начинается новый деловой год для представителей торговых общин, поэтому совершаются обряды обновления расходно-приходных книг и поклонения горстке серебряных монет. Люди умащивают тело благовониями, совершают ритуальные омовения, надевают новую одежду, посылают подарки друзьям и близким. Кроме того, этот день считается благоприятным для азартных игр. По преданию, в этот день Шива играл в кости с Парвати, проиграл все, что имел, и ушел на берег Ганги. Сын Шивы и Парвати Сканда (Картиккея) выучился искусству игры, вызвал мать на состязание и отыграл все, что утратил отец. Другой сын богов, Ганеша, пожалел мать и в свою очередь обыграл брата. Богатство еще несколько раз переходило из рук в руки, пока наконец Шива не примирил соперников и не объявил первый день Дивали благоприятным для игры.

Второй день праздника посвящается победе Кришны над царем Наракой, который похищал у богов их дочерей; миф

¹ «Вполне вероятно, что Дивали первоначально праздновался в честь восхождения Рамы на престол, и Викрамадитья избрал именно этот день для своей коронации как наиболее благоприятный; поэтому два этих важных события соединили» (Томас).

Шива, Картиккея и Парвати. Бронза (XVI в.).

гласит, что в плену у Нараки томилось 16 000 девушек. Освобожденные, все они стали женами Кришны.

В третий день поклоняются богине любви и красоты Лакшми. Четвертый день посвящен прославлению мудрого царя Бали, правление которого сопровождалось всеобщим благодеянием и счастьем. Наконец в пятый день братья дарят подарки сестрам, а вечером устраивается фейерверк.

Праздник Холи отмечается в день полнолуния месяца пхалгун (февраль—март). «Это индусские сатурналии и самый популярный праздник для низших сословий» (Томас). Холи — праздник весны и плодородия. По одной из легенд, в этот день Кришна умертвил ракшаси Холику (олицетворение зимы), грудь которой сосал. По другой легенде, в этот день Шива испепелил бога любви Каму, который осмелился на-

рушить подвижничество Шивы. Супруга Камы, богиня страсти Рати, обратилась за помощью к Парвати, и та уговорила Шиву воскресить Каму.

«Основные черты Холи — это пение непристойных песен, обливание друг друга подкрашенной водой, шумные толпы и всеобщая атмосфера вседозволенности. Даже серьезные старики в этот день развлекаются и покорно выдерживают нападения женщин и детей, брызгающих в них водой. Приняты также добродушные розыгрыши, и простачки могут стать жертвой лукавого обмана.

В некоторых районах штата Мадрас завязываются шуточные бои между мужчинами и женщинами. Женщина берет связку колосьев и взбирается на дерево. Мужчины пытаются выхватить связку, а женщина старается противостоять им. В Индоре торговые сословия сооружают из глины и соломы гигантскую фигуру Натхурамы (божества местного значения) высотой около сорока футов. В связи со смущающей откровенностью в некоторых деталях это изображение запретили выставлять, но потом властями было санкционировано возобновление данной практики при соблюдении определенных условий.

На пятый день после основной церемонии, которая, скорее всего, представляет собой похороны зимы, в княжествах имеет место большой сбор, на котором в сардаров и чиновников бросают цветным порошком и поливают их окрашенной водой. Этот обряд называется Рангпангчами, он исполняется и в семьях как заключительный этап праздника» (Томас).

Праздник Шиваратри отмечается в месяце магха (январь—февраль). Ему предшествует бессонная ночь, которую следует проводить в молитве и посте, поскольку тем, кто соблюдает все эти правила, Шива обещает успех и процветание в жизни и место в своем раю (*шивалока*) после смерти.

По легенде, обычай Шиваратри связан и неким охотником, который случайно подверг себя посту и бодрствованию. Спасаясь от займодавцев, которым задолжал, этот охотник спрятался в храме Шивы и не успел выйти из своего укрытия до того, как храм заперли на ночь. Вышел он лишь на следующий день, когда один из адептов Шивы заплатил за него долг, и сразу же устремился в лес. Получилось так, что он устроил

Шива. Индийская миниатюра (XIX в.).

засаду близ дерева, у подножия которого находился лингам. Раздвигая ветви, охотник непреднамеренно уронил на лингам несколько листьев (как выяснилось позднее, это было весьма благочестивое деяние) и, опять-таки непреднамеренно, дважды или трижды повторил имя Шивы, вспомнив ночь в храме божества. Ночью к дереву приблизилась беременная лань; охотник было поднял лук, но лань взмолилась к нему: «Не убивай меня, дай мне родить, а когда рожу, я сама вернусь к тебе». Тот факт, что незадолго до встречи с ланью он повторял имя Шивы, заставил охотника проникнуться любовью к животным, и он отпустил лань. Та же история повторилась с другой ланью, и с черным оленем, который искал своих подруг: всякий раз охотник отпускал животное, хотя муки голода, испытываемые им, становились все острее. Наконец животные вернулись к нему — все трое! — и стали решать между собой, кому из них надлежит быть убитым первым. Однако охотник к тому времени (снова благодаря произнесению божественного имени) начал осознавать, что убивать животных грешно, поэтому он велел оленю и ланям уходить восвояси. Едва животные ушли, как с небес опустилась колесница с посланцами Шивы, и охотника забрали в шивалоку.

С Шивой связан и праздник Ганеша-чатуртхи — день рождения слоголового бога Ганеши, сына Шивы и Парвати. Этот праздник приходится на четвертый день месяца бхадрапад (август—сентябрь). «В этот день лепят из глины фигуры Ганеши, им поклоняются, а потом опускают их в реку, море или любой другой водоем. Изваяния украшают цветами, к воде их несут в торжественной процессии, под музыку и танцы. Когда шествие достигает берега, изваяния ставят на сухую почву, совершают положенные обряды, а затем медленно погружают их в воду. Пригоршни глины и песка с тех

Бык Нандин — вахана Шивы.

мест, где стояли изваяния, уносят на подносах или на скамеечках, на которых приносили Ганешу, и торжественно разбрасывают в амбарах, зернохранилищах и кладовых, чтобы в следующем году бог оказался не менее щедрым на урожай и помог заготовить достаточно припасов на зиму» (Томас).

Считается дурной приметой увидеть в день этого праздника луну: если такое произойдет, того, кто увидел ночное светило, наверняка оклеветают. Причина вражды между Ганешей и лунной заключается, по преданию, в следующем. Однажды Ганеша, проходя по чандралоке (мир луны), споткнулся, и Чандра¹ посмеялся над ним. Разгневанный Ганеша проклял Чандру и объявил, что отныне всякий, кто взглянет на луну, подвергнется несправедливому унижению. В результате этого проклятия боги и люди стали сторониться Чандры, и в конце концов тот, желая скрыться от позора, спрятался в цветке лотоса. Поскольку другие божества не смогли снять про-

¹ Другое имя Сомы, распространенное в индуистской традиции.

клятия, они, по настоянию Брахмы, совершили перед Ганешей ритуал поклонения. Ганеша смилостивился и сказал, что проклятие можно снять одним-единственным способом: пускай обидчик приблизится к нему, Ганеше, и лично совершит поклонение. Брихаспати передал эту весть Чандре, и тот поспешил совершить ритуал. Вняв мольбам Чандры и других богов, Ганеша снял свое проклятие на все времена — кроме единственного дня в году, а именно дня его рождения.

В праздник Ганеша-чатуртхи любые начинания сопровождаются молитвой Ганеше: «Ом Ганешая намах».

В девятый день месяца чайтра (март—апрель) празднуется день рождения Рамы — Рама-навами. Как неоднократно упоминалось выше, Рама — аватара Вишну; по этой причине он удостоился в вишнуизме собственного культа. В течение восьми дней, предшествующих празднику, жрецы по всей стране читают вслух «Рамаяну», со всех сторон слышатся ритмические повторения имени Рамы («Рам... Рам... Рам...»), в поселениях разыгрываются сцены на сюжет поэмы.

Еще один день рождения, отмечаемый как всенародный праздник, — это день рождения Кришны, отмечаемый в восьмой день месяца шраван (июль—август). Этот праздник называется Джанмаштами. Праздник особенно широко отмечается в тех местах, где распространен культ Кришны, прежде всего в Матхуре. Основной элемент Джанмаштами — гуляния *расалила*, связанные с мифом о том, как юный Кришна соблазнял пастушек.

Пятый день месяца магх (конец января — начало февраля) посвящен богине Сарасвати — покровительницей письменности, науки и искусства. Согласно одним представлениям, в день праздника Васанта-панчами ни в коем случае нельзя писать; все книги, тетради, ручки и карандаши необходимо запереть в ящик перед изображением Сарасвати. По другим

представлениям, этот день наиболее благоприятен для подготовки важных документов.

Наконец еще один крупный праздник — это Датта Джаянти, отмечаемый в пятнадцатый день месяца маргаширша (ноябрь—декабрь). Этот праздник чувствует Даттатрею — триединое индуистское божество, своего рода ипостась Тримурти. По мифу, мудрец Нарادا своими рассказами заставил богинь Парвати, Лакшми и Сарасвати проникнуться завистью к Анасуде, жене риши Атри. Уязвленные богини — Нарада убедил их, что никто не сравнится с Анасудей в благочестии — уговорили своих мужей (соответственно Шиву, Вишну и Брахму) соблазнить Анасуду. Боги приняли облик бродячих брахманов, пришли в дом Анасуи и попросили подаяния. Анасуя подала им пригоршню зерна, но они попросили готовой пищи. Когда же женщина приготовила им еду, брахманы попросили ее раздеться донага и прислуживать им. В ответ Анасуя взяла таз с водой, вымыла ноги своему мужу, а затем окатила этой водой брахманов, которые немедленно превратились в младенцев. Анасуя дала им грудь и уложила в колыбель. Колдовство оказалось таким сильным, что боги не могли вернуть себе прежний облик и остались в доме Анасуи.

Парвати, Лакшми и Сарасвати, увидев, что их супруги долго не возвращаются, отправились на поиски. Все тот же Нарада сообщил им, что боги ушли в сторону хижины Атри. Богини поспешили туда — и обнаружили своих мужей спящими в колыбели. Анасуя пообещала, что снимет чары, если богини узнают среди трех одинаковых младенцев каждая своего супруга. К немалому удовольствию Анасуи и всех троих богов Лакшми вынула из колыбели Шиву. В конце концов Анасуя поддалась на мольбы богинь, но сказала, что она всегда хотела иметь детей, и тогда боги согласились остаться при ней в облике единого существа с тремя головами и шестью

руками. После этого Анасуя вновь вымыла ноги мужу и этой водой облила младенцев. Они мгновенно обернулись боже-ствами и, уделив каждый малую толику своей сущности, со-здали трехглавое божество Даттатрею.

Разумеется, этими десятью празднествами список индий-ских народных праздников не исчерпывается. Как уже гово-рилось, праздников в Индии насчитываются сотни, но дале-ко не все из них имеют общеиндийское значение. В каждом храме, посвященном какому-либо божеству, отмечаются соб-ственные праздники. «Как правило, каждый индус выбирает для себя несколько религиозных церемоний, в которых при-нимает участие, а есть и такие, как, например, члены касты баулов, которые ни участвуют ни в одной» (Альбедиль).

Нельзя не отметить, что большинство индусов очень ве-ротерпимы и с уважением относятся как к другим вероиспо-веданиям, так и к праздникам других конфессий. Общациона-льными праздниками Индии сегодня стали даже главные празднества «еретических учений» — и день рождения буд-ды Шакьямуни, и день рождения основателя джайнизма Джинны Махавиры, и — несмотря на политические разногла-сия между индусами и сикхами — день рождения основателя сикхизма гуру Нанака. «Индийская культура в целом не яв-ляется индусской, мусульманской или какой-либо другой, — писал М. Ганди. — Она есть сплав всех этих элементов». По-этому без краткого экскурса в историю «еретических учений» и краткого изложения их мифологической основы наш рас-каз о мифологии Индии окажется заведомо неполным. «Уче-ниям отступников» — и судьбе мировых религий на индий-ской почве — посвящена следующая глава.

Глава 7

«В КОМ ИСТИНА, ТОТ БРАХМАН»: новые боги индийской традиции

Душа в периоды распада общества. — Пассивная и активная реакция. — «Осевое время». — Еретические учения. — Буддизм и джайнизм как мифологии. — Ми­роустройство по-буддийски. — Будда. — Джина Ма­хавира. — Тиртханкары. — Дживы. — Трилока джай­нов. — Возвращение «осевого времени». — Бхакти и ислам. — Сикхи. — Безымянный бог. — Чудо, которым была Индия.

«Раскол человеческого общества является опытом коллек­тивным, а значит, искусственным. Значение его определяется тем, что относительно внутренних движений, происходящих в обществе, это — явление внешнее. Духовные процессы происходят в человеческой душе, ибо только Душа способна переживать человеческий опыт и откликаться на него духов­ным проявлением. Раскол в человеческой душе — это эпи­центр раскола, который проявляется в общественной жизни, поэтому, если мы хотим иметь более детальное представле­ние о глубинной реальности, следует подробнее остановиться на расколе в человеческой душе.

Раскол в душах людей проявляется в самых разнообраз­ных формах. Он затрагивает поведение, чувства, жизнь в це-

лом. В период распада общества каждый вызов встречает в душах людей прямо противоположный отклик — от абсолютной пассивности до крайних форм активности. Выбор между активной и пассивной реакциями — единственный свободный выбор, оставленный Душе, утратившей возможность (но, разумеется, не способность) творческого действия. По мере нарастания социального распада альтернативные решения становятся все более косными, полярными и более значимыми по своим последствиям.

Пассивная попытка состоит в уходе. Душа наполняется верой от общения с Природой, она восстанавливает те творческие потенции, которыми была изначально наделена. Активная альтернатива пассивному уходу есть Самоконтроль. Душа “берет себя в руки”, ищет форму обуздания естественных страстей через систему духовных упражнений, исходя из убеждения, что Природа губит творческие задатки, а вовсе не порождает их и что “обрести власть над Природой” — единственный путь к возрождению утраченных творческих способностей.

Пассивное выражение понимания всей глубины и неотвратимости нравственного падения — смысл самодвижения Вселенной, где Зло оказывается победителем в макрокосме. Душа впадает в протрацию, осознавая неизбежность своего поражения и тщетность попыток установить власть и контроль над окружением. Она начинает верить, что Вселенная, включая и самую Душу, находится в руках у власти, которая столь же иррациональна, сколь и неотвратима. И власть эта принадлежит богине с двойным ликом, имя которой — Случай, но дела свои она творит под именем Необходимости. С другой стороны, ощущение нравственного падения Души может вызывать настроение бесконтрольности и безответственности самой Души. В этом случае осознание собствен-

Будда Гаутама. Рельеф гандхара (III в. до н. э.).

ного нравственного падения носит активный характер. Тогда Душа поддается греху, и, обращая свой взгляд из макрокосма в микрокосм, она концентрирует усилия, чтобы преодолеть и победить Карму.

Пассивный ответ есть полное примирение с потерей ощущения формы, что является следствием потери стиля цивилизации, перешедшей из стадии роста в стадию распада. Душа попадает в смесительный котел. В сфере социального общения это порождает смешение традиций и сочетание несовместимых ценностей.

Активный ответ предусматривает отказ от местного стиля жизни. Он представляет собой попытку выработать иной

стиль, всеобщий и вечный. Поднимаясь до уровня этого активного ответа, Душа обнаруживает, что исчезновение характерной формы распадающейся цивилизации приводит не к Хаосу, что само по себе является результатом исчезновения вообще всякой формы, но к Космосу, всеохватывающая форма и божественная архитектура которого просматриваются сквозь трещины, образовавшиеся в человеческих творениях, являя взору Вечное и Беспредельное. Активный ответ есть прозрение всеобщего единства через осознание единства человечества и единение его с Богом».

Эти слова замечательного английского исследователя Арнольда Дж. Тойнби, автора многотомного труда «Постижение истории», как нельзя лучше описывают ту духовную ситуацию, в которой оказалось индийское общество на рубеже VI–V вв. до н. э. Засилье брахманического формализма омертвило «душу Индии», выхолостило искреннюю мистическую основу ритуала, подменила ее до предела изощенной формой, практически полностью лишенной сколько-нибудь живого содержания. Способность достичь высшего знания и «обрести небеса» оказалась фактически узурпированной сословием брахманов — представители всех остальных каст, чтобы приблизиться к небесам, были вынуждены обращаться к брахманам за помощью.

Эта ситуация — «осевое время» в терминологии немецкого философа К. Ясперса — породила в обществе духовное брожение. В восточных районах страны, где влияние брахманической религии было не столь велико, постепенно складывалось убеждение в том, что путь к высшему знанию лежит не через внешний, а через внутренний ритуал, совершаемый в душе; это убеждение отразилось в упанишадах. А на северо-востоке Индии зародились два «еретических» учения, отвергавших и авторитет брахманов, и брахманические ритуалы, и

Семь символических шагов Шакьямуни. Тибетская миниатюра (XVIII в.).

«мертвых» ведийских богов. Этими учениями были буддизм и джайнизм, без которых сегодня невозможно представить индийскую культуру — и мировую культуру в целом. Как ни удивительно, «еретики» не только не погубили индуизм, но и придали ему новые силы. «На протяжении всей многовековой истории духовный космос Индии представлял собой некое многоликое религиозно-культурное единство, воплощаясь в разных ярких и самобытных вариациях и пронизывая всю плоть индийской жизни, создавая ее неповторимую общую палитру. Во все времена она была и остается страной индуизма по преимуществу: именно вокруг него всегда строилось культурно-политическое и социальное единство субконтинента, и именно он имеет сейчас наибольшее число приверженцев. Дважды индуизм сдавал свои позиции, когда буд-

дизм становился в Индии государственной религией: при царе Ашоке в III в. до н. э. и в период Кушанской империи в I–II вв., но, обновившись и изменив форму, постепенно вернул утраченное могущество и влияние над душами своих адептов» (Альбедиль). Реформа брахманической религии, осуществленная под давлением метафизики упанишад, с одной стороны, и еретических доктрин буддизма и джайнизма, с другой стороны, завершилась возникновением индуизма в том виде, в котором он существует и по сей день. Что же касается «учений вероотступников», одно из них вышло за пределы Индии и мало-помалу превратилось в мировую религию, а другое сделалось с течением лет неотъемлемой составляющей индийской традиции.

В своем современном «воплощении» и буддизм, и джайнизм — религиозно-философские системы; религии в них гораздо больше, чем мифологии. Некоторые исследователи конца XIX — начала XX в. даже утверждали, что первоначальный, «канонический» буддизм был совершенно свободен от мифологии; сегодня эта точка зрения опровергнута, но не подлежит сомнению, что ранние буддийские тексты почти не содержат мифологических образов и сюжетов. Джайнская традиция более мифологична, но и в ней главное — этические и философские догматы, а не миф. Поскольку же наша книга посвящена именно мифологии, мы не будем сколько-нибудь подробно излагать здесь «теоретическую» основу буддизма и джайнизма — это увело бы нас очень далеко от поставленной цели; ниже речь пойдет исключительно о мифологии последователей Шакьямуни и приверженцев Джини Махавиры.

«По своему отношению к мифологии буддизм резко отличается от других религий, — писала Л.Э. Мьяль. — Это связано с основной концепцией буддизма, по которой чело-

век (и только человек) занимает особое место в иерархии всех (в том числе и мифологических) существ, так как он один имеет возможность спастись от оков безначальной сансары и достичь нирваны (то есть стать архатом или буддой). Все другие существа, в том числе боги и другие мифологические персонажи, не могут непосредственно достичь нирваны (для этого они должны родиться людьми), и в этом смысле они находятся на более низком уровне, чем человек, хотя и могут

Гневный бог Хаягрива. Тибет. Бронза.

иметь качества, которые ему недоступны. Своеобразно и отношение буддизма к реальности существования мифологических персонажей. Если в народном буддизме они считались вполне реальными, то философский буддизм рассматривал их как создания человеческой психики и тем самым по существу снимал сам вопрос об их реальности или нереальности. Такая установка открывала возможности для неограниченного расширения буддийского пантеона и обогащения его мифологического содержания. В буддийский пантеон было включено чрезвычайно большое число богов, полубогов и других мифологических существ из мифологий всех народов, народностей и племен, среди которых распространился буддизм; они сохранили свои функции, хотя и были подчинены принципам буддизма. Так, из мифологии брахманизма и индуизма вошли в буддийскую мифологию Брахма, Индра (буддийский Шакра), Вишну, Ганеша, локапалы, гандхарвы...» Все «включенные» в буддийскую мифологию божества стали участниками сюжетов, которые связали их с буддами.

Главная отличительная особенность буддийской мифологии — ее, если можно так выразиться, «гигантомания», стремление к бесконечности. По буддийским мифам, число миров во вселенной бесконечно — «больше, чем песчинок в Ганге». В каждом из миров существует гора Меру (Сумеру), вокруг которой высятся семь горных хребтов, а за ними протянулась суша — четыре материка и множество островов, — окаймленная мировым океаном. Под поверхностью земли расположен мир претов (духов, неспособных утолить свои желания), а еще ниже находятся бесчисленные преисподние. Над горой Меру — небеса богов, в том числе *траястринса*, «небо 33 богов», которым правит Шакра-Индра. Все мироздание, от преисподней до траястринсы, представляет собой Камадхату —

Каладеви. Бронза, эмаль (XVIII в.). Это — единственная богиня среди дхармапал, защитников буддийского вероучения.

«сферу желаний». Выше Камадхату расположены сферы Рупадхату и Арупадхату. Первая сфера, «имеющая форму», состоит из шестнадцати низших небес Брахмы; вторая, «не имеющая формы», состоит из четырех высших небес Брахмы.

Легко заметить, что это мироустройство во многом совпадает с картиной мира в представлениях индуистов; точно также буддийское представление о времени во многом совпадает с учением о сутках и годах Брахмы. Согласно буддийской традиции, сансара (бытие) безначально, однако все ее миры имеют временную протяженность, то есть возникают, развиваются и гибнут. Эта временная протяженность называется *махакальпой* (великой кальпой) и длится миллиарды человеческих лет. Махакальпа разделяется на четыре кальпы, протяженностью каждая в миллионы лет. Эти кальпы бывают «счастливыми» и «пустыми»; «счастливой», иначе *буддакальпой*, называется та, в которую в мире появляется будда.

Будда — центральный образ буддийской мифологии. Считается, что будд бесконечное множество; до Шакьямуни («отшельника из рода шакьев») в наш мир приходили шестеро будд — Вишвабху, Випашьина, Шикхина, Кракучханду, Канакамунни и Кашьяпу. В будущем же должен появиться среди людей будда Матрейя — будда грядущего мирового порядка. Будда ни в коей мере не является божеством; «если христианство неразрывно связано с верой в Христа, а ислам — с верой в Аллаха, то вера в будду Шакьямуни не играет особенно важной роли во многих направлениях буддизма. С точки зрения буддистов, будд было и будет бесконечное множество, и некоторые из них не менее авторитетны, чем Шакьямуни. В ряде течений индийского, китайского и японского буддизма больше чтут других будд, например Амитабху, Вайрочану или будду будущего — Матрейю, а в странах Юго-Восточной Азии

Майтрея — будда грядущего. Бронза (XI в.).

Голова Махавиры. Камень (X в.).

будду Шакьямуни почитают скорее как святого и великого мудреца. В позднем буддизме появляется учение об Ади-будде — изначальном Будде, воплотившем сущность всех будд» (Альбедиль).

Все эти представления характерны для буддизма в целом. Различия между направлениями буддизма — *хинаяной*, *махаяной* и *ваджраяной* — заключаются не в мифологии, а в этике и философии, которых, как уже говорилось, мы здесь касаться не намерены.

Если Шакьямуни признают седьмым по счету буддой нынешней буддакальпы, то Джину Махавиру, основополож-

ника джайнизма, считают двадцать четвертым и последним из *тиртханкаров*, «ведущих через океан жизни», то есть духовных учителей. Подобно Шакьямуни, Махавира — историческое лицо, жизнь которого с течением времени «обросла» мифологическими сюжетами. Первым же тиртханкаром ортодоксальная традиция называет некоего Ришабху, который жил в те времена, когда люди не умели правильно готовить пищу, не знали гончарного ремесла и письменности. Ришабху научил их всему этому, а также учредил брачные и погребальные обряды (круг действий, характерных для культурного героя). Считается, что тиртханкары приходят в мир, переживающий период спада; когда же мир «на подъеме», тиртханкары не нужны.

Все бытие, по джайнскому канону, населено двумя вечными феноменами — *дживами* (душами) и *адживами* (неодушевленные начала). Обретая «кармическую материю», дживы получают материальные тела и становятся живыми существами. «В джайнизме безначальный и бесконечный круговорот джив порождает представление о некоем равенстве всех существ, ибо все они обладают дживами (отсюда строжайший запрет на причинение вреда — *ахимса*), но поскольку дживы качественно различны в зависимости от количества органов восприятия (от одного у растений и до пяти у высших животных, людей и богов), создается своеобразная иерархия живых существ, высшее место в которой занимает человек, ибо только он может прекратить действие закона кармы и достичь освобождения. При этом мир людей делится на кармовый, то есть мир, где развивается история, и некармовый, где нет смены периодов времени. Состояния *сиддхи* — совершенных джив, освободившихся от кармы, могут достичь только обитатели кармического мира» (Альбедиль).

Джайнская традиция тяготеет к утомительно детальным описаниям мироустройства. В упрощенном виде мироздание представляется как трилока, то есть верхний, средний и нижний миры; эти три мира изображаются как усеченные конусы, причем средний и верхний соприкасаются основаниями, а вершина среднего лежит на вершине нижнего. Мироздание окружено мировой бездной, состоящей из густой воды, густого ветра и тонкого ветра. Помимо мира, есть еще и не-мир, непознаваемый и недоступный восприятию.

Каждая из сфер мироздания носит свое название — Урдхалока, Мадхьялока и Аддхалока соответственно; первая и третья сферы «дробится» на несколько уровней. Аддхалока состоит из семи нижних миров, и во всех находятся преисподние. Урдхалока объединяет в себе 10 или 11 небес, каждое из которых делится на северную и южную половины, а также на множество «подслоев»; в результате в Урдхалоке насчитывается в общей сложности свыше 60 небес. В самой верхней зоне самого верхнего неба пребывают сиддхи.

Что касается Мадхьялоки, она выстраивается вокруг центрального континента Джамбудвипа, посреди которого возвышается мировая гора Мандара. По окружности континента стоит алмазная стена, а за ней — решетка из драгоценных камней и океан Лаванода. Это строение сферы (континент — океан) многократно повторяется. Срединный мир буквально изобилует разнообразными божествами — свой бог есть у каждой горы, реки, местности, дерева и т. д.

В Аддхалоке обитают божества вйантара и бхаванавасины; в пространстве между средним и верхним мирами расположена обитель богов джйотишка, а на небесах находятся дворцы божеств вайманика и локантика.

Будда Амитабхи с амритой в руках. Бронза (X в.).

«Боги каждого класса характеризуются определенной продолжительностью жизни, частотой дыхания и принятия пищи, размерами тела, степенью способности ясновидения и трансформации в различные облики и т. д. Они могут иметь истинную, ложную или смешанную веру, истинное, ложное или смешанное знание. У каждого индры (владыки) есть несколько главных супругов, свита которых состоит из нескольких тысяч низших богинь. Индрам бхаванавасинов и ваймаников подчиняются (или почти равны им по рангу) хранители мира — локапалы и 33 высших чиновника — *траястримша*. Индры емят войска и военачальников и воюют друг с другом. Кроме того, у них есть совет. Самые низкие по социальному статусу божества, нечто вроде земных париев, называются *килбиша*. Как и обитатели ада, боги рождаются способом *упапатти* — мгновенным появлением без материального основания» (Альбедиль).

Представления джайнов о времени — точнее, о пространственно-временном континууме, или хронотопе, — также отличаются усложненностью даже по сравнению с представлениями индуистов и буддистов. Время движется циклически и рисуется как колесо, имеющее два полуоборота — восходящий и нисходящий; оба этих оборота делятся на шесть периодов. Первый и второй периоды нисходящего полуоборота описываются как хорошие: люди жили долго и счастливо, а сразу после смерти перерождались в высших мирах. С третьим периодом к людям приходит страдание; тогда же появляется первый тиртханкар Ришабха, который проповедует джайнское вероучение. В четвертом периоде на людей обрушиваются болезни, человек после смерти уже может переродиться в животное или в обитателя преисподней; в этот же период приходят остальные тиртханкары, в том числе Махавира, и *чакраватины* — идеальные цари. Пятый период, как

считается, начался через 75 лет и 8 с половиной месяцев после смерти Махавиры. А продлится он 21 000 лет. Тиртханкары больше не появятся, постепенно наступит упадок во всем, включая веру — исчезнут все религии, в том числе и джайнизм. Наконец шестой период ознаменуется тем, что человеческая жизнь сократится до 16–20 лет. Земля раскалится докрасна, а ночью будет остывать; жара днем и холод ночью заставят живых существ скрываться в океанских пещерах, будут дуть свирепые ураганы.

Но следующим периодом будет уже первый период восходящего полуоборота колеса, так что жизнь мало-помалу начнет налаживаться. Семь дождей напоят землю, пробудят растения, вновь появятся тиртханкары и т. д.

Этот цикл бесконечен; колесо неисчислимо количество раз проходило и будет проходить путь от «хорошего» к «плохому» и обратно. По замечанию О.Ф. Волковой, «в джайнизме, таким образом, совмещены и эсхатологическая, и хилиастическая линии».

В некармовом мире смены эпох не происходит; там всегда «хорошее» время.

Даже столь краткое, схематичное описание джайнской модели мироздания способно внушить почтительное уважение к масштабности мышления джайнов. Вдобавок многие древние джайнские рукописи из индийских библиотек до сих пор не опубликованы, а большая часть религиозно-философских текстов не переведена на европейские языки — джайны не стремятся предавать широкой огласке свое учение и свою мифологию. Можно только догадываться, какие удивительные картины мироустройства еще остаются неизвестными, и только сожалеть о том, что наши знания о религии и мифологии джайнов страдают удручающей неполнотой.

«Осевое время» вернулось в Индию на рубеже XV в., при мусульманских завоевателях. Официальной религией страны считался ислам, а «простонародный» индуизм переживал очередной реформаторский период: в нем зародилось течение бхакти («любви к богу»), отрицавшее брахманов как посредников между человеком и божеством и отвергавшее обряды и церемонии индуизма. На стыке бхакти и ислама (в его суфийском варианте) и возникло новое движение, сегодня притязующее на то, чтобы считаться религией, — сикхизм.

Основатель сикхизма гуру Нанак отрицал кастовую систему индуизма и проповедовал равенство всех людей перед божеством. В каноне сикхизма, священной книге «Ади Грантх», говорится, что бог — един и существует во всем и повсюду, а многобожие индуистов — лишь неспособность «непосвященных» постичь эту истину. У бога сикхов нет собственного имени, к нему обращаются, используя и индуистские, и мусульманские имена; он лишен качеств (*ниргун*), но, чтобы человек мог познать его, он переходит в состояние «наделенного качествами» (*сагун*). Бог невидим, всемогущ и всеведущ, он объединяет в себе три функции Тримурти — создание, хранение и разрушение. У него нет зримых воплощений, поскольку он находится вне цепи перерождений. В житии гуру Нанак присутствует такой гимн:

Тысячи глаз являются твоими глазами,
Но ты не имеешь ни одного.
Тысячи ликов — твои лики,
Но ты не имеешь своего.

Тысячи стоп являются твоими,
Но ты не имеешь ни одной.

Тысячи носов — твои,
Но ты не имеешь носа¹.

Человеку, чтобы прервать цепь перерождений, необходимо познать мистическое слово, постоянно повторять в молитвах имя бога «Сати нам» («его имя — истина») и следовать наставлениям гуру.

«Постижение бога — вот основная цель и стремление каждого последователя сикхизма. А полное постижение — не что иное, как абсолютное погружение в бога, растворение в нем, означающее прерывание цепи рождений. Бог должен быть в сердце человека, и это главное» (Альбедиль).

Индийская мифология представляет собой необозримое море сюжетов и образов, запечатленных в обширных циклах и памятниках древней литературы, которые охватывают века и тысячелетия культурной традиции. Мифологические представления индийцев менялись и эволюционировали от эпохи к эпохе: исчезали старые и возникали новые космогонические и религиозные концепции, образы и культы древних божеств тускнели и сходили со сцены, а им на смену выдвигались новые; местные божества и культуры включались в центральный пантеон, либо оттесняя божеств, закрепленных в нем раньше, либо сливаясь с ними и обогащая их новыми чертами и атрибутами; менялось содержание мифологических образов, смещались акценты в старых мифах, которые получали новое толкование вместе со сменой идеологических течений в новую историческую эпоху. При этом древние образы и представления нередко «воскресали» после веков забвения, иногда неузнаваемо преображенными, иногда легко различимыми в но-

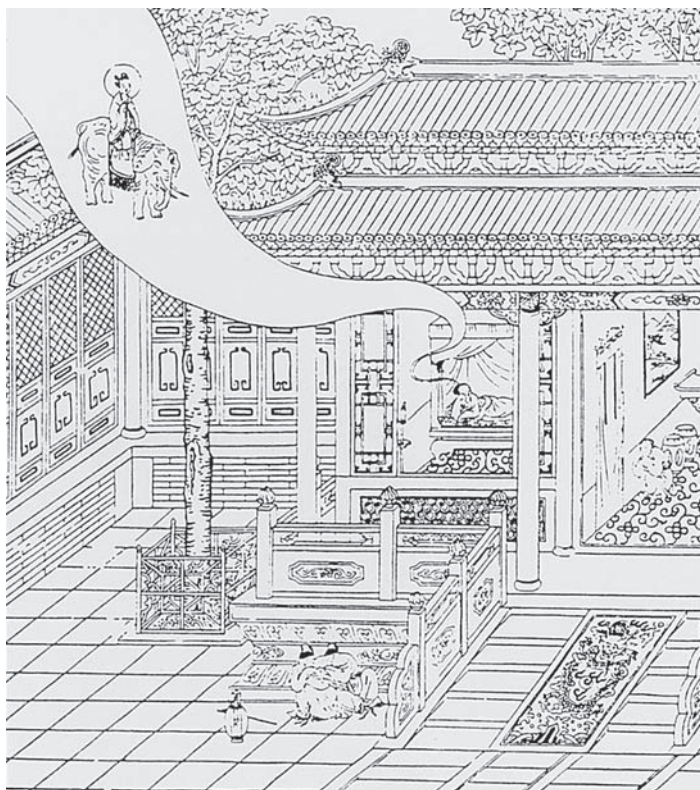
¹ Перевод К. Ашрафян.

ИНДИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ

вом «оформлении». В относительно поздних литературных памятниках часто встречаются архаические элементы мифологии и культа, вовлеченные в господствующую систему идеологии с периферии культурного ареала.

В результате сложилась картина крайне разнообразная, удивительно пестрая, во многом хаотическая, но оттого — не менее увлекательная. И хочется надеяться, что эта книга смогла, хотя бы скуными мазками, обрисовать читателю то «чудо, которым была Индия», то чудо, которым Индия продолжает оставаться и по сей день.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Краткая хронология

До нашей эры

Ок. 3200. В долине Инда складывается протоиндийская цивилизация с двумя крупнейшими городами, Хараппой и Мохенджо-Даро.

3102. Начало современной калиюги, которая должна продлиться 432 000 лет.

2500–2000. Торговые и культурные связи цивилизации долины Инда с Месопотамией.

Ок. 1600. Гибель протоиндийской цивилизации — возможно, в связи с природными катаклизмами.

1600–1000. Ранневедийский период.

Ок. 1500. Начало проникновения арийских племен в долину Инда.

1500–1000. Сложение и кодифицирование «Ригведы».

1000–600. Поздневедийский период.

Ок. 1000. Складывается кастовая система.

Ок. 900. Война пандавов и кауравов.

IX в. В этом веке жил Паршва, 23-й джайнский тиртханкар.

Ок. 800. Возвышение сословия брахманов.

VIII–V вв. Сложение упанишад. Получает распространение идея повторного рождения.

ИНДИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ

566 (563). Рождение царевича Сиддхартхи Гаутамы, основателя буддизма.

549. Рождение Джины Махавиры, 24-го тиртханкара джайнов.

537. Долина Инда входит в состав Персидского царства.

Ок. 523. Царевич Сиддхартха достигает просветления и становится Буддой.

V в. Возвышение царства Магадха. Кризис брахманизма.

V–II вв. Сложение «Махабхараты», включая «Бхагавад-гиту».

Ок. 486. Смерть Будды. В Раджагрихе собирается первый буддийский «собор», устанавливающий каноны вероучения.

Ок. 400. Записана «Сутра» Панини — первая грамматика санскрита.

IV–II вв. Сложение «Рамаяны».

326. Вторжение армии Александра Македонского в Северную Индию.

322–185. Империя Маурьев.

III в. Проповедь буддизма на Шри Ланке.

273–232. Царствование Ашоки, правителя-буддиста. При Ашоке империя Маурьев достигла зенита своего могущества.

251–246. Арии покоряют Шри Ланку.

247. Третий буддийский «собор», разногласия на котором привели к возникновению махаяны.

Ок. 200. Начало строительства пещерных храмов в Аджанте и Эллоре.

Наша эра

Ок. 50. Вторжение кушанских племен. В Таксиле возводится зороастрийский храм.

320–540. Правление династии Гуптов.

V в. Сложение пуран.

620–649. Правление царя Сонгстена Гампо, при котором индийские монахи принесли буддизм в Тибет.

VIII в. Падмасамбхава, «второй Будда», проповедует в Тибете ламаизм.

788. Рождение Шанкары, реформатора индуизма.

937. Зороастрийцы, бежавшие от притеснений арабов, основывают в Гуджарате парсийскую общину.

XI в. Складывается представление об изначальном Будде — Ади-будде. Расцвет культа Тары в Тибете.

Ок. 1020–1030. Султан Махмуд Газневи вторгается в Северную Индию.

XII в. Буддизм становится главной религией Тибета.

1206. Завоевание Тибета Чингисханом. В Индии основан мусульманский султанат со столицей в Дели.

1221. Вторжение в Индию монголов.

1288–1293. Марко Поло посещает Индию.

1396. Войска Темуджина разоряют Индию.

XV в. Фарси становится официальным языком Северной Индии.

1469. Рождение гуру Нанака, основателя сикхизма.

1498. Первое плавание Васко да Гамы. Начало проникновения европейцев в Южную Азию.

ИНДИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ

1510. Португальцы захватывают Гоа.

1526–1707. Империя Великих Моголов. Первый Могол, Бабур, объявляет себя султаном Агры и Дели.

1556–1605. Правление султана Акбара; власть Моголов распространяется на всю Северную Индию.

1560. В Гоа учреждена инквизиция.

1599. Учреждение Ост-Индской компании.

1632–1648. Строительство усыпальницы Тадж-Махал.

1757. Битва при Пласси; Индия становится британской колонией.

1768. Объединение Непала под властью династии Гуркхов.

1922. Начало археологических раскопок в долине Инда. Найдены руины Хараппы и Мохенджо-Даро.

1947. Индия обрела независимость.

ГЛОССАРИЙ

А

АБХАСВАРЫ

Низшие божества, входившие в *гану* божеств, помощники бога Шивы. Подчинялись они не столько Шиве, сколько Ганеше, который являлся посредником между низшими богами и Шивой.

АБХИРАТИ

В мифологии махаяны рай, находящийся на востоке. В Абхирати нет ни гор, ни долин, ни камней, все деревья имеют одинаковую высоту, все люди одинаково счастливы.

АВАЛОКИТЕШВАРА

Один из главных бодхисатв, олицетворение сострадания. Он может принимать разные формы, для того чтобы спасти страдающих, крики и стоны которых он слышит. Авалокитешвара может выступать как индуистский бог (Брахма, Ганеша, Вишну, Шива), как будда, как любое существо и вступать в любую сферу сансары.

В мифологии ваджраяны Авалокитешвара принимает различные образы и названия. Его изображают то похожим на индийского принца, то держащим цветок лотоса, то четырехруким, то имеющим 11 ликов и 1000 рук.

АВАТАРА (АВАТАР)

Божество, сошедшее в мир людей и воплотившееся в смертное существо, дабы защитить тех, кто ему поклоняется, и восстановить мир и справедливость.

Самые известные в древнеиндийской мифологической системе — десять аватар бога Вишну: рыба (Матсья), черепаха (Курма), вепрь (Вараха), человек-лев (Нарасинха), карлик (Вамана), Рама с топором (Парашурама), Рама, Кришна (или Баларама), Будда и белый конь (Калки). Воплотившись в рыбу, Вишну спас от потопа многих мудрецов-риши, а также семена всех растений; в образе черепахи он участвовал в пахтанье мирового океана; в образе вепря бог сразил демона Хираньякшу — поединок продолжался тысячу лет, после чего вепрь поднял на клыках землю, утопленную демоном в океане. В обличье человека-льва Вишну победил демона Хираньякашипу, в образе карлика отобрал у царя дайтьев небо и землю, а воплотившись в Парашураму, истребил множество кшатриев. Рама и Кришна — главные аватары Вишну; каждая из них впоследствии стала центром собственного культа (когда Кришна выступает как самостоятельное божество, восьмая аватара Вишну зовется Баларамой). В образе Будды Вишну соблазняет нестойких отречься от веры, а в последней аватаре, сидя на белом коне, истребляет зло, дабы мир воспринял грядущее возрождение.

АГАСТЬЯ

Божественный мудрец (риши), сводный брат Васиштхи, сын Митры и Варуны и апсары Урваши; он родился в кувшине, в который излилось при виде Урваши семя обоих богов. Силой своей аскезы Агастья сотворил себе жену Лопамудру, по просьбе которой он отнял сокровища у даитьи Илвалы, а самого Илвалу испепелил своим словом. Проклятием он превратил в змея царя Нахушу, захватившего власть над тремя мирами, и возвратил Индре престол царя богов. Он выпил океан, на дне которого укрывались асуры, и тем самым помог богам одержать над ними победу.

АГНИ

Бог огня, домашнего очага, жертвенного костра. По числу упоминаний в «Ригведе» Агни занимает второе место после Индры. Он — посредник между людьми и богами, божественный жрец, локапала (хранитель мира); он един и множествен, родился в трех местах: на небе, среди людей и в водах; у него три жилища, три жизни, три головы, три силы, три языка.

В упанишадах Агни — всеобъемлющее начало мироздания. У него много имен, но высшее из них хранится в тайне; из его эпитетов особенно известны Джатаведас — «знаток всех существ», Танунапат — «сын самого себя». Вайшванара — «принадлежащий всем людям».

Культ обожествленного огня, засвидетельствованный в ведах, восходит к периоду индоиранской общности (ср. «Авесту»).

АДДХАЛОКА

У джайнов нижний мир в трехчленной структуре мироздания. Этот мир состоит из семи «нижних земель», на дне каждой из которых находятся ямы-преисподние. Эти миры разделены прослойками воздуха, воды и пространства.

АДЖА ЭКАПАД

Ведийское божество, относимое обычно к классу воздушных. Этот бог поддерживает небо и океанские воды. Само имя бога представляет собой эпитет, за которым скрывается подлинное название божества, остающееся неизвестным.

АДИ-БУДДА

Олицетворение духовного единства безначально существующего бытия, тесно связанное с идеей калачакры.

АДИТИ

Женское божество, мать богов — адитьев. Адити — дочь Дакши, сестра Дити и Дану — родоначальниц асуров.

АДИТЬИ

Группа божеств — сыновей богини Адити. К их числу принадлежат, среди прочих, Варуна, Индра и Митра, а поздняя традиция вводит в сонм адитьев и Вишну, которого признают величайшим из них. Адитьи хранят покой и целостность мироздания; как сказано в «Ригведе», «три светлых

небесных пространства охраняют Адитьи». К людям обладающие чудесной силой адитьи относятся благосклонно: помогают в минуту опасности, удерживают от дурных поступков, дают долгую жизнь. Поначалу адитьев насчитывалось семь, в послеведийский период их число возросло до двенадцати, и каждый из них был соотнесен с каким-либо месяцем года.

АЙРАВАТА

Прародитель слонов. Он вышел из мирового океана во время его пахтанья богами и асурами. Айравата — старший над диггаджи (слонами-хранителями восьми направлений света), а также ездовое животное (вахана) и боевой слон Индры.

АМРИТА

Божественный напиток бессмертия, родственник греческому нектару и иранской хаоме. Согласно «Махабхарате», боги и асуры добыли амриту при пахтанье мирового океана.

АНАНДА

Кузен и любимый ученик Шакьямуни, в течение многих жизней находившийся рядом с Буддой. Ананде было суждено стать слугой Шакьямуни. Состояния архата он достиг только после смерти Шакьямуни. Считается, что именно Ананда изложил центральную часть буддийского канона «Трипитаки» — «Сутрапитаку».

АНГИРАСЫ

Полубоги, обладавшие чудесными голосами. Ангирасов было семеро, они считались сыновьями неба и богов. В «Ригведе» рассказывается, что ангирасы своим пением освободили коров, спрятанных в пещере демона Вала. В некоторых песнях говорится, что скалу проломил бог Индра, которого иногда называют главнейшим из ангирасов. Кроме того, ангирасы отыскивали бога Агни, укрытого в стволе дерева, и сражались на стороне богов с асурами.

АНИЛЫ

Божества ветра. Главный из анилов входит в число васу. Анилы принадлежат к гане божеств, которая подчиняется Ганеше и помогает Шиве.

АПАМ НАПАТ

Ведийское божество, связанное с водой и огнем.

АПАС

Ведийские божества, олицетворение космических вод. В этих водах обитает Варуна, повелитель вод, окружающих вселенную.

АПСАРЫ (АПСАРАС)

Полубогини, обитающие в основном на небе, но также населяющие реки, горы и т. д. Согласно ведам, апсары могут насылать на людей любовное безумие, но покровительствуют

людям азартным, особенно — любителям игры в кости. Это оборотни, способные принимать любой облик, однако чаще всего они являются в обличье прекрасных женщин в богатых одеждах, убранных драгоценностями и цветами. Апсары — небесные танцовщицы, позднее — куртизанки: боги нередко подсылают их к демонам-асурам или к аскетам, которых нужно соблазнить, иначе подвижничество сделает тех равными богам. По «Рамаяне», апсары возникли на заре мироздания, при пахтанье мирового океана. Их насчитывается от нескольких десятков до сотен тысяч. Они — жены или возлюбленные гандхарвов.

АРДЖУНА

Герой, третий среди братьев-пандавов, сын Кунти от бога Индры, муж Драупади. В годы изгнания пандавов Арджуна несколько лет провел на небесах, помогая богам в сражениях с асурами. Своими подвигами в битве на Курукшетре Арджуна превзошел всех остальных воинов.

АРХАТ

В мифологии хинаяны человек, который достиг наивысшего уровня духовного развития (нирваны). Путь к состоянию архата разделяется на четыре уровня: «вступивший в поток», «возвращающийся один раз», «невозвращающийся» и «архат». Архатами считались главные ученики Шакьямуни — Ананда, Маудгальяяна, Шарипутра и другие. В махаяне состояние архата не считается пределом развития личности, поэтому архаты должны продолжать свой путь как бодхисатвы.

АРЬЯВАРТА

Мифическая страна, где происходит действие индийских мифов и разворачивается сюжет индийского эпоса. Реальная Арьяварта — первоначальная территория расселения ведийских ариев в Индии (Великая Северо-Индийская равнина).

АРЬЯМАН

Ведийское божество класса адитьев, весьма абстрактное по своим функциям.

АСУРЫ

Божества, обладающие колдовской силой; по этой причине «Ригведа» причисляет к асурам адитьев и даже Индру и Агни. В «Атхарваведе» асурами уже называются только демоны. Асуры возникли из дыхания Брахмы (или же из его брюшной полости). На небесах у асуров было три града — железный, серебряный и золотой; кроме того, у них были города и под землей. Все три небесных града асуров испепелил бог Рудра, а самих асуров он низверг на землю.

В буддийской мифологии асуры — существа, образующие один из шести разделов сансары (мирского бытия). Некогда они обитали на небе, но были изгнаны. Ныне они обитают в пещере священной горы Меру и ведут с богами непрерывные войны, в которых постоянно терпят поражения.

По замечанию А.Н. Афанасьева, «индийским асурам, которых разит и гонит в глубокие подземелья могучий Индра, вполне соответствуют греческие титаны, существа подземные, враждебные Зевсу и олимпийским богам».

АТМАН

В упанишадах индивидуальное бытие, «душа», как в личном, так и в универсальном планах. В философии Атман — всеобщая основа и первопричина, не имеющая каких-либо конкретных характеристик. Атман неразрывно связан с Брахманом; их почитание и постижение их тождества составляет одну из основных заповедей индуизма.

АТХАРВАВЕДА

Одна из четырех священных книг, собрание заговоров и молитв, датированное приблизительно началом I тысячелетия до н. э. Название этой веды происходит от имени мифического жреца Атхарвана («жрец огня»).

АХИ БУДХНЯ

Ведийское божество змеиной природы, возможно, связанное с Вритрой.

АЧЕРИ

Призраки в обличье маленьких девочек. Они обитают в горах, а по ночам спускаются с гор в человеческие поселения и напускают болезни на детей. Защититься от ачери можно, повязав горло ярко-красной нитью.

АШВАМЕДХА

Ритуал жертвоприношения коня. Совершившего 100 этих жертвоприношений считали способным низвергнуть Индру и стать царем Вселенной.

ИНДИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ

АШВАТТХА

Священное фиговое дерево, индийский вариант мирового древа.

АШВИНЫ

Божественные близнецы, принадлежащие к числу небесных богов. За день Ашвины объезжают вселенную и прогоняют тьму. Они исцеляют, возвращают к жизни умерших, излечивают слепых и хромых.

Ашвины — древние, но вечно юные боги, сильные и прекрасные. В «Махабхарате» рассказывается о том, как они помогли богу Индре победить асуру Намучи. Ашвины вообще очень часто выручают из беды как богов, так и смертных.

Б

БАЛАДЕВА, ВАСУДЕВА И ПРАТИВАСУДЕВА

У джайнов триада героев, принадлежащих к числу шалакапуруша. В каждый свой приход в мир члены этой триады разыгрывают один и тот же «сюжет»: Пративасудева захватывает мир людей, Васудева ведет с ним войну и в конце концов убивает, а Баладева печалится о судьбе своего младшего сводного брата Васудевы и через страдание достигает конечного освобождения (мокша).

БАЛАРАМА

Старший брат Кришны, аватара Вишну (или змея Шешы, на котором возлежит Вишну). После гибели ядавов, племени Кришны, Баларама умер, сидя на берегу моря. Из его рта выполз белый змей Шеша.

БОДХИ

Высшее состояние сознания; духовное просветление. Существуют несколько уровней бодхи: например, «наивысшее истинное пробуждение» и пробуждение архатов и пратьекабудд. У бодхи семь основных качеств — раздумчивость, изучение дхармы, мужественность, восторженность, спокойствие, сосредоточенность и невозмутимость. Слово «бодхи» является

также составной частью сложных слов, обозначающих объекты, вблизи которых Шакьямуни, по буддийским мифологическим представлениям, достиг духовного просветления: «дерево бодхи» (bodhivrkṣa), «сиденье бодхи» (bodhimanda), «почва бодхи» (bodhitala) и др.

БОДХИСАТВА

Человек (или какое-нибудь другое существо), который принял решение стать буддой. По хинаяне, путь бодхисатвы прошли только бывшие будды и будда современной эпохи Шакьямуни, а также пройдет будда будущего мирового порядка — Майтрея, все остальные люди могут достичь лишь состояния архата. По махаяне же, путь бодхисатвы доступен для всех.

Путь бодхисатвы начинается с «поднятия духа просветления», после чего даются обеты спасти все живые существа от оков сансары. Длительность пути бодхисатвы равняется примерно трем «неисчислимым кальпам», причем в течение первой достигается только первый уровень, в течение второй — седьмой, а в течение третьей — десятый. На своем пути бодхисатва перерождается много раз в облике не только человека, но и любого другого существа, находящегося в сансаре.

БРАХМА

Высшее божество, творец мира, глава триады верховных богов индуизма: Брахма — создатель вселенной, Вишну — хранитель, Шива — разрушитель. Брахма — наиболее абстрактное божество триады.

Согласно пуранам и «Махабхарате», Брахма родился в золотом зародыше, плававшем в первобытных водах. Жизнь Брахмы, превышающая жизнь всех других богов, определяет хронологические рамки вселенной. Брахма живет сто «собственных» лет, равных 311 040 000 000 000 человеческих лет. День Брахмы равен всему сроку существования данного мира, а ночь Брахмы равна времени, когда он отдыхает от предыдущего акта творения.

Сыновья Брахмы, рожденные силой духа, — Маричи, Атри, Ангирас, Пуластья, Пулаха, Крату, Дакша и Бхригу.

БРАХМАЛОКА

Обитель Брахмы на вершине горы Меру или же высоко над нею. В Брахмалоку попадают те смертные, которые при жизни отличались исключительной праведностью и за это избавились от бесконечной цепи рождений (сансары). Брахмалока состоит из нескольких областей: махарлоки, джанарлоки, тапарлоки и сатьялоки. Все области Брахмалоки разрушаются во время великого уничтожения космоса — махапрали — в конце жизни Брахмы.

В буддийской мифологии Брахмалока — высшие девалоки, которые образуют две сферы в сансаре — «сферу, имеющую формы» (рупадхату), и «сферу, не имеющую формы» (арупадхату). К первой относятся шестнадцать небес, вторая сфера состоит из четырех небес и считается выше первой.

БРАХМАН

Высшая объективная реальность, абсолют, творческое начало, в котором все возникает, существует и прекращает суще-

ствование. Тожество Брахмана и Атмана — кардинальное положение индуизма. Кроме того, Брахман — верховный бог, творец, эпитет Брахмы.

Также брахман — жрец, ученый, учитель, принадлежащий к *варне* (не касте!) брахманов, «дваждырожденный», то есть прошедший ритуал посвящения, своего рода второе рождение. Брахманы имели право обучать других, совершать жертвоприношения, принимать жертвы, дарить земельные наделы и т. д.

БРАХМАНЫ

Род древнеиндийской литературы, содержащий комментарии к ведам. Время составления брахман приблизительно датируется X–VII вв. до н. э.

БРИХАСПАТИ (БРАХМАНАСПАТИ)

Божество молитвы и жертвоприношения. Этот бог дарует богатство и сыновей, щедр к жертвователям и певцам, непримирит к лжи и врагам. Брихаспати — божественный жрец (пурохита или брахман). Его нередко называют Вачаспати — «господин речи». Во многих сюжетах Брихаспати выступает как наставник богов.

БУДДА

Человек, достигший наивысшего предела духовного развития. Первоначально словом «будда» обозначали, по-видимому, лишь Шакьямуни, но уже на самом раннем этапе развития буддизма возникла идея о других буддах. По представле-

ниям хинаяны, будда всегда должен начинать свою духовную карьеру как бодхисатва; после достижения нирваны он может остаться жить в человеческом облике до конца кальпы. Будда проповедует дхарму (учения, при помощи которого можно достичь нирваны). В махаяне число будд возрастает до бесконечности. Каждый из «неисчислимого числа миров» имеет свое «неисчислимое число будд прошлого, настоящего и будущего». По махаяне, будды могут жить до бесконечности (разрушение мира в конце кальп их не затрагивает).

БХАВАНАВАСИНЫ

У джайнов род божеств, обитающий в Кхарабхаге — одном из «нижних миров». В этом роду десять колен. Первое колено — Асуракумара («демоническая молодежь»), у них черные тела и красные одежды; второе — Нагакумара («драконья молодежь»), у них светлая кожа и темные одежды; третье — Видьюткумара («молниевая молодежь»), у них красные тела и черные одежды, четвертое колено — Супарнакумара («орлиная молодежь»), с золотой кожей и в белых одеждах; пятое — Агникумара («огненная молодежь»), красные, в черных одеждах; шестое — Ваюкумара («ветряная молодежь»), темные, в багровых одеждах; седьмое — Станитакумара («громовая молодежь»), у них золотая кожа и белые одежды; восьмое колено — Удадхиккумара («океанская молодежь»), светлые, в темных одеждах; девятое — Двипакумара («островная молодежь»), красные, в темных одеждах; десятое — Диккумара («молодежь направлений горизонта») — золотого цвета, в белых одеждах.

Асуракумара надзирают за войнами и эпидемиями; нагакумара, удадхиккумара и станитакумара следят за наводнени-

ИНДИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ

ями, видьюткумара, агникумара и ваюкумара наблюдают за движением звезд и пожарами; супарнакумара, двипакумара и диккумара отвечают за металлы и драгоценные камни. Битвы между супарнакумара и нагакумара вызывают землетрясения. Индрам (верховным правителям) бхаванавасинов подчиняются локапалы — хранители мира.

БХАГА

Ведийское божество класса адитьев, довольно абстрактное по своим функциям. Нередко имя Бхага употребляется как эпитет других богов, прежде всего Савитара. Любопытно, что от имени этого божества произошло славянское слово «бог».

БХАГАВАД-ГИТА

«Небесная песнь», поведенная Кришной герою Арджуне; составная часть «Махабхараты», идеал чистой духовности и философская основа индуизма.

БХАГАВАТ

Эпитет высших божеств.

БХИМА (БХИМАСЕНА)

Герой, один из братьев-пандавов, сын Кунти от бога ветра Ваю. Среди подвигов Бхимы — убийство множества ракшасов, а также (в битве на Курукшетре) — Дурьодханы и Духшасаны.

БХИШМА

Герой, двоюродный дед пандавов и кауравов, сын царя Шантану и богини Ганги. Сочувствуя пандавам, Бхишма сражался на стороне кауравов. В битве на Курукшетре Бхишма был убит Арджуной.

БХРИГУ

Мудрец, один из семи великих риши. В «Ригведе» имя Бхригу употребляется во множественном числе и означает группу божественных существ, передавших небесный огонь людям и бывших его хранителями. Что касается Бхригу-мудреца, он родился из семени Праджапати и был воспитан Варуной; его слово обладало непререкаемым авторитетом.

БХУЛИНГА

Чудесная птица, известная тем, что выбирает куски мяса между зубами льва, забираясь к нему в пасть, хотя сама наставляет людей не быть опрометчивыми. Как сказано в «Сабхапарве» (вторая книга «Махабхараты»), живые существа следуют своей природе, подобно птице бхулинга.

БХУТЫ

Демонические существа, составляющие свиту бога Шивы, который носит титул Бхутешвары — «владыки бхутов». Бхуты обитают на кладбищах, питаются человеческим мясом. Это враждебные людям оборотни, способные перекидываться в различных животных. Порой они становятся хранителями той деревни или дома, где поселились. Абу Рейхан Бируни в

ИНДИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ

своим труде «Индия» относил бхутов к существам, наделенным третьей из трех первичных сил: «Если человек действует, то он действует для видов бхута и пишача, то есть дьяволов... Последствие этой силы — наказание и нисхождение от человеческой ступени до ступени животных и растений». Также Бируни определял бхутов как «человеческие существа, тесно связанные с духовными существами и стоящие посередине (между последними и людьми)».

В

ВАДЖРА

Палица грома, оружие Индры, у нее четыре или сто углов и тысяча зубцов; иногда она в виде диска, позже — крестообразна. В «Махабхарате» сообщается, что ваджра сделана из скелета мудреца-отшельника Дадхичи.

В буддийской мифологии ваджра — символ прочности и неуничтожимости. Она занимает центральное место в символике ваджраяны (течения в буддизме, получившего свое название от ваджры), ее изображают как особым образом оформленный скипетр. В ваджраяне ваджра символизирует мужское начало, путь и сострадание.

ВАДЖРАЯНА

Буквально «алмазная колесница». Направление в буддизме, декларирующее возможность достичь состояния будды уже при жизни, а не после смерти.

ВАЙМАНИКА

У джайнов род божеств, обитающий в Урдхвалоке — верхнем мире, нижний предел которого лишь на волос выше вершины священной горы Меру. Вайманика, которые обитают в *калпе* (восемь нижних небес Урдхвалоки), делятся на двенад-

ИНДИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ

цать колен. Те, которые находятся выше, именуются ахаминдра — «сам себе правитель». Ахаминдра не носят ни одежд, ни украшений, не ведают чувственных наслаждений. Чем выше вайманика поднимаются по небесной лестнице, тем чище становится цвет их ауры и острее восприимчивость. С другой стороны, уменьшается привязанность к вещам и гордыня. Все вайманика имеют царственный облик, не отбрасывают тени и не мигают; у них не растут ни ногти, ни волосы.

ВАЙШЬЯ

Одна из четырех варн, к которой принадлежали земледельцы, скотоводы, торговцы и ремесленники.

ВАЛА

Демон, скрывавший в своей пещере коров, похищенных Пани; также название самой пещеры. Индра и Брихаспати во главе семи мудрецов ангирасов разрушили пещеру и освободили коров. Это миф известен в литературе как «миф Вала».

ВАЛАКХИЛЬИ

Мудрые карлики, принадлежащие к разряду низших божеств. Они живут на солнце, питаются солнечным светом и сторожат колесницу светила.

ВАЛЬМИКИ

Легендарный автор эпической поэмы «Рамаяна», «первый поэт» (адикави), ему приписывается изобретение эпического стихотворного размера — шлоки.

ВАРНА

Одно из основных сословий древнеиндийского общества. Варн насчитывалось четыре — брахманы, кшатрии, вайшья и шудры; с каждой варной соотносился определенный цвет: белый — с брахманами, красный — с кшатриями, желтый — с вайшья; шудры же своего цвета не имели. На основе варн позднее возникла система каст (*джати*).

ВАРУНА

Божество космических вод, охранитель истины и справедливости, главный из адитьев; наряду с Индрой величайший из богов ведийского пантеона. Нередко гимны «Ригведы» обращаются к паре Митра—Варуна как к единому божеству. Варуна обладает чудесной колдовской силой (майя), его часто именуют асуром. По Ж. Дюмезилю, Варуна вместе с Митрой моделирует космос в целом, особенно в его магико-правовом аспекте. Он — хранитель высшего закона и гарантия сообразности в мире. В поздней традиции Варуна — один из локапал, хранителей мира.

ВАСИШТХА

Один из семи божественных мудрецов (риши), сын Брахмы, повторно рожденный из семени богов Митры и Варуны, восплававших страстью к апсаре Урваши. В индийской традиции Васиштха — идеал брахмана; он и его потомки, составлявшие могущественный род васиштхов, считались домашними жрецами (пурохитами) царей Солнечной династии.

ВАСУ

Группа божеств, связанных с землей. Васу насчитывается восемь. Вместе с рудрами, которых одиннадцать, двенадцатью адитьями, а также двумя верховными божествами, они образуют, по «Атхарваведе», древнеиндийский пантеон. Повелевает васу Индра (или Агни). Как сказано в «Махабхарате», васу, «вследствие проклятия Васиштхи и повеления Индры, родились от Ганги... Младший из них был Бхишма... рассудительный и красноречивый, знаток вед, сокрушитель полчищ врагов». По легенде, из-за проклятия Васиштхи васу родились на земле как сыновья царя Шантану от богини Ганги.

ВАСУДЕВА

Отец Кришны и брат Кунти, матери пандавов; также имя Кришны и Вишну. По-видимому, в древности Васудева считался отдельным божеством, но постепенно слился с образом Вишну—Кришны, причем два варианта его имени были закреплены за двумя персонажами мифа о Кришне.

ВАСУКИ

Чудовищный змей. Когда боги и асуры вместе пахтали мировой океан, чтобы добыть из него напиток бессмертия — амриту, они использовали в качестве мутовки гору Мандару, которую поставили на спину гигантской черепахи, опустившейся на дно океана. Вместо веревки Мандару обвязали змеем Васуки.

ВАЧ

Богиня речи и сама речь. Вач — владычица и собирательница богатств, покровительница брахманов и риши. В «Атхарваведе» она отождествляется с Вираджд и считается дочерью бога любви Камы. В брахманах Вач называют «матерью вед» и женой Индры. В эпосе Вач — богиня мудрости и красноречия.

ВАЮ

Бог ветра, отец марутов, «жизненное дыхание» (prana), возникший из дыхания Пуруши. В «Рамаяне» Ваю — отец Ханумана; в «Махабхарате» — отец Бхимы. Как локапала (хранитель мира) Ваю правит северо-западом, его ездовое животное (вахана) — олень.

ВЕДЫ

Буквально «священное знание». Важнейшие литературные памятники индийской традиции, древнейшие собрания текстов религиозно-мифологического и ритуального содержания. К этим памятникам принадлежат «Ригведа» (древнейшая среди вед), «Самаведа», «Яджурведа» и «Атхарваведа»; иногда «пятой ведой» называют эпическую поэму «Махабхарата».

ВЕТАЛЫ

Злобные существа, вампиры, которые обитают на кладбищах и обладают способностью вселяться в трупы. Вместе с бхутами и праматхами они составляют свиту бога Шивы.

ВИВАСВАТ

Ведийское солярное божество из адитьев, родоначальник людей, отец Ямы и Ями. Вивасват первым совершил жертвоприношение и даровал людям огонь.

ВИДЬЯДЕВИ

У джайнов богини магический познаний.

ВИДЬЯДХАРЫ

Полубоги, живущие между землей и небом. Они сопровождают бога грома и молний Индру во время его походов; либо их вместе с якшами и киннарами относят к свите Куберы — бога богатства. Видьядхары — оборотни, способные по желанию менять облик. Они часто вступают в браки со смертными. Абу Рейхан Бируни, пересказывая древнюю легенду о горе, которая решила преградить дорогу солнцу, говорит: «Гора поднялась так высоко, что приблизилась к раю и местопребыванию духовных созданий видьядхаров. Эти последние поспешили к горе, потому что там было приятно, а в ее садах и лугах усладительно; они поселились на ней и пребывали в радости; их жены прогуливались по ней, а их дети играли там друг с другом; и когда ветер дул на белые одежды их дочерей, они трепетали, как развевающиеся знамена». Правда, в другой главе своего труда «Индия» Бируни называет видьядхаров злыми духами-колдунами, колдовство которых «не действует непрерывно».

У джайнов видьядхары — боги и люди, обладающие магическими познаниями.

ВИРАДЖ

Олицетворение женского творческого начала. Вираджд родилась от Пуруши, а Пуруша — от Вираджд. В упанишадах Вираджд — творческий принцип.

ВИРИКА

Крошечные существа ростом не более восемнадцати дюймов. Кожа у них огненно-красная, а зубы — острые и окровавленные. Вирики крутятся вокруг тех домов, в которых кто-то должен вот-вот умереть. Прогнать вирику может только колдун; впрочем, существует и еще один способ — возвести небольшой алтарь и каждый день сжигать на нем свежие цветы и благовония. Тогда вирики могут уйти.

ВИШВАКАРМАН

Божественный творец вселенной, поэт, мудрец, жрец, «единственный установитель имен богов». В пуранах и эпосе Вишвакарман — ваятель, плотник, кузнец, строитель, он построил для ракшасов город Ланку, дворец бога богатства Куберы, изготовил летающую колесницу Пушпака и т. п.

ВИШВЕДЕВА (ВИШВА)

Особый вид объединения божеств (гана). К вишведева обычно обращаются при жертвоприношениях. Иногда этим словом обозначаются более малочисленные группы божеств — к примеру, маруты.

В пятой мандале «Ригведы» один из гимнов, обращенных ко всем богам (вишведева), начинается так:

Пусть эти Митра, Варуна, Арьяман, Аю,
Индра, Рибхукшан, Маруты наслаждаются у нас
Или у тех, которые под поклонения создают
Хвалу Рудре щедрому, единодушные!

Как следует из текста, вишведева на самом деле представляла собой объединение самых разных богов, практически полностью покрывающее пантеон.

ВИШНУ

Один из высших богов, составляющий вместе с Брахмой и Шивой божественную триаду. Вишну — хранитель мира. В гимнах «Ригведы» прославляются три шага Вишну, которыми он измерил земные сферы. Из 18 главных пуран 6 посвящены Вишну. Деяния Вишну описываются в мифах об аватарах (воплощениях) этого божества. Обычно Вишну изображается возлежащим на змее Шеше; в одной из его рук — чакра, в другой руке — раковина, в третьей — булава, в четвертой — лотос или лук. Пребывает Вишну на вершине горы Меру. Его ездовое животное — царь птиц Гаруда.

ВЪАНТАРА

У джайнов божества подземного мира, обитающие между верхним слоем нижнего мира (Ратнапрабха) и срединным миром. Кроме того, их можно встретить в рощах срединного мира и на островах Антарадвипа (эти острова находятся в океане Лаванода, который окружает Джамбудвипу — континент в центре срединного мира). Вйантара делятся на десять колен; по некоторым источникам, к ним относятся пишачи, бхуты, якши, ракшасы, киннары и гандхарвы. Живут вйантара во

дворцах, самый большой из которых равен размерами Джамбудвипе.

ВРИТРА

Демонический змей, противник Индры, преградивший течение рек, олицетворение хаоса. У Вритры было 99 крепостей, и все они разрушены Индрой. Победа Индры над Вритрой — это победа организованного космоса над хаосом.

Г

ГАНА

Замкнутая группа божеств — адитьи, вишвы, васу, тушиты, абхасвары, анилы, махараджики, сакхьи, рудры. Правит ганами Ганеша, сын Шивы и Парвати, бог мудрости со слоновьей головой.

ГАНГА

Небесная река, дочь царя гор Химавата и сестра Парвати, излившаяся на землю, олицетворение индийской реки Ганг. В индуизме река Ганг считается священной, ее воды очищают от грехов, избавляют от болезней и даруют небесное блаженство тем, кто избирает их местом своего погребения.

ГАНДХАРВЫ

Полубоги, мужаья небесных танцовщиц апсар. В «Атхарваведе» говорится, что гандхарвов — несколько тысяч, что это злобные духи воздуха, лесов и вод. Человеку, который увидит в воздухе призрачный «город гандхарвов», грозит гибель. Вместе с тем гандхарвы — певцы и музыканты, услаждающие слух богов на праздниках и пиршествах.

В индийском праве существует «брак по способу гандхарвов» — один из восьми видов брака. Это свободный брак, ос-

нованный на взаимной любви, но заключенный без ведома родных и без соблюдения обрядов.

ГАНЕША

Божество со слоновьей головой, сын Шивы и Парвати. Ганеша возглавляет свиту Шивы, он — бог мудрости и устрани- тель препятствий. Ездовое животное Ганеши — крыса.

ГАРУДЫ

Огромные птицы, заклятые враги демонических змей-нагов. Некий подвижник научил гаруд тайной мантре, благодаря которой они находили нагов всегда и везде. Название этих птиц происходит от имени царя птиц Гаруды, который также непрерывно сражается с нагами. Выглядят гаруды как птицы с человеческим туловищем, орлиной головой и когтями.

В буддизме гаруды — огромные птицы, вечные враги нагов. Считается, что гаруды могут принимать человеческий облик и что в одном из своих прошлых рождений Шакьяму- ни был их царем.

ГРАХИ

Ведьмы. Они нападают на людей, насылают на них болезни и убивают.

В «Атхарваведе» присутствует несколько заклинаний про- тив грахи. Одно из них звучит так:

На Триту боги стерли этот грех.

Трита стер его на людей.

Если от этого в тебя вцепилась Грахи,

Пусть боги заклинанием заставят ее исчезнуть у тебя!

ИНДИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ

В двенадцати местах положено то, что стерто
Тритой, — грехи человеческие.
Если от этого в тебя вцепилась Грахи,
Пусть боги заклинаниями заставят ее исчезнуть у тебя!

ГУНА

Три состояния, или свойства, природы (пракрити) как источника всех проявленных и непроявленных объектов. Первая гуна — *сатва* (уравновешенность, гармония); вторая — *рад-жас* (страсть, деятельность); третья — *тамас* (косность, мрак). В «Бхагавад-гите» говорится, что воздействие гун определяет добродетели, пороки и посмертные судьбы людей.

ГУХЬЯКИ

Полубоги, вместе с якшами и киннарами составляющие свиту Куберы, бога богатства. Гухьяки живут в горах, охраняя скрытые там сокровища.

Д

ДАЙТЬИ

Демоны-асуры, дети Дити и Кашьяпы, великаны, враждующие с богами-адитьями. Среди дайтев наиболее известны Хираньякша и Хираньякашипу.

ДАКИНИ

Жестокие демоницы, составляющие свиту злой богини Кали. В ваджраяне — грозное женское начало. Дакини посвящают человека в тайны дхармы, но яростно выступают против всего, что связано с продлением существования сансары.

ДАКША

Божество класса адитьев, «отец богов»; его старшая дочь Дити стала матерью дайтев, вторая дочь Дану — матерью данавов, а третья Адити — матерью адитьев и, следовательно, самого Дакши. Наиболее известный из мифов, связанных с Дакшей, — миф о первом жертвоприношении и гнев Рудры (позднее — Шивы).

Дакини. Резьба
на человеческой кости
(XVIII в.).

ДАНАВЫ

Демоны-асуры, дети Дану и Кашьяпы, великаны, противники адитьев. «Риг-веда» упоминает семерых дайтьев, среди которых — Вритра и Намучи.

ДАСЬЮ

Демоны, враждебные богам, и племена, не почитавшие богов, т. е. не арии. Среди дасью — Намучи, Пипру, Илибиша, возможно, Вритра.

ДВИПА

Каждый из континентов в мировом океане, расположенных вокруг горы Меру. К самой Меру примыкает Джамбудвипа.

ДЕВА

Божества индийского пантеона; их насчитывается тридцать три (впрочем, в различных текстах упоминаются и 333 бога, и 3306, и 3339). Дева делятся на три группы божеств — небесных (Варуна, Вишну, адитьи), воздушных (Индра, Рудра, маруты) и земных (Агни, Сома). Боги враждуют с демонами-асурами, наделен-

ными колдовской силой — майя (поскольку богов еще называют «сурами», слово «асуры» можно толковать как «небоги»).

ДЕВАДАТТА

Кузен и ученик будды Шакьямуни. За восемь лет до смерти Шакьямуни Девадатта потребовал, чтобы тот, будучи в преклонном возрасте, удалился и оставил ему руководство сангхой (буддийской общиной). Шакьямуни отказался; тогда Девадатта решил убить его. Благодаря своим магическим силам, Шакьямуни избежал опасности. Из-за греховности Девадатты под его ногами разверзлась земля, и он очутился в преисподней, где ему суждено пробыть 100 000 калып.

ДЕВАЛОКА

Один из разделов сансары, в котором живут боги. Деваलोка находится на вершине горы Меру. Она не освобождает от оков сансары (после жизни в качестве бога возможно переродиться в более низких разделах сансары), поэтому она, в отличие от нирваны, не считается высшим идеалом стремлений буддиста. Девалока состоит из 26 отдельных небесных девалок, расположенных в иерархическом порядке.

ДЕВАПУТРА

Группа второстепенных божеств, подчиняющихся главным богам общевосточного пантеона. Впоследствии слово «девапутра» стало обозначать также правителей и великих учителей.

Шакьямуни и убийцы, посланные Девадаттой.

ДЕВИ

Богиня, супруга Шивы, проявление и олицетворение женской «составляющей» божественной энергии (*шакти*). Подобно Шиве, Девы грозны — и кротка. Грозные ипостаси Девы (Дурга, Кали, Чанди и др.) стали объектом ряда мистических культов.

ДЕВЫ И АСУРЫ

У джайнов две группы божеств — равноправных, а не противопоставленных друг другу, как в индоиранской традиции. Более того, асуры считаются одним из разрядов девов. Всего божественных классов насчитывается пять — асуры, бхаванавасины, вайманика, вйантара и джйотишка. Каждый класс делится на роды, в которых имеются правители (индры), ари-

стократы (саманика), высшие чиновники (трайястримша), придворные (паришадья), охрана (атмаракша), торговцы и ремесленники (пракирнака), слуги (абхийогья) и чернь (килбишика).

ДЖАМБУДВИПА

Континент, примыкающий к священной горе Меру; в ряде текстов либо континент целиком, либо его южная часть (Бхарата) отождествляются с Индией.

В буддизме Джамбудвипа — один из четырех материков мироздания, на котором находится царство Магадхи — обитель будд прошлого, настоящего и будущего.

ДЖИВЫ

У джайнов вечные души, противопоставленные адживам — неодушевленному началу. Число джив бесконечно. Сливаясь с кармической материей, дживы обретают тело и рождаются как живые существа. Дживами наделены не только люди, животные и растения, но даже элементарные крупички материи. Поскольку все живые существа наделены дживами, причинение малейшего вреда любому из этих существ строжайше запрещается (учение *ахимсы*).

Дживы обладают телами (шарира) и аурами (лешья).

ДЖИНА

У джайнов титул вероучителей, от которого произошло и название самой религии.

ДЖЙОТИШКА

У джайнов божества светил, обитающие между землей и верхним миром — Урдхвалока. В род джйотишка входят боги солнца, луны, планет, созвездий — «лунных домов» — и звезд. Все небесные тела движутся вокруг горы Меру на драгоценных колесницах, влекомых тысячами божеств. На востоке эти божества имеют облик львов, на западе выглядят как быки, на севере становятся лошадьми, а на юге превращаются в слонов.

ДИГАМБАРЫ

Буквально «одетые сторонами света». Направление в джайнизме, противопоставляющее себя шветамбарам и почитающее собственный канон религиозно-философских сочинений. Дигамбары полагают первоначальный священный канон джайнских текстов утраченным и признают поэтому в качестве канона группу относительно поздних трактатов.

ДИГГАДЖИ (ДИГНАГИ, ДИННАГИ)

Космические слоны, которые вместе с локапалами охраняют стороны света. Главный среди них — слон бога Индры, хранителя востока. Слон Агни охраняет юго-запад, слон Ямы — юг, слон Сурьи — юго-восток, слон Варуны — запад, слон Ваю — северо-запад, слон Куберы — север и слон Сомы — северо-восток.

ДИТИ

Старшая дочь Дакши, жена Кашьяпы, мать дайтьев и, вместе со своей сестрой Дану, — родоначальница рода асуров.

ДРАУПАДИ

Героиня, дочь царя племени панчалов Друпасы и жена братьев-пандавов, земное воплощение богини Шри (Лакшми), супруги Вишну. Одной из причин войны пандавов с кауравами было унижение, которому подвергли Драупади кауравы Дурьодхана и Духшасана.

ДРОНА

Герой, родившийся из семени риши Бхарадваджи, которое выпало у мудреца при виде апсары Гхритачи. Брахман по рождению, Дрона стал знатоком военного искусства и обучал ему юных пандавов и кауравов. В битве на Курукшетре он сражался на стороне кауравов, после гибели Бхишмы возглавил их войско — и погиб от руки Дхриштадьумны — сын убитого Дроной царя Друпасы.

ДУРГА

Ипостась Деви, супруги Шивы, богиня-воительница, защитница богов и мирового порядка. Дургу обычно изображают десятирукой, восседающей на льве или тигре, с оружием и атрибутами различных богов: трезубцем Шивы, диском Вишну, луком Ваю, копьем Агни, ваджрой Индры, петлей Варуны.

ДУРЬОРДХАНА

Сын царя Дхритараштры, старший среди кауравов, воплощение демона зла Кали. В битве на Курукшетре Дурьодхана пал от руки Бхимы.

ДХАРМА

Бог справедливости, олицетворение закона и добродетели («дхармы»), сын Брахмы и один из праджапати. Жены Дхармы — десять дочерей Дакши, имена которых означают круг понятий, принадлежащих дхарме (слава, счастье, вера и т. п.). В эпосе и пуранах Дхарму отождествляют с Ямой как судьей людей и царем справедливости.

В буддизме дхарма — учение будды (в особенности будды Шакьямуни) и текст, в котором это учение изложено.

ДХАРМАПАЛА

Божества, защищающие буддийское учение и каждого отдельного буддиста.

ДЬЯУС

Ведийское божество неба и само небо. В «Ригведе» шесть гимнов посвящены Дьяусу и его супруге Притхиви (земле). По мифу, Индра некогда разъединил слитые воедино небо и землю и укрепил их по закону Варуны. Дети Дьяуса — Ушас, Ашвины, Агни, Сурья, адитьи, маруты, ангирасы. Имя Дьяуса-отца (Dyaus-pitar) повторяется в древнегреческом Zeus pater и латинском Jup(ter)iter, Diespiter.

И

ИНДРА

Бог грома и молнии, глава богов, самый популярный мифологический персонаж вед. В «Ригведе» ему посвящено около 250 гимнов. Индра — бог битвы, победитель асуров и других демонов. К ариям Индра дружелюбен, щедр и благ и всегда готов прийти на помощь. В послеведийский период Индра — вождь военной дружины, локапала — хранитель мира: он правит востоком, восседая на слоне Айравате. Центральный сюжет, связанный с Индрой, — его поединок с демоном Вритрой и освобождение вод.

ИТИХАСА

Буквально «то, что было». Жанр древнеиндийской литературы, повествование о событиях, имевших место в действительности. Часто итихасой называют «Махабхарату».

Й

ЙОНИ

Символ божественной производящей силы, скульптурное изображение женских половых органов. В шиваизме йони почитается в соединении с соответствующим мужским символом — лингамом как природная энергия, содействующая его проявлению; указанная пара символизирует Шиву и его супругу Парвати, а объектом поклонения чаще всего является каменное изображение, где йони служит основанием поднимающегося из нее фаллоса (йонилинга).

К

КАЙЛАСА

Гора в Гималаях, обитель Шивы и Куберы.

КАЛАЧАКРА

В буддизме целостное мироздание, синтез макрокосма и микрокосма, вселенной и человека. Согласно «Калачакра-тантре», изменяя себя, человек изменяет мир. По легенде, учение калачакры было изложено буддой Шакьямуни по просьбе царя мифической страны Шамбхалы Сучандры. В Индии калачакру проповедовал мудрец Питопа, который попал чудесным образом в Шамбхалу и был посвящен царем Калки в учение калачакры.

У джайнов калачакра — «мировая история», состоящая из 12 веков-спиц мирового колеса; шесть спиц принадлежат к восходящему полукругу, другие шесть — к нисходящему. Вращение мирового колеса подразумевает бесконечное движение от состояния «хороший — хороший» к состоянию «плохой — плохой» и последующее «улучшение» с неизбежным «падением».

Дж. Хиггинботам. Кали
(1864 г.).

КАЛИ

Одна из ипостасей богини Девы, супруги Шивы, грозная и смертоносная богиня с черным телом и ожерельем из черепов на шее. Считается, что в конце каждой калпы Кали окутывает мир тьмой, содействуя его уничтожению.

Култ Кали занимает центральное место в верованиях тантристских и шактистских сект. В Бенгалии находится главный храм богини Калигхата.

КАЛПА

«День-и-ночь» Брахмы, или 24 000 «божественных» лет, соответствующих 8 640 000 000 «человеческих» (тысяча лет жизни людей равняется одному дню богов). Первую половину калпы — 4 320 000 000 «человеческих» лет, разделенных на 100 махаюг, или манвантар, — составляет один «день» Брахмы. В конце этой половины происходит уничтожение материального мира и сонма богов (*праляя*), а затем наступает «ночь» Брахмы, по завершении которой следует новое творение и начинается новая калпа. Когда истекают 100 лет жизни Брахмы, происходит великое уничтожение (*махапраляя*): гибнут космос и главные боги, торжествует хаос. Спустя 100 лет рождается новый Брахма и начинается новый цикл калпы.

КАРМА

Совокупность всех добрых и дурных дел, совершенных живым существом в предыдущих существованиях и определяющих его судьбу в последующих. Согласно упанишатам, тот, кто действует без заинтересованности и стремится к постижению высшей реальности (Атман), способен преодолеть цепь рождений и закон кармы.

КАУРАВЫ

Сто сыновей царя Дхритараштры, земные воплощения демонов-асуров, двоюродные братья и противники главных героев эпоса «Махабхарата» — пандавов. Все кауравы во главе с Дурьодханой погибли в битве на Курукшетре.

КАШЬЯПА

Божественный мудрец, участник миротворения (по брахманам). Также Кашьяпа — один из семи великих риши, сын Брахмы, супруг дочерей Дакши. От Дити у него сыновья Дайти, от Дану — данавы, от Адити — адити, васу, рудры. Остальные жены Кашьяпы произвели на свет гандхарвов, апсар, нагов, ракшасов, животных и другие существа. Внук Кашьяпы Ману стал прародителем людей.

В буддизме Кашьяпа — первый ученик Шакьямуни и один из самых выдающихся архатов. После смерти Шакьямуни Кашьяпа председательствовал на первом буддийском соборе, где были установлены канонические тексты буддизма.

КИМИДИНЫ

Демоны, которые время от времени сбиваются в стаи и принимают вредить людям. Поодиночке кимидины против человека бессильны.

КИМПУРУША

Чудесные существа, полулюди-полузвери (львы, обезьяны, кони). Иногда их отождествляют с киннарами. Нет горы, которая не имела бы своих кимпурушей.

КИННАРЫ

Полубоги, люди с конскими головами, либо птицы с головами людей. Согласно преданию, киннары появились на свет из стопы Брахмы. Они принадлежат к свите бога Куберы и являются, подобно гандхарвам, небесными певцами и музыкантами. Иногда киннаров отождествляют с кимпурушами.

КРИШНА

Аватара Вишну, воин и политик, союзник пандавов, колесничий Арджуны. В канун битвы на Курукшетре Кришна открылся Арджуне как божество и поведал ему «небесную песнь» — «Бхагавад-гиту», религиозно-философскую доктрину индуизма. После битвы на Курукшетре, которая завершила круг его земных дел, Вишну-Кришна вернулся в божественные сферы.

Дж. Хиггинботам. Бог любви Кама (1864 г.).

КРОДХАВАШИ

Разновидность ракшасов, имя которых переводится как «одержимые гневом». Кродхавашей победил герой Бхима, сын бога ветра Ваю. В «Махабхарате» сказано: «Вот этот, который зовется Баллавой и служит у тебя поваром, о владыка людей, есть Бхима могучерукий, страшный в своей стремительности и силе. Это он, убив на горе Гандхамадана свирепых ракшасов, именуемых Кродхаваша, принес для Кришны небесные благоухающие лотосы».

КУБЕРА (КУВЕРА)

Бог богатства, владыка якшей, киннаров и гухьяков, внук великого риши Пуластыи, сын мудреца Вишраваса (отсюда его второе имя Вайшравана). В награду за благочестие Брахма приравнял Куберу к остальным богам, сделал его стражем скрытых в земле сокровищ и локапалой севера. Сводный брат Куберы — царь ракшасов Равана.

КУМБХАНДА (КУМБХИКА)

Мелкие демоны, уродливые духи, которые обычно упоминаются в текстах вместе с асурами и гандхарвами или с ракшасами и пишачами. Как правило, кумбханда враждебны людям, однако подчиняются буддам и бодхисатвам.

КУНТИ

Дочь правителя ядавов, сестра Васудевы и супруга Панду. Обладая мантрой, с помощью которой она могла иметь сына

от любого бога, Кунти родила от Сурьи Карну, от Дхармы — Юдхистхиру, от Ваю — Бхиму и от Индры — Арджуну. По просьбе своего мужа Панду она передала мантру второй его жене — Мадри, и та родила от Ашвинов близнецов Накулу и Сахадеву.

КУРУКШЕТРА

Равнина, на которой приносят жертвы боги. По преданию, на Курукшетре произошла длившаяся 18 дней великая битва потомков Бхараты (пандавов и кауравов) — Махабхарата.

КШАТРИИ

Одна из четырех варн, сословие воинов, правителей и знати. Главные обязанности кшатриев — ратные и государственные дела; в отличие от брахманов, они не имели права учить и не могли совершать некоторых ритуалов.

Л

ЛАКШМАНА

Герой, сын царя Дашаратхи, сводный брат и преданный друг Рамы. В Лакшмане воплотилась восьмая часть божественности Вишну.

ЛАКШМИ (ШРИ)

Богиня счастья, богатства и красоты, супруга Вишну. Когда боги и асуры пахтали океан, Лакшми появилась из него с лотосом в руках. Считается, что она сопровождает Вишну во всех его аватарах, воплощаясь в Ситу, супругу Рамы, в Рукмини, супругу Кришны (или в Радху, его возлюбленную) и т. д. В «Махабхарате» воплощение Лакшми — Драупади.

ЛАНКА

Остров, примыкающий к Джамбудвипе, и город на нем, столица царства ракшасов. В буддийской хронике «Дипавамса» остров Ланка был отождествлен с Цейлоном.

ЛЕШЬЯ

У джайнов аура всякого живого существа, замечаемая лишь теми, кто достиг определенной ступени духовного развития.

У лешьи имеются вкус, цвет и запах; цвет указывает на нравственные качества владельца лешьи. Существует шесть основных цветов: черный, синий, серый, оранжевый, розовый и белый. Чем выше поднялся человек по лестнице духовного развития (чем совершеннее джива), тем светлее его лешья.

ЛИНГА (ЛИНГАМ)

Символ божественной производящей и творческой силы, стилизованное изображение эрегированного мужского члена. Атрибут Шивы; в честь этого божества воздвигаются многочисленные линги, самая высокая из которых, в храме Матангешвара, достигает двух с половиной метров.

Согласно легенде, пять пророков, явившихся из пяти шивалинг — пяти лингамов Шивы, расположенных в различных местностях Индии, — открыли «жаждавшим услышать» основы Лингайята, тантрического учения.

ЛОКА

Мир как часть вселенной. Наиболее распространено представление о трех мирах (трилока) — небесах, земле и подземном мире. В брахманах, упанишадах и пуранах встречаются и более сложные иерархии, в которых небеса делятся на несколько сфер, а ниже подземного мира помещается преисподняя, которая членится на чрезвычайно многочисленное множество уровней (до 8 400 000 у джайнов).

ЛОКАНТИКИ

У джайнов божества Брахмалоки (седьмого неба, или верхнего рая). Их имя переводится как «[стоящие] на рубеже

ИНДИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ

мира» и означает, что в следующем воплощении локантики станут людьми и достигнут освобождения. Локантики делятся на восемь колен: Сарасвата, Адитья, Вахни, Аруна, Гардатоя, Тушита, Авьябадха и Аришта. Эти божества не ведают чувственных наслаждений и непрерывно медитируют.

ЛОКАПАЛЫ

Божества — стражи стран света. Первоначально считалось, что локапал четверо, впоследствии их число увеличилось до восьми. У каждого локапалы свой слон; эти слоны также именуются локапалами и поддерживают с восьми сторон землю. Локапалы были поставлены Брахмой после низвержения царя Нахуши. Индра охраняет восток, Яма — юг, Варуна — запад, Кубера — север, Сома — северо-восток, Сурья — юго-восток, Агни — юго-запад, Ваю — северо-запад.

В буддизме локапалы — подгруппа дхармапал, «четыре великих царя»: Дхритараштра — на востоке, Вирудхака — на юге, Вирупакша — на западе и Вайшравана — на севере. Также локапалы — местные божества, хранители гор, рек, племен и т. д.

ЛУННАЯ ДИНАСТИЯ

Один из двух главных царских родов, к которым принадлежало большинство легендарных героев эпических и пуранических сказаний. Прародителем Лунной династии считался бог луны Сома, первым царем был Пуруравас, внук Сомы. Пуруравас женился на апсаре Урваши; внук их старшего сына

ПРИЛОЖЕНИЕ

Аюса Нахуша захватил власть над тремя мирами, а дети сына Нахуши Яяти считались родоначальниками многих племен и царских фамилий. Наибольшей славы достигло потомство младшего сына Яяти — Пуру, которому отец завещал свое царство: в числе потомков Пуру (пауравов) индийские сказания называют племена бхаратов и панчалов, Бхарату, Куру, Шантану — мужа богини Ганги, Панду и Дхритараштру, чьи сыновья — пандавы и кауравы.

М

МАДХЬЯЛОКА

У джайнов «срединный мир», имеющий форму диска, в центре которого находится континент Джамбудвипа, «нанизанный» на священную гору Меру. У подножия горы раскинулись райские рощи, в каждой из них стоят по четырем сторонам света храмы. В Джамбудвипе известны «кармические земли», где люди кормятся не только дарами природы, но и плодами своих трудов. Джамбудвипу окружает океан Лаванода. Кроме того, в Мадхьялоке много других материков, как бы вложенных друг в друга, и каждый из них окружен собственным океаном.

МАЙТРЕЯ

Бодхисатва и будда грядущего мирового порядка, появление которого было предсказано Шакьямуни. Он обитает в небе *тушита*, где ждет срока своего вступления в качестве будды в мир людей. Он рождается, когда длительность жизни людей достигнет 84 000 лет и весь мир будет находиться под управлением одного справедливого буддийского правителя.

МАЙЯ

Свойственная сверхъестественным существам способность к перевоплощению; шире — иллюзия. У богов майя — чудесное превращение, добрая магическая сила. У демонов же это некая хитрость, коварная подмена, обман. Нередко майя персонафицируется и тогда выступает как женщина небесного происхождения, жена сначала демона Шамбары, а затем — своего воспитанника Прадьюмны, сына Кришны.

В вишнуизме майя — иллюзорность бытия; реальность понимается как греза Вишну, а мир — как божественная игра. Как сказано в комментариях к «Вишну-пуране», майя — «мировая иллюзия, окутывающая разум живых существ и препятствующая постижению ими истинной сущности мира».

МАКАРА

Чудесное морское животное, сочетание крокодила, слона, рыбы или водного чудовища. У макары тело рептилии, хвост в виде рыбьего плавника и две или четыре лапы.

В буддизме макара — олицетворение жизни и природы во всех ее состояниях-стихиях.

МАНДАЛА

Комбинация геометрических элементов, символически представляющая образ мироздания. Считается, что зрительное восприятие мандалы может привести к откровению, осознанию сакральных истин. Чаще всего имеет форму круга, круга в квадрате или квадрата в круге, причем квадрат иногда делится на четыре треугольника.

Как графический образ (графема), мандала представляет собой движение к некоему внепространственному и вневременному центру, который никогда не визуализируется, но всегда подразумевается.

Мандала есть модель мироздания, аналогичная мировому древу, горе, храму. Что касается сопоставления с последним, известны многочисленные храмы, выстроенные в форме мандалы — круглые, квадратные, восьмиугольные.

В буддийской мандале квадрат, вписанный в круг, ориентирован по сторонам света и вместе с центром сопоставлен с пятью элементами человеческого естества. Как правило, в квадрат вписывается восьмилепестковый лотос, а в центре лотоса изображается божество или его атрибут. Внешний круг мандалы олицетворяет «стену огня» — метафизическое знание, уничтожающее неведение. Следующий круг — «бриллиантовый»: просветление, обретение истинного знания. Третий круг — «лепестки лотоса»: духовное возрождение. Последний круг — центр.

Вариант мандалы — тантрическая *янтра*, представляющая собой сложную композицию геометрических фигур (точка, треугольник, квадрат, стилизованный лотос) и предназначенная для медитации. Точка в янтре означает центр; треугольник олицетворяет три мира; круг, который встречается редко, символизирует целостность и полноту. Главная из янтр — Шри-янтра, выражение сексуальной энергии мироздания, символ непрерывного творения. В центре Шри-янтры находится точка бинду, вокруг которой расположены девять пересекающихся треугольников: пять обращены вершинами вниз (йони), четыре направлены вершинами вверх (линга). «Мужские» треугольники дробятся на 43 малых треугольника — 14 синих («приносящие удачу»), 10 красных («достигаю-

щие цели»), 10 синих («защищающие от беды») и 8 красных («исцеляющие от болезней»). Треугольники вписаны в три окружности, внутри которых также находятся два круга лепестков лотоса — 14 голубых и 8 красных («исполнение желаний»). Вся композиция заключена в квадрат с четырьмя «воротами» — символ материального мира; область между углами квадрата и окружностями называется «царством иллюзий».

В индуизме и родственных ему учениях известно около тысячи янтр.

МАНДАРА

Священная гора, место обитания различных божеств и полубожественных существ (якшей, гандхарвов, киннаров). Боги использовали Мандару как мутовку для пахтанья мирового океана.

МАНУ

Прародитель людей, сын бога солнца Вивасвата и брат Ямы. В пуранах и эпосе Ману уже четырнадцать: семь бывших и семь будущих. От каждого из них ведет свое начало человечество в соответствующий мировой период — *манвантару*. Первым из четырнадцати считается Ману Сваямбхува, сын Брахмы и автор «Законов Ману».

МАРА

Божество смерти и зла. Мара препятствует бодхисатвам, стремящимся к просветлению. Ему подчинено огромное количе-

ство злых божеств, олицетворяющих отрицательные качества людей (желание, ненависть, сомнение и т. д.). Во многих буддийских легендах рассказывается об искушении Марой Шакьямуни.

МАРУТЫ

Божества ветра, бури, грома и молнии, братья, ведущие свой род от бога Рудры. Точное число марутов неизвестно: их то трижды семь, то трижды шестьдесят или всего лишь семеро. Обычно маруты сопровождают бога Индру, но порой вступают с ним во вражду.

МАТРИ

Божественные матери. Они олицетворяют одновременно как творческие, так и губительные силы природы. Число матри колеблется от семи до шестнадцати; все они — женские ипостаси великих богов: у Брахмы — Брахмани, у Вишну — Вайшнави, у Шивы — Махешвари, у Индры — Индрани и т. д.

МАУДГАЛЬЯНА (МОГАЛЛАНА)

Главный ученик Шакьямуни, наделенный магическими способностями. Он мог создавать разнообразные формы живых существ и сам принимать по желанию любой облик; видеть претов и других духов, посещать небесные миры и т. д. Он изгнал Мару, который однажды, желая досадить ему, проник к нему в живот. Самый известный подвиг Маудгальяны — укрощение царя нагов Нандопананды, который, разгневавшись, что ему помешали принимать пищу, обвинился вокруг горы Сумеру и преградил путь на небо Будде с 500 учениками.

Мара искушает Шакьямуни. Тибетская миниатюра (XVIII в.).

МАХАБХАРАТА

Эпическая поэма, «пятая веда», энциклопедическое сочинение, которое сравнивают по обширности с Индийским океаном. Главная сюжетная линия поэмы — история вражды пандавов и кауравов, но, как говорят в Индии, «нет такой вещи под солнцем, о которой не поведал бы многомудрый Вьяса» (легендарный автор поэмы). Составная часть «Махабхараты» — религиозно-философское сочинение «Бхагавад-гита».

**МАХАВИРА (ВАРДХАМАНА, ГЙАТАПУТРА,
НАТАПУТТА)**

У джайнов главный вероучитель джайнизма, каждое событие в жизни которого — от рождения до конечного освобождения — сопровождалось празднествами божеств. Махавира — последний из тиртханкаров (учителей) нашего нисходящего полуоборота мирового колеса, живший в период «плохой — хороший».

МАХАСИДДХИ

Люди, которые достигли совершенства путем йогической практики.

МАХАЯНА

Буквально «большая колесница». Направление в буддизме, северная школа буддийского учения. Доктрине махаяны, в отличие от хинаяны, присущ универсальный характер.

МЕРУ

Огромная золотая гора, центр земли и вселенной; вокруг Меру вращаются солнце, луна, планеты и звезды, на ней живут высшие боги, река Ганга с небес стекает сначала на Меру, а потом — вниз, на землю.

В буддизме Меру — мировая гора, над которой живут боги, а в пещерах под ней обитают асуры. На вершине Меру находится сфера траястринса.

МОКША

У джайнов религиозный идеал, предел развития, освобождение дживы от кармических уз (ср. буддийское представление о нирване). Мокши можно достигнуть, став обладателем «трех сокровищ» — праведного воззрения, праведного поведения и праведного познания.

Н

НАГИ

Чудесные существа, полубоги со змеиными телами и человеческими головами. Нагам принадлежит подземный мир — Патала; там находится их столица, там они хранят несметные сокровища. Они — великие чародеи, способные оживлять мертвецов и менять по желанию свой облик. Наги часто принимают человеческий образ и селятся среди людей; нагини нередко становятся женами царей и героев, ибо отличаются несказанной красотой. Среди правителей нагов особое место занимают тысячеглавый змей Шеша; Васуки, принимавший участие в пахтании мирового океана; Такшака, из-за которого совершилось великое жертвоприношение змей.

В буддизме наги делятся на две группы — земных и водяных. Дыхание нагов ядовито, а взгляд убивает на месте. Они часто сходятся с людьми; потомство от таких союзов отличается изяществом и физической слабостью по причине «водяной природы», унаследованной от нагов.

НАЙРРИТЫ

Разновидность ракшасов, свирепые демоны. Прозвище найрритов означает «происходящие от Ниррити» (божество бедствия).

НАНДИН

Слуга, привратник и друг Шивы, сопровождающий музыкой космический танец бога. Обычно изображается в виде белого быка и считается ездовым животным Шивы.

НАРАКА

Преисподняя, разделенная на семь (или на 21, 28 и даже на 50) кругов, расположенных друг над другом под подземным миром — *паталой*. На верхней границе Наракки находится столица царства Ямы, где определяется участь умершего. Первый круг Наракки отведен для бездетных; второй — для душ, ожидающих нового воплощения; в третьем и четвертом карают за незначительные проступки; последние три круга, погруженные в вечную тьму, предназначены для злостных преступников. Обитатели седьмого круга должны страдать до конца калпы.

В буддизме Наракка — одна из шести сфер бытия, самое неблагоприятное место для перерождения. Живые существа попадают в Наракку за тяжкие преступления: убийства, обман, самоубийства, клевету на будд и бодхисатв и т. д.

У джайнов Наракка — преисподняя, яма на дне каждой из семи земель «нижнего мира». Джайнская традиция насчитывает 8 400 000 преисподних, причем в первых трех мирах они горячие, в двух следующих — горячие и холодные одновременно, а в двух последних — холодные. Пребывание в преисподних для грешников растягивается на миллионы лет.

НАРАЯНА

Божество, мировой дух, ипостась Вишну (или Брахмы). У джайнов Нараяна — один из предшественников основоположника джайнизма Махавиры Джины. В пуранах также встречается пара Нара—Нараяна, которая прославляется как двуединое воплощение Вишну.

НАЧИКЕТАС

Небесный огонь в жертвоприношениях; трижды возжегший этот огонь совершает три действия, преодолевает рождение и смерть, отбрасывая страх и печаль, достигает бесконечного покоя и радуется в небесном мире.

НИВАТАКАВАЧИ

Демоны, обитавшие в глубинах мирового океана. Были уничтожены героем Арджуной.

НИГОДА (НИГОЙЯ)

У джайнов обитатели самой низкой ступени сансары. Они настолько мелки, что их невозможно воспринять органами чувств. Тем не менее нигода на свете столько, что они заполняют собой весь мир. В отличие от других джив, нигода не способны к развитию, а потому обречены на вечное пребывание на своей ступени сансары; правда, если возникнет некий импульс, они все же могут перейти на следующую ступень. Существует также представление о нигода как о проклятых душах, осужденных на вековые муки.

НИРВАНА

Наивысшее состояние сознания, противоположное сансаре. Только человек из всех живых существ может достичь нирваны и стать буддой. О нирване нельзя сказать ничего определенного, кроме того, что это состояние свободы, покоя и блаженства.

П

ПАНДАВЫ

Герои «Махабхараты», пять сыновей царя Панду — Юдхиш-тира, Бхима, Арджуна, Накула и Сахадева. Божественные отцы пандавов соответственно Дхарма, Ваю, Индра и Ашвины. Все пятеро пандавов стали супругами Драупади. В битве на Курукшетре пандавы разгромили своих двоюродных братьев и противников кауравов.

ПАНИ

Демоны, враги бога Индры, коварные и лживые существа. Именно пани украли коров Индры и увели их на край света, где заперли в горной пещере. Индра с помощью Брихаспати и ангирасов отыскал коров и освободил их.

ПАРАШУРАМА

Шестая аватара Вишну. В образе Парушурамы Вишну избавил брахманов от тирании кшатриев. После истребления варны кшатриев Парашурама передал землю во владение брахманам, а сам удалился жить на гору Махендра.

ПАРВАТИ (УМА)

Одно из имен супруги Шивы, дочь царя гор Химавата и апсары Мены. Чтобы добиться любви Шивы, Парвати много лет подряд совершала аскетические подвиги. От брака Шивы и Парвати родились Сканда (или Кумара) и слоноподобный Ганеша.

ПАРДЖАНЬЯ

Бог грозовой тучи и дождя, покровитель плодородия, отец Сомы, один из адитьев, бог-хранитель.

ПАТАЛА

Общее название семи подземных областей, в которых живут дайтьи, данавы, наги и другие божества, противостоящие богам, обитающим на небе.

ПАУЛОМА

Разряд демонов-асуров. Их победил герой Арджуна.

ПИТАРЫ

Обожествленные предки. К питарам относятся ангирасы, атхарваны, бхригу, вайрупы, васиштли, джавагвы и навагвы. Они населяют воздух, землю и небеса. Питары бессмертны; у них свой, особый мир (*питрилока*), противопостав-

ИНДИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ

ленный миру богов (*сваргалока*). Абу Рейхан Бируни замечал, что «питары видят одну половину лунного месяца, а люди видят другую половину». Обитают питары в царстве бога смерти Ямы.

ПИШАЧИ

Злобные демоны, кровожадные твари, которые питаются мясом людей и пьют их кровь. Еще пишачи насылают различные болезни. Считается, что пишачи — проклятые души питаров.

Индийская традиция знает так называемый брак по способу пишачей — один из восьми видов брака, последний и наиболее низкий среди них. Он состоит в том, что мужчина овладевает женщиной во время ее сна, опьянения или потери рассудка.

ПОТАЛА

Рай, где обитают Авалокитешвара и Тара. Потала находится на вершине горы на побережье Индийского океана.

ПРАДЖАПАТИ

Божество — творец всего сущего, главный бог и отец богов, установитель жертвоприношений. Позднейшая традиция отождествляла Праджапати с Брахмой.

Также известны десять праджапати — мудрецы, праотцы человеческого рода.

ПРАДЖНЯ

Женское соответствие будд и бодхисатв. В своей грозной, карающей ипостаси праджни зовутся дакини.

ПРАТЬЕКАБУДДА

Человек, который достиг нирваны, но не проповедует дхарму. Эти люди появляются в те же самые кальпы, что и будды, но они никогда не встречают будд.

ПРАХЛАДА

Сын асура Хираньякашипу, почитатель Вишну. После того как Вишну в образе человека-льва убил Хираньякашипу, Прахлада стал царем асуров. Его могущество беспокоило, и Индра в облике брахмана попросил в дар у Прахлады его добродетель. Прахлада не мог отказать брахману и расстался со своей добродетелью, тем самым успокоив богов.

ПРЕТЫ

Души умерших, какое-то время после смерти тела остающиеся среди людей. За это время нужно совершить особый ритуал, чтобы преты не стали бхутами и присоединились к питарам. Впрочем, в фольклоре претов нередко отождествляют с бхутами.

В буддизме преты — духи, которые не могут удовлетворить своих желаний. Претами рождаются те, кто в прошлой жизни был жадным, скупым, жестоким и прожорливым.

ПРИТХИВИ

Богиня земли и сама земля. В ведийских гимнах Притхиви обычно прославляется с вместе с Дьяусом-небом, своим супругом. По мифу, из семени Дьяуса Притхиви создала все живое.

ПРИШНИ

Чудесные карлики, мудрецы, которые олицетворяют лучи света. Согласно «Махабхарате» («Дронапарва»), они вместе с сикатами, валакхильями и другими мудрецами явились к герою Дроне во время сражения, чтобы вернуть его на истинный путь — и объявить о неминуемой смерти.

ПУЛАСТЬЯ

Один из праджапати, предок ванаров (обезьян), киннаров и ракшасов, в том числе Раваны, Кумбхакарны и Вибхишаны. Через Пуластью Брахмой были переданы людям многие пураны.

ПУРАНЫ

Буквально «повествование о древности». Жанр древнеиндийской литературы, сочинения, излагающие мифологические сюжеты, нередко — философски переосмысленные.

ПУРВАДЕВА

Иное название данавов. Букв. «первородные божества».

ПУРУША

Первочеловек, из которого возникли элементы космоса, вселенская душа. Боги принесли его в жертву, расчленив на составные части, из которых возникли основные элементы социальной и космической организации.

В упанишадах Пуруша — жизненный принцип, одушевляющий людей и другие существа (иногда он отождествляется с Атманом).

ПУШАН

Божество солнца и плодородия, покровитель пути, охранитель дорог, спаситель от ложных путей, психопомп (проводник умерших по пути предков).

Р

РАВАНА

Царь ракшасов, главный противник Рамы, властитель трех миров. Чтобы избавиться от тирании Раваны, Вишну родился в облике смертного человека — Рамы. Рама убил Равану в битве на острове Ланка, поразив его в сердце стрелой Брахмы.

РАКШАСЫ

Демоны. В отличие от асуров, которые враждуют главным образом с богами, ракшасы — враги людей. Ракшасов великое множество, но все они озабочены лишь одним — как сильнее навредить людям. Облик ракшасов уродлив и омерзителен — они одноглазые, рогатые, с несколькими головами. Это оборотни, способные принимать любые обличья. В «Махабхарате» говорится, что ракшасы — потомки одного из сыновей Брахмы, Пуластыи.

Правитель ракшасов — царь Равана.

Индийская традиция знает брак по способу ракшасов — такой, при котором девушку насильно похищают, после того как убивают (побеждают) в сражении ее родителей или родственников.

РАМА

Седьмая аватара Вишну, в которой бог избавил три мира от тирании царя ракшасов Раваны. Последний похитил Ситу, жену Рамы; с помощью племени обезьян и особенно Ханумана Рама победил Равану и вернул Ситу.

Культ Рамы — один из важнейших культов индуизма. В вишнуизме Рама толкуется как единственное и всеобъемлющее творческое начало, абсолют.

РАМАЯНА

Эпическая поэма, сюжетную основу которой составляет история любви Рамы и Ситы — от воплощения Вишну в образе Рамы до женитьбы героя на Сите и от похищения Ситы царем ракшасов Раваной до гибели Раваны в поединке с Рамой и последующей участи влюбленных. Эта поэма считается в индийской традиции первым собственно литературным произведением.

РИБХУ

Полубоги, связанные с плодородием и богатством. Они достигли божественности из-за своей приверженности к добрым делам. Рибху трое: Рибхукшан, Вибхван и Ваджа; они изготовили для Индры его колесницу. Рибху поддерживают небо. Вообще они считаются небесными ремесленниками, помощниками богов.

РИГВЕДА

Древнейшая из четырех вед, собрание гимнов, обращенных к богам ведийского пантеона, едва ли не единственный источ-

ИНДИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ

ник сведений (не считая археологических данных) по истории заселения Индии арийскими племенами. Знание наизусть гимнов «Ригведы» считается обязательным для всякого образованного индуса.

РИТА

Универсальный космический закон, который обеспечивает сохранение основных условий существования вселенной. Рита — истина в самом широком смысле. Ее противоположность — анрита, неупорядоченность и ложь. Рита управляет и вселенной, и ритуалом; она определяет и физический, и нравственный аспект жизни. Установили риту боги-адиты, которые и охраняют ее. Среди адитьев более остальных следят за исполнением риты Варуна и Митра.

РИШИ

Семь божественных мудрецов, которые, по некоторым источникам, после смерти превратились в созвездие Большой Медведицы. Наряду с мифическими риши известны риши полупо- легендарные — им приписываются отдельные гимны «Ригведы» — и реальные (аскеты, гуру и т. д.).

РУДРА

Божество грозы, ярости и гнева, разрушения. Из культа Рудры развился культ Шивы. Само имя Рудры стало одним из прозвищ Шивы.

РУДРЫ

Божества, связанные с богом ярости Рудрой. По разным источникам, их восемь, одиннадцать или тридцать три. Иногда рудр отождествляют с марутами.

РУКМИНИ

Первая жена Кришны, которую Кришна украл в день ее свадьбы и увез в свой дом. После смерти Кришны Рукмини вместе с семью другими его женами сожгла себя на погребальном костре мужа.

Как Кришна — воплощение Вишну, так Рукмини считается следующим после Ситы воплощением Лакшми.

РУПАВАЧАРА

Божества, обитающие в мире Рупадхату. Они не нуждаются ни в пище, ни в одежде, ни в крове.

РУПАДХАТУ

Один из миров, расположенный над «миром желания» (Камадхату) и под «миром не имеющих формы» (Арупадхату). В Рупадхату неизвестны вкус и запах, а зрение и слух имеют необыкновенную силу. Человек, оставаясь телом на земле, может благодаря йоге узреть определенные уровни Рупадхату. Считается, что в Рупадхату перерождаются после смерти люди, овладевшие соответствующей ступенью йоги.

С

САВИТАР

Бог солнца, олицетворение восходящего и заходящего светила.

САДДХЬИ

Полубоги, олицетворявшие собой религиозные обряды и молитвы. Согласно «Махабхарате» («Адипарва»), они появились на свет вместе с вишведевами, адитьями, васу, пишачами, гухьяками, якшами и Ашвинами.

САМАВЕДА

Собрание ритуальных напевов, то есть гимнов «Ригведы» с музыкальной нотацией.

САМХИТА

Буквально «собрание». Общее название текстов, входящих в состав каждой из вед.

САНГХА

Буддийская община, первоначально — община учеников Шакьямуни (Ананда, Кашьяпа, Маудгальяяна, Шарипутра).

САНСАРА

Мирское бытие, цепь рождений и переходов из одного существования в другое; также — населенные живыми существами миры, в которых происходят эти переходы.

В буддизме сансара — бытие, неизбежно связанное со страданиями и перерождениями живых существ. Сансара противопоставляется нирване. После смерти существа перерождаются или в своей прежней сфере, или в более благоприятных, или в менее благоприятных сферах в зависимости от совершенных ими поступков (*карма*). Цепь перерождений безначальна, но конечна, ее венцом служит нирвана. Достичь нирваны в состоянии только люди, поэтому рождение в облике человека считается особенно благоприятным.

САРАБХА

Чудовище, обитавшее в Гималаях. У этого свирепого зверя с восемью лапами и одним глазом был такой громкий голос, что, когда оно принималось реветь, все живое вокруг замирало. Облик Сарабхи принял бог Шива, чтобы победить Вишну в его четвертой аватаре — Нарасимхи (человека-льва).

САРАСВАТИ

Богиня одноименной реки, «мать потоков», богиня священной речи (как и Вач), богиня красноречия и мудрости, супруга Брахмы, изобретательница санскрита и алфавита деванагари, покровительница искусств и наук.

САТИ

Дочь Дакши и первая жена Шивы, переродившаяся как Парвати.

СВАРГА

Небеса Индры на вершине горы Меру, где находится город с тысячей ворот Амаравати. В сваргу попадают отважные и доблестные воины, павшие на поле битвы.

СИДДХИ

Полубоги, обитающие в «промежуточном» воздушном пространстве — Антарикше. Сиддхи отличаются чистотой и святостью. Они владеют следующими сверхъестественными свойствами:

- становиться бесконечно малыми или большими;
- становиться предельно легкими или тяжелыми;
- мгновенно перемещаться в любую точку пространства;
- достигать желаемого силой мысли;
- подчинять своей воле предметы и время;
- добиваться верховной власти.

У джайнов сиддхи — дживы, достигшие освобождения. Сиддхи лишены каких бы то ни было качеств, кроме всеправедности и всеведения. Они не могут вернуться в сансару.

СИКАТЫ

Крошечные существа, мудрецы, олицетворяющие песчинки.

СИТА

Супруга Рамы, земное воплощение богини Лакшми. Ситу похитил царь ракшасов Равана; история ее поисков и победы Рамы над Раваной составляет сюжет «Рамаяны».

СКАНДА (СКАНДХА, КУМАРА)

Бог войны, сын Шивы и Парвати, предводитель божественного войска. Ездовое животное (вахана) Сканды — павлин.

СМРИТИ

Буквально «запоминаемое». Раздел древнеиндийской литературы, передаваемые по памяти трактаты ритуального, законодательного, научного содержания, возникшие на основе брахман и комментирующие веды. К традиции смрити принадлежат, в том числе, пураны, сутры — и эпические поэмы «Махабхарата» и «Рамаяна».

СОЛНЕЧНАЯ ДИНАСТИЯ

Один из двух главных родов царей и героев. Прародителем Солнечной династии считается Икшваку, основатель цар-

ИНДИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ

ского дома в городе Айодхья; среди его потомков Рагху, сражавшийся с богами Индрой и Куберой, Дашаратха, воевавший на стороне богов с асурами, и Рама, аватара бога Вишну.

СОМА (СОМА ПАВАМАНА)

Божественный напиток и божество этого напитка, также бог луны. По числу упоминаний в «Ригведе» Сома стоит среди богов на третьем месте после Индры и Агни. В эпосе Сома — локапала северо-востока.

СУБХАДЕВА (ШУБХАДЕВА)

Божества класса рупавачара, обитающие на третьем уровне Рупадхату.

СУПАРНА

Царь птиц, одно из наименований Гаруды. В эпосе супарны упоминаются как особый класс чудесных птиц.

СУРАБХИ (КАМАДХЕНУ)

Божественная корова, исполняющая любые желания своего владельца. Сурабхи появилась на свет во время пахтанья океана богами и асурами. Она живет в раю Индры — сварге.

СУРЬЯ

Бог солнца, «всевидящее око богов», локапала юго-востока. Сурье принадлежит небесный конь Уччайхшравас, вышедший из амриты при пахтанье океана.

СУТРЫ

Жанр древнеиндийской литературы, сочинения по философии, поэтике, грамматике и пр.

В буддизме сутры — канонические тексты, посвященные жизни и учению Шакьямуни и других будд.

Т

ТАПАС

Космический жар как универсальный космогонический принцип. Из тапаса родились закон и истина, ночь и океан, а также умерщвление плоти, аскеза, которая тоже называется «тапас».

ТАРА

Бодхисатва и праджня, воплощение беспредельного сострадания. В пантеоне ваджраяны насчитывается 21 Тара (с разными именами). Они представляются одетыми в платье индийской царевны и различаются по цвету, положению рук и ног. Самые известные — Зеленая Тара (Сяматара) и Белая Тара (Ситатара). Это две Тары — милостивые, остальные же — гневные. Воплощением Тары считался целый ряд исторических лиц, в том числе российская императрица Екатерина II, которую ламаисты-буряты объявили воплощением Белой Тары.

ТВАШТАР

Бог-демиург, творец всех существ и форм («господин форм»), божественный мастер. Он выковал для Индры палицу-ваджру и колесницу; для напитка сомы — чудесную чашу (луну), для Брахманаспати — железное оружие и т. д.

ТИПИТАКА (ТРИПИТАКА)

Буквально «три корзины». Канонический свод буддийских текстов, изложенный, по легенде, в окончательной форме непосредственно после смерти Шакьямуни. Три «корзины» «Типитаки» — это «Виная-питака» («корзина дисциплины»), «Сутта-питака» («корзина сутр») и «Абхидхамма-питака» («корзина поучений»).

ТИРТХАНКАРЫ

У джайнов учителя джайнизма, «боги богов». За каждый по-луоборот колеса времени в мире появляются 24 тиртханкара. В жизни каждого тиртханкары имеется пять благих моментов — зачатие, рождение, уход от мира, обретение абсолютного знания и полное освобождение.

ТРАЯСТРИНСА (ТАВАТИМСА)

Второй небесный мир в «сфере желаний» (Камадхату) и обитающие в нем божества. Траястринса находится на вершине горы Меру, она окружена пятью стенами, которые охраняют наги, супарны, кумбханды, якши и махараджики. В траястринсе растет гигантское дерево Париятра, под которым Шакьямуни проповедовал дхарму. Все будды проводят в траястринсе сезон дождей.

ТРИЛОКА

Три мира индийской мифологии — небо, земля и подземное царство.

ИНДИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ

ТРИМУРТИ

Божественная триада Брахмы, Вишну и Шивы, которые выступают как творец мира, хранитель и разрушитель. На скульптурных изображениях члены Тримурти или стоят рядом друг с другом, или тела их как бы вырастают одно из другого.

ТУШИТА

Четвертая из шести низших девалок. Жизнь богов в тушита длится 4000 лет, причем один день равняется 400 земным годам. В тушита бодхисатвы проводят свою предпоследнюю жизнь, перед тем как спуститься на землю и стать буддами. Майтрея проповедует в тушита дхарму богам и ждет времени, когда сможет спуститься на землю.

У

УПАНИШАДЫ

Жанр древнеиндийской литературы, «завершение вед», поучения, передаваемые от учителя к ученику и философски переосмысляющие многие мифы, изложенные в ведах.

УРДХВАЛОКА

У джайнов верхний из трех составляющих вселенную миров, разделенный на сферы обитания божеств вайманика. Урдхвалока начинается всего на волос выше вершины горы Меру. Всего небес урдхвалоки насчитывается 23 (или 32).

УШАС

Богиня утренней зари, дочь неба, мать Ашвинов.

Х

ХАЛЬСА

В сикхизме община, не признающая кастовых различий, братство, основанное исключительно на чувстве единства сикхов. Знаки принадлежности к хальсе — нестриженные волосы, борода и усы (*кеш*), кинжал (*кирпан*), гребень для волос (*канеха*), железный ручной браслет (*кара*) и короткие штаны особого покроя (*качх*).

ХАНУМАН

Божественная обезьяна, сын бога ветра Ваю, способный летать по воздуху, менять свой облик и размеры, обладатель чудовищной силы. В «Рамаяне» Хануман — один из главных героев, мудрый советник, преданный друг Рамы. В «Махабхарате» рассказывается, что Хануман поведал своему сводному брату Бхиме учение о четырех югах и об обязанностях четырех варн.

Из Индии культ Ханумана (и культ обезьян вообще) распространился на всю Восточную Азию вплоть до Китая.

ХАРИХАРА

Божественный образ, объединяющий в себе черты Вишну (Хари) и Шивы (Хара). На изображениях Харихары одна

(левая) половина тела — белая и обладает прочими признаками Шивы (спутанные волосы, змеи, шкура тигра), другая (правая) половина — темно-синяя или черная и также обладает прочими атрибутами Вишну (корона на голове, в руках — раковина и т. д.).

ХАЯГРИВА

Дайтья, который выкрал из уст спящего Брахмы четыре веды. Это событие грозило уничтожить новое мироздание; Вишну в аватаре рыбы убил Хаягриву и возвратил веды. В более поздних мифах Хаягрива сам становится воплощением Вишну и спасает веды, украденные дайтьями Мадху и Кайтабхой.

В буддизме Хаягрива — дхармапала, воплощение будды Акшобхьи, гневное божество с тремя головами и восемью руками.

ХИНАЯНА

Буквально «малая колесница». Направление в буддизме, южная школа буддийского учения (*тхеравада*). Доктрина хинаяны несколько уступает доктрине махаяны в универсальности, всеохватности.

Ч

ЧАКРАВАТИН (ЧАКРАВАРТИН)

Идеальный царь, устанавливающий во всем мире царство справедливости. Чакраватины рождаются в кальпе, когда будды не появляются в мире; их рождение сопровождается теми же чудесами, что и рождение будд.

Ш

ШАКРА

Главный бог в девалокке тридцати трех богов (траястринса). Считается, что он во главе огромного числа богов и девапутр появляется в мире людей, чтобы слушать проповеди будды Шакьямуни и оказывать помощь последователям будды и добрым людям.

ШАКТИ

Творческая энергия божества, «воспроизведенная» в образе его супруги. В первую очередь о шакти говорится применительно к Шиве и его супруге. Шактистские культы трактуют Шакти как верховное божество и как одну из ипостасей жены Шивы (Девы, Сати, Дургу, Парвати и т. д.).

ШАКЬЯМУНИ (СИДДХАРТХА, ГАУТАМА)

Последний земной будда, проповедовавший дхарму, на основе которой сложилось буддийское вероучение. Шакьямуни — реальный человек, живший в Северной Индии в середине I тыс. до н. э. Его жизнеописание начало мифолигизироваться, по-видимому, уже при жизни; канонический образ, зафиксированный в буддийских канонических текстах, сложился на рубеже нашей эры.

ИНДИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ

В течение многих кальп Шакьямуни перерождался в качестве бодхисатвы, принимая облик всевозможных существ. Свое предпоследнее рождение он провел в небе тушита. Боги просили его родиться в облике человека, чтобы он мог стать буддой и проповедовать дхарму. Он выбрал местом своего рождения маленькую страну племени шакьев в Северной Индии, а родителем — царя Шуддходану. Несмотря на искушения Мары, в возрасте 35 лет Шакьямуни достиг бодхи и стал буддой. В возрасте 80 лет он ушел в полную нирвану.

ШАЛАКА-ПУРУША

У джайнов 63 выдающиеся личности, регулярно появляющиеся в мире на каждом полуобороте колеса времени. К этим существам принадлежат тиртханкары, чакраватины и триады «баладева — васудева — пративасудева».

ШАМБХАЛА (ШАМБАЛА)

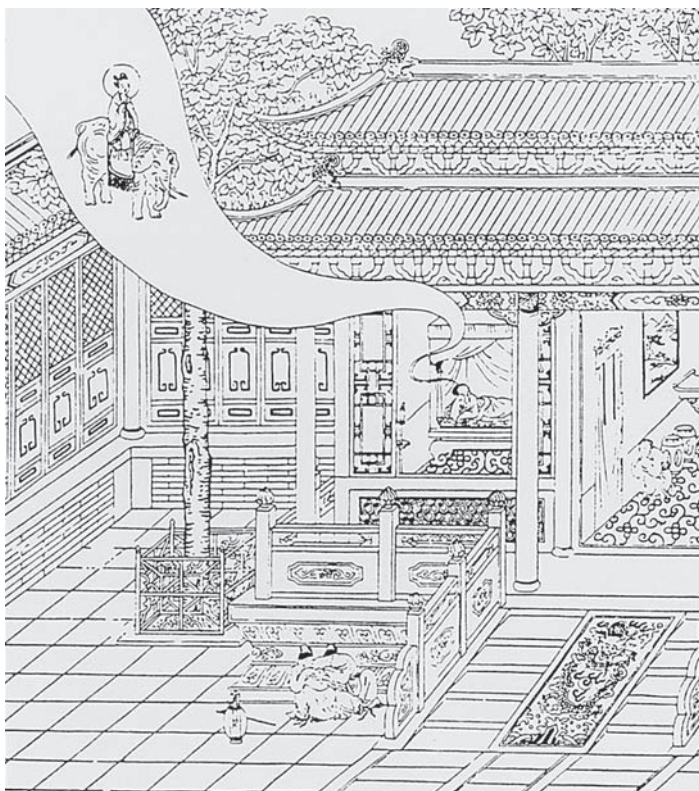
Чудесная страна в окружении восьми снежных гор, которые напоминают лепестки лотоса. Из этой страны по всему миру разошлось учение калачакры.

ШАРИПУТРА

Один из главных учеников Шакьямуни.

ШАСАНА-ДЕВАТА

У джайнов божества-охранители тиртханкаров. Они всегда появляются вдвоем, и у каждого тиртханкары свои шасана-девата.

Сон матери Шакьямуни. Индийский рисунок.

ШВЕТАМБАРЫ

Буквально «одетые в белое». Направление в джайнизме, противопоставляющее себя дигамбарам и почитающее собственный канон религиозно-философских сочинений. Шветамбары утверждают, что первоначальный священный канон джайнских текстов сохранился до наших дней.

ШЕША

Тысячеглавый змей, который поддерживает землю. Это — царь нагов, он служит ложем для бога Вишну, отдыхающего в перерывах между творениями мира. В конце каждой кальпы Шеша извергает ядовитое пламя, уничтожающее вселенную. Считается, что землетрясения происходят, когда Шеша зевает.

ШИВА

Один из верховных богов, входящий вместе с Брахмой и Вишну в божественную триаду (Тримурти). В шиваизме Шива — высшее существо, олицетворение созидательных и разрушительных сил мироздания.

Воплощением космической энергии Шивы, регулирующей мировой порядок, служит оргиастический танец «тандава».

Главный символ Шивы — лингам. Свиту Шивы составляют праматхи («мучители»), бхуты, ветапы и пишачи — злые духи и оборотни, живущие на кладбищах и питающиеся человеческим мясом.

ШРУТИ

Буквально «услышанное». Раздел древнеиндийской литературы, произведения которого суть откровения, полученные мудрецами-риши от богов. У этому разделу относятся веды, брахманы, араньяки и упанишады.

ШУДРЫ

Одна из четырех варн, сословие слуг-«однорожденных», то есть не прошедших инициации. Шудры имели самый низкий социальный статус и должны были во всем повиноваться представителям других варн.

Ю

ЮГА

Мировой период. Насчитывается четыре юги — критаяуга, третаюга, двапараюга и калиюга. Названия юг заимствованы из игры в кости — так назывались стороны игральной косточки, соответственно, содержащие 4, 3, 2 и 1 метку и считавшиеся все менее благоприятными. Продолжительность юг также стоит в отношении 4:3:2:1 — они делятся, соответственно, 1 728 000 — 1 296 000 — 864 000 — 432 000 лет. Четыре юги составляют одну махаюгу, а 1000 махаюг — 1 кальпу, или сутки Брахмы.

ЮДХИШТХИРА

Герой, старший среди братьев пандавов, сын Кунти от бога Дхармы. В «Махабхарате» он воплощает собой закон, долг и справедливость. После окончания войны пандавов с кауравами Юдшитхирой стал царем, а после смерти вместе с братьями и Драупади попал в царство Индры.

Я

ЯДЖУРВЕДА

Одна из четырех вед, собрание жертвенных формул.

ЯКШИ

Полубоги, помощники бога богатства Куберы, охраняющие его сокровища и заповедные сады. Как правило, якши благожелательны к людям. Однако в буддийской мифологии они весьма кровожадны, особенно это относится к якшини — якшам женского пола. Якшини питаются человеческим мясом и пьют кровь детей.

ЯМА

Владыка царства мертвых, сын бога солнца Вивасвата и брат Ману. Согласно «Ригведе», он был «первым, кто умер» и открыл путь смерти для других. Считается, что Яма обитает в «нижнем мире», в своей столице Ямапуре. Он восседает на троне, и когда его посланцы приводят душу умершего, писец Читрагупта докладывает о всех его делах и поступках на Земле. Согласно этому докладу, Яма выносит решение, и либо душа умершего поселяется в раю предков, либо попадает в одну из адских обителей, либо возрождается на земле в дру-

ИНДИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ

гой телесной оболочке. Ездовое животное (вахана) Ямы — черный буйвол.

В буддизме Яма — также бог смерти.

ЯТУДХАНЫ

Демоны, наделенные колдовской силой. Ятудханы входили в армию ракшаса Гхатоткачи, которая сражалась с войском героя Карны. Гхатоткача напустил иллюзию, под покровом которой «со всех сторон стеклись на поле битвы львы, тигры и гиены, змеи с огненными языками и птицы с железными клювами... А ракшасы и пишачи, ятудханы и ощетинившиеся волки ринулись отовсюду к Карне, намереваясь сожрать его» («Дронапарва»). Но герой отразил нападение и рассеял иллюзию.

Библиография

Источники

- Атхарваведа. М., 1995.
Вишну-пурана. М., 1963.
«Да услышат меня земля и небо». Из ведийской поэзии. М., 1984.
Законы Ману. М., 1960.
Махабхарата. Рамаяна. М., 2004
Махабхарата. Поэтическое переложение. М., 2000.
Ригведа. Мандалы I–IV. М., 1989.
Ригведа. Мандалы V–VIII. М., 1995.
Ригведа. Мандалы IX–X. М., 1999.
Упанишады. М., 2000. Содержание: *Брихадараньяка-упанишада. Чхандогья-упанишада. Айтарея-упанишада. Кауши-таки-упанишада. Кена-упанишада. Тайттирия-упанишада. Катха-упанишада. Шветашвара-упанишада. Майтри-упанишада. Иша-упанишада. Мундака-упанишада. Прашна-упанишада. Мандукья-упанишада. Отрывки.*

Использованная литература

- Альбедиль М.Ф.* Индия: беспредельная мудрость. М., 2003.
- Бируни Абу Рейхан.* Индия. М., 1997.
- Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф.* Индия в древности. М., 1985.
- Боура С.М.* Героическая поэзия. М., 2003.
- Ганди М.* Моя жизнь. М., 1959.
- Гринцер П.А.* Древнеиндийский эпос. М., 1974.
- Дюмезиль Ж.* Верховные боги индоевропейцев. М., 1986.
- Елизаренкова Т.Я.* «Ригведа» — великое начало индийской литературы и культуры. — Ригведа. Мандалы I—IV. М., 1989.
- Елизаренкова Т.Я.* Мир идей ариев «Ригведы». — Ригведа. Мандалы V—VIII. М., 1995.
- Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н.* Мир вещей по данным «Ригведы». — Ригведа. Мандалы V—VIII. М., 1995.
- Елизаренкова Т.Я.* Слова и вещи в «Ригведе». М., 1999.
- Жаколио Л.* В дебрях Индии. М., 1995.
- Кейпер Ф.Б.Я.* Труды по ведийской мифологии. М., 1986.
- Королев К.М.* Энциклопедия символов. М.; СПб., 2003.
- Королев К.М.* Энциклопедия сверхъестественных существ. М.; СПб., 2002.
- Мифологический словарь. М., 1977.
- Мифологии древнего мира. М., 1990.
- Мифы народов мира. Энциклопедия. М., 1982.
- Неру Дж.* Открытие Индии. М., 1995.
- Рак И.В.* Мифы древнего и раннесредневекового Ирана. М.; СПб., 1998.
- Рерих Н.К.* Алтай—Гималаи. М., 1974.

Сахаров П.Д. Мифологические повествования в санскритских пуранах. М., 1991.

Сыркин А.Я. Ранние упанишады и Брихадараньяка. — Упанишады. М., 2000.

Темкин Э.Н., Эрман В.Г. Мифы древней Индии. М., 2002.

Томас П. Индия. Эпос, легенды, мифы. СПб., 2000.

Элиаде М. Словарь религий, обрядов и верований. М., 1997.